

You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Semantika truda v russko-pol'skom âzykovom sopostavlenii

Author: Gabriela Vil'k

Citation style: Vil'k Gabriela. (2013). Semantika truda v russko-pol'skom âzykovom sopostavlenii. Praca doktorska. Katowice : Uniwersytet Śląski

© Korzystanie z tego materiału jest możliwe zgodnie z właściwymi przepisami o dozwolonym użytku lub o innych wyjątkach przewidzianych w przepisach prawa, a korzystanie w szerszym zakresie wymaga uzyskania zgody uprawnionego.

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Силезский университет

Габриела Вильк

***Семантика труда в русско-польском
языковом сопоставлении***

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук,
профессор Пётр Червинский

Катовице 2013

Uniwersytet Śląski

Gabriela Wilk

*Semantyka pracy w aspekcie
konfrontatywnym rosyjsko-polskim*

Rozprawa doktorska

Promotor –
prof. zw. dr hab.
Piotr Czerwiński

Katowice 2013

Оглавление

Введение	6
Глава I. Теоретические основы исследования.....	15
1.1. Антропоцентрический подход к языку	15
1.2. Истоки антропоцентризма в современной лингвистике	17
1.3. Основные лингвистические направления в рамках антропоцентрической парадигмы	21
1.4. Понятие <i>языковая картина мира</i> в российской и польской лингвистике	29
1.5. Концепт как единица языковой картины мира	42
1.5.1. Концепт vs. понятие	42
1.5.2. Дефиниции концепта и подходы к его исследованию	45
1.5.3. Типология концептов	46
1.5.4. Основные свойства концептов	48
1.5.5. Методы исследования концептов	52
1.6. Роль подстандартной лексики и фразеологии в исследовании языковой картины мира	53
Глава II. Лексические средства характеристики труда в русском и польском языках.....	61
2.1. Этимологический анализ слов <i>труд, работа, trud, robota, praca</i>	61
2.2. Дифференцирующие смысловые признаки слов <i>труд, работа, trud, robota, praca</i>	66
2.3. Синонимы слов <i>труд, работа, trud, robota, praca</i>	74
2.4. Антонимы слов <i>труд, работа, trud, robota, praca</i>	81
2.5. Наименования лиц по отношению к труду	84
2.5.1. Наименования лиц, работающих много и тяжело	85
2.5.2. Наименования лиц, работающих много и усердно	87
2.5.3. Наименования лиц, работающих медленно	88
2.5.4. Наименования лиц, работающих быстро	89
2.5.5. Наименования лиц, выполняющих работу небрежно	89
2.5.6. Наименования лиц, выполняющих работу доброкачественно	91
2.5.7. Наименования лиц, живущих или пользующихся чужим трудом	92
2.5.8. Наименования лиц ленивых, бездельничающих	98

Глава III. Фразеологические средства характеристики труда в русском и польском языках 105

3.1. Фразеосемантическая группа ‘выполнение тяжелой, изнурительной работы’	105
3.2. Фразеосемантическая группа ‘большой объем работы’	118
3.3. Фразеосемантическая группа ‘усердное выполнение работы’	123
3.4. Фразеосемантическая группа ‘быстрое выполнение работы’	125
3.5. Фразеосемантическая группа ‘медленное выполнение работы’	129
3.6. Фразеосемантическая группа ‘непрерывное выполнение работы’	130
3.7. Фразеосемантическая группа ‘выполнение легкой работы’	132
3.8. Фразеосемантическая группа ‘старательное выполнение работы’	134
3.9. Фразеосемантическая группа ‘небрежное выполнение работы’	135
3.10. Фразеосемантическая группа ‘отсутствие заработка’	138
3.11. Фразеосемантическая группа ‘присвоение результатов чужого труда’	138
3.12. Фразеосемантическая группа ‘выполнение ненужной, лишённой смысла работы’	141
3.13. Фразеосемантическая группа ‘отсутствие желания трудиться, пребывание в праздности’	144

Глава IV. «Труд» в языковом сознании носителей современного русского и польского подстандарта 153

4.1. Ненормативные наименования трудовой деятельности либо ее отсутствия .	156
4.2. Ненормативные наименования лиц по отношению к труду	159
4.2.1. Наименования лиц, работающих много и тяжело	160
4.2.2. Наименования лиц, выполняющих нудную и однообразную работу	162
4.2.3. Наименования лиц, делающих что-либо быстро	163
4.2.4. Наименования лиц, выполняющих работу небрежно	163
4.2.5. Наименования лиц, живущих или пользующихся чужим трудом	164
4.2.6. Наименования лиц ленивых, бездельничающих	165
4.3. «Труд» в ненормативной фразеологии	168
4.3.1. Фразеосемантическая группа ‘выполнение тяжелой, изнурительной работы’	168
4.3.2. Фразеосемантическая группа ‘выполнение легкой работы’	169
4.3.3. Фразеосемантическая группа ‘медленное выполнение работы’	170
4.3.4. Фразеосемантическая группа ‘быстрое выполнение работы’	170

4.3.5. Фразеосемантическая группа ‘небрежное выполнение работы’	170
4.3.6. Фразеосемантическая группа ‘старательное выполнение работы’ ...	171
4.3.7. Фразеосемантическая группа ‘зарабатывание денег’	171
4.3.8. Фразеосемантическая группа ‘присвоение результатов чужого труда’	172
4.3.9. Фразеосемантическая группа ‘выполнение ненужной, лишённой смысла работы’	173
4.3.10. Фразеосемантическая группа ‘отсутствие желания трудиться, пребывание в праздности’	173
Заключение	177
Литература	181
Список сокращений	207
Приложения	209
Streszczenie	234

Введение

Начиная со второй половины XX века отмечается все возрастающий интерес лингвистов к постижению тайн языкового сознания того или иного народа. Наше диссертационное исследование вписывается в эту сложившуюся уже традицию искать путем анализа языковых данных ключ к лучшему пониманию особенностей восприятия, членения и оценки окружающей действительности представителями разных лингвокультур. Оно посвящено изучению семантики труда в двух близкородственных языках. основополагающей для нашей работы является идея российских лингвистов З.Д. Поповой и И.А. Стернина «входить «через анализ языковой семантики в сферу концептов»¹. Похожую мысль высказал и польский языковед Е. Бартминьски: «ostatecznie jednak kiedy mówimy o JOS, zawsze chodzi o semantykę, tj. o zawarte w języku i leżące u jego podstaw sposoby konceptualizacji świata»².

Тема труда издавна интересовала человечество. Уже в Ветхом Завете мы можем прочитать: «Человек рождается на труд, птенцы же суповы высоко парят» (Иов 5:7)³ (вольный перевод: «Человек рожден для труда, а птица для полета»), «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым» (Прит. 6:6) или «Нерадивый в работе своей – брат расточителю» (Прит. 18:10). Согласно библейскому тексту, труд – это осознанная необходимость, а трудолюбие и лень являются одними из определяющих качеств личности человека. Начиная с «Экономики» (греч. Oikonomikós) древнегреческого писателя и историка Ксенофонта, а также и «Домостроя» на русской почве, по сей день особенности трудовой деятельности широко обсуждаются в экономической литературе. Важность труда в жизни каждого из нас подтверждает и то, что в начале XX века немецкие ученые выделили даже отдельный тип человека – человека трудящегося, человека-строителя (*homo faber*), противопоставляемого человеку играющему (*homo ludens*). К исследованию труда неоднократно обращались российские и польские философы (папа римский Иоанн Павел II, ксендз Ю. Тишнер, считаемый создателем польской философии труда С. Бжозовски, Е. Галковски, а также виднейший представитель

¹ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Когнитивная лингвистика*, Москва 2010, с. 27.

² J. Bartmiński, *Językowy obraz świata Polaków w okresie przemian*, [w:] *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. 1, red. S. Gajda, Opole 2000, s. 180.

³ Данное изречение приводится по Елизаветинской Библии. Дальше в работе библейские изречения цитируются по синодальному русскому переводу.

праксеологии Т. Котарбински), историки (В. Корч, Б. Лапис, Ч. Стжешевски), антропологи (А. Задрожинска), социологи (Л.А. Окольская). Сосредоточивались они, прежде всего, на смысле и достоинстве человеческого труда. Тему труда не обошли вниманием и лингвисты. Ей был посвящен ряд публикаций российских исследователей, в частности Е.В. Гананольской, А.В. Головановой, Т.В. Гонновой, М.А. Ереминой, Е.В. Маркеловой, Г.В. Токарева, О.Е. Черновой и польских М. Бжозовской, Т. Гедз-Тополевской. Этой проблемой занимались также украинские и чешские лингвисты, И.М. Мирошниченко и А. Христу. Исследования велись, например, в следующих направлениях:

- рассматривались средства вербализации стереотипов трудовой деятельности в русском языковом сознании посредством разных культурных кодов (Г.В. Токарев);
- анализировались стереотипные представления о труде на материале русских народных говоров, напр., вологодских, говоров Карелии и сопредельных областей, Русского Севера, Среднего Урала (М.А. Еремина);
- описывались модификации понятия *труд* в разных типах дискурса: на материале газетных текстов, публиковавшихся в течение около 70 лет на страницах «Магнитогорского рабочего» (О.Е. Чернова), на материале польских религиозных и политических текстов 80-х и 90-х гг. XX в. (М. Бжозовска) и современных российских рекламных текстов (Т. Гедз-Тополевска);
- приводились социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языке в зависимости от пола, возраста и образовательного ценза его носителя (Т.В. Гоннова);
- предпринимались попытки описать на материале чешских народных песен, пословиц и современных анекдотов различия в способах восприятия труда женщинами и мужчинами (А. Христу).

Поскольку в мире все делится на противоположности, черное и белое, как писал И. Губерман, «добро со злом природой смешаны, как тьма ночей со светом дней»⁴, так и труд неотделим от лени. Тема лени освящалась в ряде статей российских ученых, таких, как А.В. Зеленин, В.И. Карасик, И.Б. Левонтина. А.В. Зеленин сосредоточил свое внимание на представлениях о русской лени в фольклоре, христианской религиозной традиции, литературе, В.И. Карасик – на

⁴ И. Губерман, *Гарики на каждый день*. Т. 2, <http://www.lib.ru/GUBERMAN/gariki2.txt> (дата обращения: 01.04.2013).

лингвокультурной специфике обозначения лени в русском и английском языках. И.Б. Левонтина, в свою очередь, рассуждала о лени как ощущении, которое можно испытывать и телом, и душой, и умом, а также подняла вопрос, связанный с аксиологической неопределенностью этого состояния. Если в польском языкознании появились практически единичные публикации, посвященные труду, то лень, по нашим данным, в лингвистических исследованиях ранее не описывалась.

Вне всякого сомнения, труд составляет ядро языкового сознания и принадлежит к ключевым концептам культуры. Именно выбором труда в качестве объекта нашего диссертационного исследования объясняется его актуальность. При этом немаловажно и то, что семантика труда еще недостаточно изучена, особенно в польском языкознании. Актуальность работы определяется также ее включенностью в проблематику современной антропоцентрической парадигмы, в рамках которой особую значимость приобрело изучение языковых данных в лингвокультурологическом либо когнитивном аспектах. Поэтому общетеоретической базой нашей работы послужили, прежде всего, постулаты лингвокультурологии и этнолингвистики (в частности люблинской школы, возглавляемой Е. Бартминьским), а также когнитивной лингвистики (с особым учетом развивающихся в России таких направлений, как культурологическое, лингвокультурологическое, семантико-когнитивное). В русистике и полонистике немало уже сделано для решения вопросов, связанных с реконструкцией отдельных фрагментов языковой картины мира. Однако и в этой области языкознания найдутся еще «белые пятна» и «нехоженые тропы».

При подборе материала мы решили не ограничивать себя единицами литературного языка. Важнейшим аргументом в пользу привлечения единиц ненормативных, т.е. просторечной и сленговой (жаргонной, арготической) лексики и фразеологии, иногда также вульгарной, является то, что, независимо от того, носителем какой формы речи является человек, он познает, оценивает окружающую его действительность и себя в ней, а в словах и выражениях, которыми он пользуется, так или иначе, отражено будет и отношение к труду. В последнее время мы имеем дело, с одной стороны, с возрастающим интересом лексикографов к славянскому подстандарту, о чем свидетельствует появление многочисленных словарей сленга (жаргона, арга), прежде всего в России, с другой, и это следует подчеркнуть, изучению ненормативного материала, особенно в лингвокультурологическом ключе, отводится значительно меньше внимания,

явление это еще мало изучено, хотя оно, несомненно, существенно. Все это также обуславливает актуальность данной работы.

Научная новизна исследования состоит в том, что нами впервые была предпринята попытка проведения межъязыкового (русско-польского) и внутриязыкового (литературный язык – подстандарт) сопоставления лексических и фразеологических единиц, объективирующих концепт «труд».

Теоретическую значимость работы мы усматриваем в том, что она вносит определенный вклад в развитие характеризующихся антропоцентрической ориентацией лингвистических направлений, таких, как лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика и социолингвистика, обобщая различные трактовки базовых их терминов в русистике и полонистике. Возможно, она может представлять ценность, прежде всего, для разработки теоретических вопросов, связанных с изучением национальных языковых картин мира.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в процессе обучения родному и иностранному языкам, в курсах по общему языкознанию, лексикологии, фразеологии, стилистике, а также в курсах междисциплинарного характера, при составлении учебников и учебных пособий (напр., по русскому языку для польской аудитории). Разработка проблем, связанных с реконструкцией фрагмента языковой картины мира, ведется в сопоставительном плане в контексте двух славянских лингвокультур (восточной и западной), и поэтому полученные результаты могут быть также использованы в теории и практике перевода, уменьшая вероятность возникновения коммуникативных сбоев. Кроме того, анализ нормативных и ненормативных лексических и фразеологических единиц, как представляется, даст возможность углубить знания учащихся относительно системы ценностей, характерных для русской и польской этноментальности в их динамическом развитии. Практическая ценность данной работы заключается еще и в том, что собранный языковой материал может найти применение в лексикографической практике, в частности при составлении словарей лингвокультурологического типа (одно- и двуязычных).

Цель исследования состояла в том, чтобы, во-первых, на основе анализа семантики лексических и фразеологических единиц, характеризующих трудовую деятельность, воссоздать соответствующий фрагмент языковой картины мира. Здесь сразу необходимо обратить внимание на то, что мы попытаемся представить отрывок языковой действительности, нашедший свое отражение в словарях, поэтому

в определенной степени он может отличаться от того, как труд воспринимается средним носителем языка. И, во-вторых, данная работа направлена на выявление культурно-универсальных и национально-специфических особенностей осмысления труда представителями русской и польской языковых картин мира.

В соответствии с поставленной целью в работе формулируется и решается ряд частных задач:

- освещение теоретических вопросов, связанных с определением терминов *языковая картина мира, концепт, разговорная речь, просторечие, арго, жаргон, сленг*;
- проведение этимологического анализа ключевых слов-репрезентантов концепта «труд»;
- построение синонимических рядов, репрезентирующих интересующий нас концепт;
- выделение антонимических пар к ключевым словам-репрезентантам концепта;
- выявление и классификация фразеологических средств репрезентации концепта «труд».

Материалом для исследования послужили лексические и фразеологические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из 61 лексикографического источника: из толковых и одно- и двуязычных фразеологических словарей, словарей синонимов, антонимов, разговорной речи, общего и молодежного сленга (жаргона, арго), вышедших прежде всего в последнее десятилетие. Материальную базу составили 673 единицы русского языка и 467 единиц польского, из которых было проанализировано в работе 600 и 420.

Вслед за польским лингвистом В. Хлебдой, считавшим, что «im więcej słowników podda się takiej próbie [rekonstrukcji JOS – Г.В.] ... im bardziej będą te słowniki zróżnicowane koncepcyjnie, tym wyłaniająca się z nich wypadkowa będzie bardziej wiarygodna»⁵, мы также исходим из предпосылки, что чем больше словарных статей будет подвергнуто анализу, тем более полное представление о трудовой деятельности мы получим.

Материалы литературного польского и русского языков в основном соотносимы с незначительной тенденцией увеличения количества единиц в русском языке. Вместе с тем необходимо оговорить некоторую количественную

⁵ W. Chlebda, *W poszukiwaniu językowo-kulturowego obrazu świata Słowian*, [w:] *Etnolingwistyka a leksykografia. Tom poświęcony Profesorowi Jerzemu Bartmińskiemu*, red. W. Chlebda, Opole 2010, s. 15.

диспропорцию в материалах ненормативного русского и польского языков. Причину этому следовало бы, прежде всего, искать в разной степени фиксации такой лексики и фразеологии русскими и польскими словарями. В России, по сравнению с Польшей, было издано намного больше словарей сленга (жаргона, аргю), к тому же более объемных. К примеру, «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной содержит 32000 слов и выражений, «Большой словарь молодежного сленга» С.И. Левиковой 13000, «Толковый словарь русского сленга» В.С. Елистратова 12000 и т.д. В «Słownik slangu młodzieżowego» М. Чешевского вошло 7000 слов и выражений, а в «Słownik slangu studentów Uniwersytetu Gdańskiego» под ред. М. Видавского лишь 2500. Еще одной причиной является также и то, что российские и польские лингвисты по-разному подходят к понятию *языковой нормы*. Так, например, в «Słownik polszczyzny potocznej» М. Чешевского включены слова из студенческого, школьного, компьютерного жаргона, из жаргона наркоманов, создателей граффити, музыкантов, спортсменов и др. Материал, извлеченный из «Słownika slangu młodzieżowego» М. Чешевского, полностью нашел свое отражение в «Słowniku mowy potocznej» (53 из 53 единиц, характеризующих трудовую деятельность).

Стоит также заметить, что ненормативные фразеологические единицы в обоих языках чаще всего сопровождают толкование отдельных лексем. Исключением являются словарь-справочник «Новая русская фразеология» В.М. Мокиенко (который фиксирует состояние не такой уж новой русской фразеологии, т.е. 50-90-х гг. XX в.) и «Польско-русский фразеологический словарь молодежного сленга» Е. Невзоровой-Кмеч, полностью посвященные фразеологизмам (по 4000 единиц в каждом из них), а также «Большой словарь молодежного сленга» С.И. Левиковой, в котором фразеологическим выражениям и устойчивым словосочетаниям отводится отдельная, содержащая около 3000 единиц часть словаря. Интересующие нас ненормативные фразеологические единицы помещены также в «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Поскольку, по замыслу авторов, этот словарь фиксирует состояние русской фразеологии конца XX – начала XXI вв., в него, помимо фразеологизмов литературного русского языка, включены и жаргонная идиоматика, и русский мат.

Значение некоторых лексем и фразеологизмов, отобранных из традиционных словарей, уточнялось по электронным словарям сленга, таким, как «Slanger.ru –

Словарь молодежного, компьютерного и другого сленга и жаргона», «Teenslang.su – Словарь молодежного сленга», «Miejski słownik slangu i mowy potocznej», за счет которых одновременно расширялся базовый список единиц синонимами, дублетами, не учтенными в печатных изданиях и зафиксированными другими авторами, в частности, не филологами.

Для решения поставленных задач были применены следующие методы:

- метод этимологического анализа, который дал возможность изучить концепт в диахронии и вывести механизм его развития и формирования;
- метод компонентного анализа, который использовался при анализе семантики всех единиц исследования;
- метод концептуального анализа, который был направлен на выявление способов вербализации трудовой деятельности в русском и польском языках;
- сопоставительный метод, который привлекался для обнаружения общих и различительных черт русского и польского языкового сознания относительно отношения к труду.

Сочетание различных методов анализа позволило разносторонне и относительно полно охарактеризовать особенности восприятия трудовой деятельности в языковом сознании русских и поляков.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка сокращений и 3 приложений.

Первая глава является теоретическим обоснованием настоящего исследования. Она состоит из шести разделов. Первый раздел «Антропоцентрический подход в современной лингвистике» посвящен проблемам изучения главенствующей роли человеческого феномена в лингвистических исследованиях. Второй «Истоки антропоцентризма в современной лингвистике» отсылает к основным постулатам известных ученых: И.Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, Э. Сепира и Б. Уорфа. В третьем разделе внимание уделено основным направлениям антропоцентрической парадигмы – лингвокультурологии, этнолингвистике и когнитивной лингвистике. Сопоставляется несколько определений указанных направлений, предложенных разными авторами. В четвертом разделе рассматривается и конкретизируется понятие *языковой картины мира* в российской и польской лингвистике, а в пятом исследуется понятие *концепта* как базовой ее единицы. Здесь излагаются различные подходы к концепту,

а также описываются основные его свойства. Шестой раздел «Роль подстандартной лексики и фразеологии в исследовании языковой картины мира» является подтверждением того, что тот или иной фрагмент языковой действительности можно исследовать на всех уровнях функционирования языка и культуры. В нем рассматриваются существующие в научной литературе точки зрения на проблему разграничения разговорной речи, просторечия, сленга, жаргона и арго.

Во второй главе «Лексические средства характеристики труда в русском и польском языках», состоящей из пяти разделов, анализу подвергаются лексемы, отражающие специфику концептуализации трудовой деятельности в языковом сознании русских и поляков, конкретно две лексемы русского языка *труд* и *работа* и три лексемы польского – *praca*, *robota* и *trud*. Приводятся дифференцирующие смысловые признаки названных слов, которые в дальнейшем составляют базу для сравнения двух близкородственных языков в лингвокультурологическом аспекте. Выстраиваются синонимические ряды ключевых слов-репрезентантов концепта «труд» и представляются их антонимы. Детально анализируются также наименования лиц по отношению к труду.

В третьей главе «Фразеологические средства характеристики труда в русском и польском языках» предпринимается попытка распределения всего многообразия фразеологического материала по семантическим группам. В тринадцати разделах производится обстоятельный анализ фразеологических единиц в зависимости от того, какой признак трудовой деятельности в них актуализируется.

В отличие от нормативного материала, ненормативная лексика и фразеология описываются в одной главе «Труд в языковом сознании носителей современного русского и польского подстандарта». Она состоит из трех разделов, в которых соответственно рассматриваются общие наименования трудовой деятельности либо ее отсутствия, наименования лиц по отношению к труду и фразеологические единицы, характеризующие трудовую деятельность. Сопоставляется репрезентация концепта «труд» средствами подстандарта и литературного языка.

В заключении подводятся основные итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки его положений.

Содержание диссертационного исследования дополнено 3 приложениями, в которых нашел свое отражение весь собранный нами русский и польский языковой материал.

Приложение 1 содержит литературные, просторечные и сленговые наименования трудовой деятельности (синонимы, антонимы). В приложении 2 представлен список всех лексических наименований лиц в их отношении к труду, в приложении 3 нашел свое отражение фразеологический материал.

Концептуальные идеи работы, сводятся к следующим положениям, выносимым на защиту:

1. «Труд» представляет собой универсальный концепт культуры. Его универсальность подтверждается общими концептуальными моделями, общими семантическими группами, характеризующими трудовую деятельность в русской и польской лингвокультурах.
2. Наблюдаемые отличия обусловлены не разной концептуализацией трудовой деятельности носителями русского и польского языков. Скорее всего, можно говорить о различиях в словесном наполнении той или иной семантической группы, и в этом необходимо искать ее индивидуально-национальный характер.
3. Языковое сознание русских и поляков акцентирует особую ассоциативную связь между трудом и бездельем. Труд – безделье – это комплементарная, взаимодополняющаяся пара, занимающая прочное место в системе ценностей представителей русской и польской лингвокультур.

Апробация работы осуществлялась в ходе участия автора в международных научных конференциях «Актуальные тенденции в исследовании славянских языков, литератур и культур» (Клуж-Напока, Румыния, 2008), «Международная научная конференция Даугавпилсского университета» (Даугавпилс, Латвия, 2008), «Мир славян в языке и культуре» (Поберово, Польша, 2008, 2010, 2011, 2012), «Лексика. Семантика. Прагматика» (Поберово, Польша 2012), «Русистика и современность» (Рига, Латвия, 2010; Санкт-Петербург, Россия, 2011). Положения диссертационного исследования отражены в 11 научных публикациях.

Глава I. Теоретические основы исследования

1.1. Антропоцентрический подход к языку

Становление антропоцентрической (от греч. *anthrōpos* ‘человек’ + лат. *centrum* < греч. *kentron* ‘центр’) парадигмы¹ в языкознании обусловило, по словам В.А. Масловой, «переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект»². По замечанию А.М. Левицкого, бесспорно главным объектом лингвистики в настоящее время является не языковой процесс, не языковая система, не языковой механизм, а сам человек говорящий (*homo loquens*)³ как субъект языка, культуры и коммуникации. *Homo loquens* представляет собой единство, состоящее из языковой, речевой и коммуникативной личностей, в котором важнейшей составляющей является личность языковая, которая, в свою очередь, также обладает довольно сложной структурой. Она имеет три структурных уровня: нулевой (вербально-семантический), первый (когнитивный) и второй (прагматический). Вербально-семантический уровень, называемый также лексиконом языковой личности, отражает владение лексико-грамматическим фондом языка, когнитивный уровень (тезаурус) предполагает реконструкцию более или менее упорядоченной и систематизированной картины мира, отражающей иерархию ценностей каждой языковой индивидуальности, а прагматический (прагматикон) – включает в себя цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности, которые движут развитием языковой личности⁴. Согласно другому определению, *homo loquens* выступает в двух ипостасях – *homo sapiens* и *homo litteratus / symbolicus*, причем *homo sapiens* – это человек разумный, представитель человеческого рода как такового, а *homo litteratus / symbolicus* – человек культурный, «владеющий своим

¹ Под *научной парадигмой* мы понимаем, вслед за американским философом и историком Т. Куном, «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений», Т. Кун, *Структура научных революций*, Москва 1977, с. 31, цит. по: Н.Ф. Алефиренко, *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм*, Москва 2008, с. 8. Традиционно в науке о языке выделяются три основные парадигмы: сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая.

² В.А. Маслова, *Современные направления в лингвистике*, Москва 2008, с. 10.

³ А.М. Lewicki, *Językoznawstwo polskie w XX wieku*, [w:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2010, s. 653.

⁴ Ю.Н. Караулов, *Языковая личность и задачи ее изучения*, [в:] *Idem, Язык и личность*, Москва 1989, http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm (дата обращения: 14.11.2011).

языком и умеющий кодировать знаки культуры / лингвокультуры»⁵, носитель языка, являющийся одновременно и носителем культуры. Стоит привести еще одну, как представляется, наиболее общую, дефиницию *homo loquens*, принадлежащую Е. Бартминьскому. По его мнению, *homo loquens* – это субъект, осуществляющий концептуализацию и профилирование действительности⁶, причем под термином *профилирование* он понимает «языковую и понятийную операцию, заключающуюся в своеобразном формировании образа предмета посредством восприятия его в определенных аспектах (подкатегориях, фасетах)»⁷. Приведенные дефиниции человека говорящего, объекта современных лингвистических исследований, явно свидетельствуют о том, что в языкознании произошла смена вектора развития, переход «от лингвистики „имманентной” [системоцентрической, сосюрховской – Г.В.] с ее установкой рассматривать язык „в самом себе и для себя” к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью»⁸. По замечанию В.А. Масловой, мы имеем дело со сменой ценностных ориентаций в языкознании, лингвистика гуманизировалась⁹. Сходное мнение о переносе центра тяжести в лингвистических исследованиях высказывает Р. Гжегорчикова¹⁰, а Я. Анусевич говорит об антисциентистском переломе в гуманитарных науках, благодаря которому общепризнанным стало изучение языка, существующего не изолированно, а в неразрывной связи с культурой, обществом, действительностью, а также с человеком как социальной единицей и уникальной личностью¹¹. Таким образом,

⁵ В.В. Красных, *Лингво-когнитивные основы воспроизводимости*, «Вестник ЦМО МГУ» 2009, № 3, с. 54, <http://botanikliferu.504.com1.ru:8025/WWW/cie/vestnik/pdf/2009/n3/KRASNYKH3.pdf> (дата обращения: 14.11.2011).

⁶ J. Bartmiński, *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin 2006, s. 7, 135.

⁷ Е. Бартминьский, С. Небжеговская, *Профили и субъективная картина мира*, пер. М.В. Ясинской, [в:] Е. Бартминьский, *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005, с. 106. Следует здесь подчеркнуть, что определение *профилирования* Бартминьского отличается от «классической» дефиниции Р. Лангакера. См. об этом: Н.Ф. Алефиренко, *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка*, Москва 2010, с. 29–30; U. Majer-Baranowska, *Dwie koncepcje profilowania pojęć w lingwistyce*, „Etnolingwistyka” Т. 16 (2004), s. 85–109.

⁸ В.И. Постовалова, *Картина мира в жизнедеятельности человека*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира*, ред. Б.А. Серебрянников, Москва 1988, с. 8. Ср. также слова Ю.Н. Караулова: «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности», Ю.Н. Караулов, *Русский язык и языковая личность*, Москва 1987, с. 7.

⁹ В.А. Маслова, *Когнитивная лингвистика*, Минск 2005, с. 10.

¹⁰ См.: R. Grzegorzczkova, *Rozwój koncepcji języka w lingwistyce XX wieku*, [w:] *Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju*, red. S. Dubisz, S. Gajda, Warszawa 2001, s. 56–57.

¹¹ J. Anusiewicz, *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*, Wrocław 1994, s. 6.

как полагает С.Г. Воркачев, антропоцентрическая парадигма возвратила человеку протагоровский статус «меры всех вещей»¹².

1.2. Истоки антропоцентризма в современной лингвистике

Необходимо помнить, что ни одно методологическое предложение не возникает на пустом месте, из ничего, напротив, оно является результатом преемственности развития лингвистической мысли¹³. В этом контексте справедливым является утверждение Б.А. Ольховикова и Ю.В. Рождественского о том, что «почти во всех современных концепциях мы находим отчетливые следы влияния идей авторов прошлых веков»¹⁴. Обращение к истокам антропоцентризма, в частности к немецкой философии и американской антропологии, позволит нам глубже раскрыть суть основных положений современных лингвистических исследований второй половины XX – начала XXI вв. и на их основании разобраться с нашим языковым материалом.

Традиция изучения связей языка с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью восходит к философским учениям XVIII-XIX вв. Предтечей идеи об активной роли языка в процессах познания и осмысления мира принято считать философа И.Г. Гердера. Этот представитель немецкого Просвещения полагал, что границы познания совпадают с границами языка. То, что, напр., арабский язык богат словами, называющими камень, верблюда, меч, ужа, цейлонский – определениями женщин, а в караибском языке в зависимости от пола говорящего существуют два разных названия кровати, луны, лука, – тесно связано с происхождением и характером народа, его обычаями, и за эту синонимию отвечает творческий «дух народа»¹⁵. Идеи Гердера о природе и происхождении языка из развития мышления, о «духе народа», осмысляемом каждым народом по-своему, легли в основу философии языка немецкого романтика В. фон Гумбольдта. Гумбольдтовскую концепцию языка, как замечает С. Грабяс, нельзя рассматривать,

¹² С.Г. Воркачев, *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании*, «Филологические науки» 2001, № 1, с. 64, <http://lincon.narod.ru/lingvocult.htm> (дата обращения: 25.01.2012).

¹³ R. Tokarski, *Językowy obraz świata a niektóre założenia kognitywizmu*, „Etnolingwistyka” Т. 9/10 (1998), s. 8.

¹⁴ Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский, *Введение*, [в:] Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский, *Очерки по истории лингвистики*, Москва 2005, с. 7.

¹⁵ J.G. Herder, *Rozprawa o pochodzeniu języka*, przeł. В. Płaczkowska, [w:] Idem, *Wybór pism*, Wrocław 1987, s. 122–123.

не опираясь на мысли Гердера, и поэтому польский лингвист говорит о тезисе Гердера-Гумбольдта, подчеркивая тем самым сходства взглядов этих двух выдающихся ученых¹⁶.

Так, Гумбольдт в своем учении большое место отводил языку, который одновременно «представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить артикулированный звук в выражение мысли»¹⁷ (деятельностный подход к изучению языка), и «есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное»¹⁸ (натуралистический подход). Обосновывая свой деятельностный подход к исследованию языка, немецкий философ и языковед утверждал, что «язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia)»¹⁹, т.е. вопреки тому, что язык содержит много неизменных элементов (напр., основной словарный запас, ценности и оценки), не является готовым средством межчеловеческой коммуникации, а непрерывно развивается в ходе его использования²⁰. Язык – это явление, постоянно изменяющееся еще и потому, что выражает объективированное индивидуальное мировоззрение («ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное»²¹), а субъективные способы восприятия мира никогда не являются раз и навсегда данными. Из положения о тождестве языка и «духа народа», в свою очередь, естественным образом следует, что любой язык является неповторимым и уникальным, так как он отражает национальную культуру того или иного народа, его национальный взгляд на мир. Убедительно это показал и В.А. Звегинцев, перефразируя слова Гумбольдта следующим образом: «Язык народа находит свое воплощение в образе мыслей народа, и образ мыслей народа воплощается в его языке – и трудно представить себе что-либо более тождественное»²². А образ мыслей, несомненно, у каждого народа свой. Язык, согласно Гумбольдту, имеет также свою внутреннюю форму, обусловленную

¹⁶ О тезисе Гердера-Гумбольдта см.: S. Grabias, *Język w zachowaniach społecznych*, Lublin 2003, s. 43.

¹⁷ В. фон Гумбольдт, *О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (извлечения)*, <http://philologos.narod.ru/classics/humboldt.htm> (дата обращения: 31.03.2012).

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ J. Anusiewicz, *Problematyka językowego obrazu świata w poglądach niektórych językoznawców i filozofów niemieckich XX wieku*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin 2004, s. 264.

²¹ В. фон Гумбольдт, *О различии строения человеческих языков...*

²² В.А. Звегинцев, *О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта*, [в:] В. фон Гумбольдт, *Избранные труды по языкознанию*, Москва 1984, с. 359.

«духом народа» и понимаемую как «выражение индивидуального мирозерцания (*resp.* национальной специфичности) народа»²³.

Необходимо подчеркнуть, что общеизвестным стало также гумбольдтовское утверждение о том, что «разные языки – это не различные звуковые обозначения одного и того же предмета, а „различные видения” его»²⁴. Оно легло в основу введения в лингвистический обиход понятия *языковая картина мира* (далее ЯКМ), которое и является ключевым для нашей работы. Можно сказать, что этим изречением Гумбольдт наметил также перспективный путь для сравнительного анализа разных языков.

Идеи Гумбольдта получили свое дальнейшее развитие в трудах представителей неогумбольдтианства (Л. Вайсгербера, Х. Гиппера, В. Порцига, Й. Трира, М. Хайдеггера, П. Хартмана и др.), виднейшим среди которых являлся Л. Вайсгербер. Поскольку этот немецкий лингвист, как представляется, в большей степени, чем другие неогумбольдтианцы опирался на мысли своего предшественника, его принято называть Гумбольдтом *redivivus*²⁵. Вайсгербер прославился своей концепцией ЯКМ, на которой сосредоточим теперь наше внимание. Для объяснения природы ЯКМ Вайсгербер пользовался метафорой звездного неба, наблюдение которого производит впечатление бесчисленности и беспорядочности звезд. Однако на самом деле среди бесчисленного количества звезд встречаются и такие, которые получают свои наименования, а и беспорядочность звезд мнимая, так как они объединяются в группы. «Отдельные звезды на этой картине, – пишет Вайсгербер, – держатся друг за друга только благодаря некогда осуществленной и закрепленной в языке классификации, с помощью которой упорядочено ночное небо. ... Само собой разумеется, что у разных народов эта классификация звездного неба осуществлялась различным образом»²⁶. Если пользоваться более научным языком,

²³ В.М. Мокиенко, *Языковая картина мира в зеркале фразеологии*, [w:] *Frazeologia a językowe obrazy świata przelotni wieków*, red. W. Chlebda, Opole 2007, s. 49. Приведенная здесь дефиниция В.М. Мокиенко, на наш взгляд, в обобщенной форме и очень точно передает смысл внутренней формы. Сам В. фон Гумбольдт много раз и разными способами объяснял это понятие. Подробнее о внутренней форме в трактовке Гумбольдта см.: Е.М. Kowalska, *Wilhelm von Humboldt: życie, dzieło, mit*, Rzeszów 2006, s. 248–252.

²⁴ Цит. по: Г.В. Рамишвили, *Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания*, [в:] В. фон Гумбольдт, *Избранные труды*..., с. 9.

²⁵ А. Mańczyk, *Wspólnota językowa i jej obraz świata. Krytyczne uwagi do teorii językowej Leo Weisgerbera*, Zielona Góra 1982, s. 7. Так называть Л. Вайсгербера предложил Л. Йост. См. также: О.А. Радченко, *Лингвофилософский неоромантизм Й.Л. Вайсгербера*, «Вопросы языкознания» 1993, № 2, с. 107.

²⁶ Цит. по: О.А. Корнилов, *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, Москва 2003, с. 91.

то, имея основой гумбольдтовское понятие *языкового видения мира*, ЯКМ Вайсгербер понимал как «образ, запечатленный лишь в структурах языковых содержаний, которые, являясь предметами мышления, организуют и упорядочивают внешний мир, а также служат источником знаний о нем»²⁷. На вопрос, в чем же заключается суть ЯКМ, ученый отвечает следующим образом: она состоит в том, чтобы определить, какие содержания, знания, опыт и оценки действительности аккумулируются в языке и передаются последующим поколениям²⁸. Исследование ЯКМ должно происходить путем детального анализа языкового (семантического) содержания методом языкового (семантического) поля (парадигматический подход к описанию поля). Унаследовав от Гумбольдта понятие *energeia* (энергия, сила), Вайсгербер является также сторонником «энергетического» (деятельностного) подхода к изучению языка. Язык – это энергия, во многом определяющая специфические черты данного народа, говорящего на том или ином языке. Для Вайсгербера язык предстает еще как «промежуточный мир» между человеком и внешним миром, представляющий собой результат «преобразования материального, вещественного, физического мира в интеллектуально-понятийный мир»²⁹.

Продолжая наш обзор истоков антропоцентризма в современном лингвистическом знании, уместно вспомнить также о занимающихся исследованием различных бесписьменных языков индейских племен представителях американской антропологической лингвистики Ф. Боасе, Э. Сепире, Б. Уорфе, так как они внесли значительный вклад в разработку проблемы соотношения языка и мышления, языка и культуры. Наиболее интересными с позиции нашей работы необходимо считать идеи двух последних ученых, в первую очередь их гипотезу лингвистической относительности, суть которой сводится к двум положениям: во-первых, «познание детерминировано языковыми структурами; язык „определяет” культурный опыт человека» (тезис языкового детерминизма), во-вторых, познание релятивизировано к отдельным языкам, похожим образом упорядочивающим культурный опыт человека (тезис языкового релятивизма)³⁰. В данном месте следовало бы отметить,

²⁷ А. Маńczyк, *Wspólnota językowa...*, s. 41 (перевод мой – Г.В.).

²⁸ J. Anusiewicz, A. Dąbrowska, M. Fleischer, *Językowy obraz i kultura. Projekt koncepcji badawczej*, [w:] *Język a Kultura*. Т. 13: *Językowy obraz świata i kultura*, red. A. Dąbrowska, J. Anusiewicz, Wrocław 2000, s. 25.

²⁹ J. Anusiewicz, *Problematyka językowego obrazu świata...*, s. 271 (перевод мой – Г.В.).

³⁰ P. Bytniewski, *Język i kultura w koncepcji E. Sapira i B.L. Whorfa*, [w:] *Język a Kultura*. Т. 2: *Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne*, red. J. Puzynina, J. Bartmiński, Wrocław 1991, s. 15.

что, хотя американские исследователи в одно и то же время пришли к сходным выводам, Сепир является сторонником умеренного релятивизма, а Уорф – крайнего. Кроме того, идеи Б. Уорфа оказались созвучными идеям Л. Вайсгербера. Поэтому весьма оправданным считается называть Уорфа американским Вайсгербером³¹.

Широкую известность получило также утверждение Сепира о том, что «два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками»³². Наблюдение это особенно важно для нашего диссертационного исследования, так как позволяет объяснить существование тех или иных отличий в способах восприятия окружающей действительности, в частности трудовой деятельности, носителями русского и польского языков. Сепир подчеркивал также, что «язык не существует вне культуры, то есть вне социально-унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни»³³. Как пишет А. Вежбицка, Сепир рассматривал язык, культуру и личность как единое целое, это, в его понимании, лишь три разных аспекта той же самой действительности³⁴.

Завершая наши рассуждения относительно истоков антропоцентрической парадигмы, стоит подчеркнуть, что идеи представителей немецкой и американской философско-лингвистических школ оказались весьма плодотворными, позволив заглянуть в глубину сознания носителя того или иного языка. Их значение для развития современного языкознания трудно переоценить, особенно в отношении лингвокогнитивных и лингвокультурных исследований.

1.3. Основные лингвистические направления в рамках антропоцентрической парадигмы

Антропоцентрическая парадигма существенно расширяет горизонты научных исследований, и поэтому, начиная со второй половины XX века, в языкознании

³¹ А. Ма́ńczyк, *Wspólnota językowa...*, s. 37.

³² Э. Сепир, *Статус лингвистики как науки*, [в:] Idem, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва 1993, <http://www.philology.ru/linguistics1/sapir-93c.htm> (дата обращения: 07.11.2011).

³³ Э. Сепир, *Язык, раса и культура*, [в:] Idem, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва 1993, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sepir/10.php (дата обращения: 07.11.2011).

³⁴ А. Wierzbicka, *Sapir a współczesne językoznawstwo*, [w:] E. Sapir, *Kultura, język, osobowość: wybrane eseje*, przeł. B. Stanosz, R. Zimand, Warszawa 1978, s. 26.

бурно развивается целый ряд направлений, носящих интердисциплинарный характер, т.е. возникших на стыке лингвистики и смежных научных дисциплин. К таким направлениям, базирующимся на синтезе знаний, получаемых в разных науках, относятся, напр., развивающаяся под эгидой когнитивной науки когнитивная лингвистика, а также лингвокультурология, этнолингвистика, психолингвистика и социолингвистика. Границы между этими направлениями часто оказываются зыбкими, а сферы их интересов во многих отношениях пересекаются. К примеру, лингвокультурология, как следует из ее названия, появилась на стыке лингвистики и культурологии, а в развитие культурологии значительный вклад, согласно В.А. Масловой, кроме лингвистики, внесли также философия, история, антропология, социология, психология, этнология, этнография, искусствоведение, семиотика и информатика³⁵. И.П. Лысакова подчеркивает, что лингвокультурология обладает «стихийной гибридностью» и в ее понятийном аппарате мы находим родство и с социолингвистикой, и с этнолингвистикой, и с психолингвистикой³⁶. А. Домбровска добавляет, что лингвокультурология во многом учитывает также достижения когнитивизма³⁷. На стыке лингвистики и психологии, в свою очередь, возникла и когнитивная лингвистика, и психолингвистика. Точку соприкосновения между когнитивной лингвистикой и психолингвистикой видит, в частности, П.Б. Паршин. Как пишет Р.М. Фрумкина, «в интересной статье Паршина когнитивная лингвистика характеризуется как „психолингвистика наоборот”». Обосновывается эта позиция так: когнитивный подход ориентирован на выяснение лингвистической реальности психологических гипотез, их лингвистическую проверяемость. Психолингвистика же, согласно Паршину, всегда занималась выяснением психологической реальности лингвистических гипотез, т.е. ориентировалась на психологическую проверяемость»³⁸. Идя дальше, В.А. Маслова называет многие источники, в результате взаимодействия которых возникла когнитивная лингвистика. Это такие, как когнитивная психология, лингвистическая

³⁵ В.А. Маслова, *Лингвокультурология*, Москва 2001, с. 12.

³⁶ И.П. Лысакова, *К вопросу о понятийном аппарате дисциплин «лингвокультурология» и «межкультурная коммуникация»*, <http://uapryal.com.ua/training/lyisakova-i-p-k-voprosu-o-ponyatiynom-apparate-distiplin-lingvokulturologiya-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/3/> (дата обращения: 07.01.2012).

³⁷ А. Dąbrowska, *Współczesne problemy lingwistyki kulturowej*, [w:] *Polonistyka w przebudowie: literaturoznawstwo – wiedza o języku – wiedza o kulturze – edukacja: Zjazd Polonistów, Kraków, 22-25 września 2004*. Т. 1, zespół redakcyjny M. Czermińska [et al.], Kraków 2005, s. 101.

³⁸ Р.М. Фрумкина, *Когнитивная лингвистика, или «психолингвистика наоборот»?* <http://psixling.ru/pril/65-65.html> (дата обращения: 14.11.2011).

типология, этнолингвистика, нейролингвистика, психоллингвистика, культурология и сравнительно-историческое языкознание³⁹. С учетом основных положений когнитивной лингвистики, психоллингвистики, а также социоллингвистики развивается, по словам Е. Бартминьского, и славянская этнолингвистика, однако она теснейшим образом связана прежде всего с другими направлениями – с диалектологией, фольклористикой и этнографией⁴⁰. На основании сказанного мы можем говорить о развитии современного языкознания «не столько вглубь, сколько вширь», и поэтому диапазон исследований, проводимых в рамках антропоцентрической парадигмы, является весьма широким. Однако нужно учесть, что интегральный подход, ставящий своей целью дать полное, всестороннее описание и объяснение языковых фактов и тем самым подчеркивающий недостатки «лингвистического снобизма» или «лингвистического изоляционизма»⁴¹, имеет своих сторонников и противников. С. Гайда пишет: «Poznawcza produktywność integracji międzydyscyplinarnych sprawia, że w drugiej połowie XX wieku wzrastają powiązania o charakterze interdyscyplinarnym, multidyscyplinarnym i transdyscyplinarnym, tworzą się para dyscypliny typu: „badania nad...” i „dyscypliny hybrydowe”. Z jednej strony scalają one wiedzę, przełamując podział na zamknięte obszary, por. psycholingwistyka, socjolingwistyka, z drugiej – wykazują również specjalizującą tendencję rozwojową. Poszczególne interdyscypliny nie wykazują często troski o wzajemną integrację, a także „gubią” lingwistyczną oporę»⁴².

Мы считаем вполне обоснованным комплексный интердисциплинарный подход к детальному изучению человеческого фактора в языке и поэтому в нашей работе будем совмещать базовые положения нескольких лингвистических направлений.

С учетом объекта нашего исследования попытаемся теперь более подробно описать, какие исследовательские задачи ставят перед собой лингвокультурологи, этнолингвисты, когнитологи. Постараемся также выявить общие и различительные

³⁹ В.А. Маслова, *Когнитивная лингвистика...*, с. 20–22.

⁴⁰ J. Bartmiński, *Etnolingwistyka słowiańska – próba bilansu*, „Etnolingwistyka” Т. 16 (2004), s. 10. Ср. также: А. Журавлев, *Славянская этнолингвистика в работах Н.И. Толстого (Предисловие редактора)*, [в:] Н.И. Толстой, *Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва 1995, с. 8.

⁴¹ Подробнее о «лингвистическом снобизме» и «лингвистическом изоляционизме» см.: О.А. Корнилов, *Языковые картины мира...*, с. 108.

⁴² S. Gajda, *Językoznawstwo na rozdrożu?* [w:] *Nowe czasy, nowe języki, nowe (i stare) problemy*, red. E. Jędrzejko, Katowice 1998, s. 13.

черты между интересующими нас направлениями в России и в Польше. Отправной точкой послужат постулаты лингвокультурологии.

«Достоянием собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры»⁴³, согласно В.Н. Телия, принято считать именно лингвокультурологию. В этом месте сразу же следует отметить, что до сих пор среди ученых не сложилось единого мнения относительно статуса лингвокультурологии. Одни лингвисты (напр., Н.Ф. Алефиренко, В.В. Красных, В.А. Маслова) считают лингвокультурологию самостоятельной дисциплиной, другие (С.Г. Воркачев, В.Н. Телия) – разделом этнолингвистики. К примеру, как полагает В.В. Красных, лингвокультурология – это «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе»⁴⁴. В свою очередь, лингвокультурология, если использовать «химическую» метафору С.Г. Воркачева, «это новейшее молекулярное соединение в границах этнолингвистики, отличное от всех прочих своим „атомарным составом” и валентностными связями: соотношением „долей” лингвистики и культурологии и их иерархией»⁴⁵. В русистике сложились также мнения о том, что не лингвокультурология представляет собой раздел этнолингвистики, а наоборот, этнолингвистика, изучающая национальные, народные, племенные особенности этноса, наряду с социолингвистикой, в центре интересов которой находятся особенности социальной структуры конкретного этноса (социума) и этноса (социума) вообще, является разделом более обширной дисциплины⁴⁶, и этой дисциплиной, по В.И. Карасику, можно считать именно лингвокультурологию⁴⁷.

Появлению всех этих терминологических разногласий способствует и то, что лингвокультурология неоднородна. В ее рамках в конце XX – начале XXI вв. сформировалось пять направлений (лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, диахроническая, сравнительная, сопоставительная лингвокультурология и лингвокультурная лексикография) и четыре лингвокультурологические школы (школа

⁴³ В.Н. Телия, *Русская фразеология: семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты*, Москва 1996, с. 222.

⁴⁴ В.В. Красных, *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций*, Москва 2002, с. 12.

⁴⁵ С.Г. Воркачев, *Методологические основания лингвоконцептологии*, [в:] *Теоретическая и прикладная лингвистика*. Вып. 3: *Аспекты метакоммуникативной деятельности*, ред. В.Б. Кашкин, Воронеж 2002, с. 79, http://tpl1999.narod.ru/teoreticheskaya_i_prikladnaya_lingvistika/vipusk_3_2000/sgvorkachyov_metodologicheskie_osnovaniya_lingvokontseptologii/ (дата обращения: 31.03.2012).

⁴⁶ Н.И. Толстой, *Язык и народная культура...*, с. 27–28.

⁴⁷ В.И. Карасик, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград 2002, с. 73–74.

лингвокультурологии Ю.С. Степанова, исследующая константы культуры в их диахроническом аспекте, школа Н.Д. Арутюновой, занимающаяся анализом универсальных терминов культуры на материале текстов разных времен и народов, школа В.Н. Телии, по-другому называемая Московской школой лингвокультурологического анализа фразеологизмов, и школа лингвокультурологии, опирающаяся на лингвострановедческую концепцию Е.М. Верещагина и В.Г.Костомарова)⁴⁸. Некоторые языковеды выделяют еще Волгоградскую лингвокультурологическую школу, связанную, в частности, с именем В.И. Карасика. Несмотря на неоднородность лингвокультурологии, большинство ученых сходится в одном: целью лингвокультурологии является выявление особенностей отражения в семантике языковых единиц культурных ценностей. Предметом ее изучения становится языковая личность.

В.А. Маслова перечисляет 6 вопросов, ответ на которые должна найти лингвокультурология. Три из них (Как культура участвует в образовании языковых концептов? К какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»? Какова концептосфера, ориентированная на репрезентацию носителями одной культуры, множества культур?⁴⁹) являются особенно актуальными для нашей работы.

Если лингвокультурология представляет собой научное направление, тесно связанное с этнолингвистикой, или раздел этнолингвистики, следует ответить на вопрос, чем занимается этнолингвистика. Ее цель состоит в семантической реконструкции традиционной (архаической, дохристианской, мифопоэтической) картины мира⁵⁰, т.е. в отличие от лингвокультурологии она ограничена народной традицией. Такую цель ставят перед собой как представители «этимологического» направления этнолингвистики (Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян и др.), так и «диалектологического» (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Л.Н. Виноградова и др.).

Обратимся теперь к вопросу о том, какой смысл польские ученые вкладывают в понятия *этнолингвистика* и *лингвокультурология* (польск. *lingwistyka kulturowa*).

Этнолингвистика, как можно прочесть в «Энциклопедии общего языкознания», по-другому называется антропологической лингвистикой⁵¹. Стоит

⁴⁸ В.А. Маслова, *Лингвокультурология...*, с. 28–30.

⁴⁹ Ibidem, с. 31–32.

⁵⁰ С.М. Толстая, *Этнолингвистика: современное состояние и перспективы*, <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (дата обращения: 12.02.2013).

⁵¹ *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, red. K. Polański, Wrocław 2003, s. 147.

здесь подчеркнуть, вслед за В. Писареком, что определение *антропологическая* относится к антропологии, понимаемой согласно американской традиции и вопреки европейской, как наука обо всем, что касается человека, особенно его культуры⁵². В названии научной дисциплины *этнолингвистика* элемент *этно-* следует понимать субъектно (как «этнос», народ видит, воспринимает мир), а не предметно (как исследователи видят, воспринимают «этнос»)⁵³. «Этнолингвистика, – пишет Е. Бартмиński, – стремится описать язык не только как орудие коммуникации в обществе, но также как одну из составляющих культуры. Это особая составляющая, ибо она не только концентрирует в себе признаки, существенные для культуры в целом, не только включает в себя инвентарь ее ресурсов, но и раскрывает принятые в этой культуре способы концептуализации и категоризации вещей, системы применяемых оценок, точек зрения, социально закрепленных взглядов на мир»⁵⁴. Польский ученый подчеркивает также, что этнолингвистика должна найти ответ на вопрос, касающийся особенностей восприятия человеком, *homo loquens*, себя самого и окружающего мира в рамках определенной культурной формации⁵⁵.

Я. Зенюкова в рамках этнолингвистики выделяет два направления с размытыми границами. Первое, связанное с психоллингвистикой и социоллингвистикой, опирается на гипотезу Сепира-Уорфа и предметом исследования его является ЯКМ. Второе – это отрасль социоллингвистики, связанная с понятием *этничность*⁵⁶. Мы в нашем исследовании будем понимать этнолингвистику согласно первому указанному подходу.

Я. Анусевич, в свою очередь, отдает предпочтение термину *лингвокультурология*, так как он обладает более широким значением по сравнению с термином *этнолингвистика*. Объектом лингвокультурологии, по мнению исследователя из Вроцлавского университета, являются весь язык и культура, а предметом – их взаимосвязь и взаимодействие. Центральным объектом этнолингвистики, в свою очередь, становятся диалекты и народная культура (фольклор). При этом существенные отличия по предметам обоих научных направлений не наблюдаются. Я. Анусевич пользуется термином *этнолингвистика* в узком смысле.

⁵² *Encyklopedia wiedzy o języku polskim*, red. S. Urbańczyk, Wrocław 1978, s. 181.

⁵³ J. Bartmiński, *Etnolingwistyka słowiańska – próba bilansu...*, s. 10–11.

⁵⁴ Idem, *Чем занимается этнолингвистика?* [в:] Idem, *Языковой образ мира...*, с. 23.

⁵⁵ Idem, *Stereotypy mieszkają w języku: studia etnolingwistyczne*, Lublin 2009, s. 49.

⁵⁶ J. Zieniukowa, *Z problemów etnolingwistyki*, [w:] *Nowe czasy, nowe języki...*, s. 234.

Е. Бартминьски постулирует расширение исследовательского горизонта этнолингвистики. По его замечанию, дисциплина эта «не ограничивается лишь диалектами и народной традицией, она охватывает также все разновидности общенародного языка, в том числе наддиалект – литературный язык во всем его историческом и современном богатстве (разновидности, стили, речевые жанры)»⁵⁷. Сфера интересов польской этнолингвистики оказывается, тем самым, весьма широкой. Таким образом, в полонистике, по сравнению с русистикой, проводится менее четкое разграничение между лингвокультурологией и этнолингвистикой.

Э. Сенковска на основании научной литературы приходит к выводу, что в польской традиции термин *этнолингвистика* стал употребляться раньше и сейчас он применяется чаще, термином *лингвокультурология* ученые пользуются реже, а термин *антропологическая лингвистика* обладает наиболее широким значением⁵⁸.

Продолжая наше описание основных направлений антропоцентрической парадигмы, следует согласиться с позицией В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, настаивающих на том, что «именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование»⁵⁹.

В рамках когнитивной лингвистики в России сложились следующие направления: культурологическое, лингвокультурологическое, логическое, семантико-когнитивное и философско-семиотическое⁶⁰. Некоторые из этих направлений развивались независимо от западной мысли и, тем самым, российская когнитивная лингвистика отличается от польской, которая более тесно связана с классическим американским когнитивизмом, представителями которого принято считать Р. Джакендоффа, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Ч. Филлмора и др.⁶¹.

⁵⁷ Е. Бартминьский, *Некоторые спорные проблемы этнолингвистики*, пер. Р. Левицкого, [в:] Idem, *Языковой образ мира...*, с. 33.

⁵⁸ Е. Sękowska, *Nurt antropologiczno-kulturowy we współczesnym językoznawstwie polskim*, „Poradnik Językowy” 2000, z. 6, s. 17.

⁵⁹ В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, *Базовые характеристики лингвокультурных концептов*, [в:] *Антология концептов*, ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин, Москва 2007, с. 12. Ср. также замечание Н.Ф. Алефиренко: «Взаимосвязь лингвокультурологии и когнитивной лингвистики позволяет проникнуть в одну из самых сокровенных областей культуры – языковое сознание», Н.Ф. Алефиренко, *Лингвокультурология...*, с. 17.

⁶⁰ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Когнитивная лингвистика*, Москва 2010, с. 16.

⁶¹ Кстати, западная когнитивная лингвистика также является неоднородной. Об основных ее направлениях см.: А.А. Камалова, *Когнитивная лингвистика в России (краткий обзор)*, [в:] *Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*, ред. А. Киклевич, А. Камалова, Олыштын 2010, с. 24–25.

Культурологическое направление в когнитивной лингвистике, связанное с именем Ю.С. Степанова, занимается междисциплинарным изучением концептов как элементов культуры. Лингвокультурологическое, представителями которого являются С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев, исследует концепты как элементы национальной лингвокультуры, с особым учетом их связи с национальными ценностями. Логическое, в свою очередь, в анализе концептов пользуется логическими методами. Ведущие представители этого направления Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павилёнис. Для семантико-когнитивного направления характерно «исследование семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными»⁶². Сторонниками данного подхода являются А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин. В рамках последнего, философско-семиотического направления, предпринимаются, напр. А.В. Кравченко, попытки исследовать когнитивные основы знаковости.

Как видим, некоторые направления российской когнитивной лингвистики совпадают с лингвокультурологическими школами, что свидетельствует о том, что когнитивная лингвистика теснейшим образом связана с лингвокультурологией (или наоборот) и иногда провести границу между этими направлениями действительно очень трудно.

В Польше концепции когнитивной лингвистики развиваются как бы в двух направлениях. Представителями первого являются люблинские ученые Е. Барминьски и Р. Токарски, которые считают себя в большей степени этнолингвистами, чем когнитологами⁶³. Однако Е. Барминьски постоянно указывает на связь между этнолингвистикой и когнитивной лингвистикой, подтверждением чему является употребляемый им в рамках проекта «Культурно-языковая картина мира славян и их соседей в сопоставительном плане (EUROJOS)» термин *когнитивная этнолингвистика*⁶⁴. «Чистый», так скажем, когнитивизм в Польше

⁶² З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике*, „Respectus Philologicus” 2006, iss. 10 (15), с. 45.

⁶³ R. Grzegorzczukowa, *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*, Warszawa 2001, s. 80.

⁶⁴ J. Bartmiński, *Linguistic worldview as a problem of cognitive ethnolinguistics*, http://www.ethnolinguistica-slavica.org/index.php?option=com_content&view=article&id=82:linguistic-worldview-as-a-problem-of-cognitive-ethnolinguistics&catid=4:2008-12-13-17-04-25&Itemid=3 (дата обращения: 27.07.2012). Пользоваться термином *когнитивная этнолингвистика* предложил Й. Зинкен. Ср. также: L. Nępor-Ajdacyć, *Polska etnolingwistyka kognitywna. Pomoc dydaktyczna*, Kijów 2007.

связан с такими именами, как Х. Карделя, Т. Кжешовски, И. Новаковска-Кемпна, Д. Станулевич, Э. Табаковска и др.

1.4. Понятие *языковая картина мира* в российской и польской лингвистике

Поскольку указанные научные дисциплины складываются в результате междисциплинарного синтеза, не только границы между ними оказываются размытыми, они также оперируют похожими терминами. Примером такого базового термина, который широко применяется во многих направлениях современной лингвистики, может служить «одно из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие»⁶⁵, *картина мира*, а точнее *языковая картина мира*, кстати понятие не новое, а заимствованное из точных наук, в частности из физики (термином *физическая картина мира* еще в начале XX века широко пользовался Г. Герц, а вслед за ним М. Планк). Понятие ЯКМ, являющееся по сути метафорой, успешно было введено в конце XX века в терминологический аппарат и лингвокультурологии, и этнолингвистики, и когнитивной лингвистики (особенно в России), стало как бы связывающим звеном между этими направлениями, опираясь на когнитивную функцию языка. «Познавая мир, – пишет Г.А. Брутян, – человек составляет свое представление о мире, т.е. в его сознании возникает определенная „картина мира”»⁶⁶

Принято считать, что именно Г.А. Брутян наряду с Ю.Н. Карауловым являются одними из первых российских (тогда еще советских) лингвистов, в работах которых в 70-е гг. прошлого столетия впервые упоминается термин ЯКМ. В свою очередь, одним из первых определений ЯКМ (польск. *językowy obraz świata* – JOS) в польском языкознании дал В. Писарек в конце 80-х гг. XX в. Под ЯКМ он подразумевал «*obraz świata odbity w danym języku narodowym*»⁶⁷.

Несмотря на сравнительно недолгую историю существования термина ЯКМ в российском и польском языкознании, появилось уже достаточно много различных его толкований. При этом ученые подчеркивают, что вопреки тому, что накоплен богатый опыт в исследовании ЯКМ, это понятие все еще нуждается в устранении некой неоднозначности как в теоретическом, так и в методологическом аспектах.

⁶⁵ В.А. Маслова, *Когнитивная лингвистика...*, с. 47.

⁶⁶ Г.А. Брутян, *Языковая картина мира и ее роль в познании. Методологические проблемы анализа языка*, Ереван 1976, цит. по: В.А. Маслова, *Когнитивная лингвистика...*, с. 50.

⁶⁷ *Encyklopedia wiedzy o języku polskim...*, s. 143.

В нашей работе мы будем пользоваться термином ЯКМ в трактовке Е. Бартминского и Р. Токарского. Их дефиниции в полонистике, можно осмелиться даже сказать, что в славянском языкознании, считаются классическими. Итак, согласно Е. Бартминскому, ЯКМ – это «zawarta w języku interpretacja rzeczywistości, którą można ująć w postaci zespołu sądów o świecie. Mogą to być sądy bądź to utrwalone w samym języku, w jego formach gramatycznych, słownictwie, kliszowanych tekstach (np. przysłów), bądź to przez formy i teksty języka implikowane»⁶⁸, а Р. Токарски определяет ЯКМ как «zbiór prawidłowości zawartych w kategoryalnych związkach gramatycznych (fleksyjnych, słowotwórczych, składniowych) oraz w semantycznych strukturach leksyki, pokazujących swoiste dla danego języka sposoby widzenia poszczególnych składników świata oraz ogólniejsze rozumienie organizacji świata, panujących w nim hierarchii i akceptowanych przez społeczność językową wartości»⁶⁹. Приведенные дефиниции ЯКМ во многом пересекаются, однако определение, предложенное Е. Бартминским, в некоторой степени уже, нежели дефиниция Р. Токарского. Похожее толкование понятия ЯКМ находим также в русистике. К примеру, А.А. Зализняк под ЯКМ понимает «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, „дискурсивных” слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний»⁷⁰.

Обзор научных трудов Е. Бартминского, Р. Токарского, А.А. Зализняк, а также других польских и российских лингвистов позволяет выделить существенные признаки ЯКМ, которые могут быть сформулированы в пяти положениях, особенно ценных для идеи нашего исследования.

1. Язык есть интерпретация действительности

Большинство ученых сходится во мнении, что язык не является зеркальным отражением действительности (крайний объективизм), как это утверждалось в первоначальных дефинициях ЯКМ, вместе с тем не моделирует, не конструирует он также действительности (крайний субъективизм), а лишь представляет собой

⁶⁸ J. Bartmiński, *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [w:] *Językowy obraz świata...*, s. 105.

⁶⁹ R. Tokarski, *Słownictwo jako interpretacja świata*, [w:] *Współczesny język polski...*, s. 366.

⁷⁰ А.А. Зализняк, *Многозначность в языке и способы ее представления*, Москва 2006, с. 206–207.

некоторую ее интерпретацию. Сторонниками такого компромиссного подхода являются, в частности, Е. Бартминьски, утверждающий, что «słowa nie odwzorowują rzeczy fotograficznie, lecz „portretują” je mentalnie»⁷¹ и Р. Гжегорчикова, высказавшаяся по этому поводу следующим образом: «lepiej też, opisując stosunek języka do rzeczywistości, mówić, że język interpretuje świat (nie mechanicznie odbija, odzwierciedla), a nie tworzy, kreuje swój obiekt»⁷².

С тем, что язык является интерпретацией окружающего мира и самого человека, непосредственно связано понятие *языкового стереотипа*, «позволяющего человеку, – по мнению Н.Ф. Алефиренко, – представить мир в его лаконичной целостности, выйти за рамки своего узкого личностного восприятия действительности»⁷³. Принято считать, что ЯКМ основана именно на стереотипных представлениях о действительности либо ее элементах, поскольку она «состоит как из сетки грамматических и семантических категорий, с помощью которой носители языка интерпретируют действительность, так и из конкретных характеристик предметов, в которых устойчивые представления сочетаются с оценками и образцами поведения»⁷⁴. Стереотипы, пользуясь заглавием монографии Е. Бартминьского, «живут в языке», и поэтому их участие в интерпретации действительности трудно переоценить. Необходимо в данном месте отметить, что этнолингвистическая трактовка стереотипа опирается на социологическое понимание этого термина (В. Липпманн, Т. Патнэм). Понятию *стереотип* в когнитивных и психоллингвистических исследованиях соответствует понятие *прототип* (Э. Рош)⁷⁵.

Опираясь на вышеизложенное, в нашем исследовании мы попытаемся ответить на вопрос, какие стереотипные представления о трудовой деятельности находят свое эксплицитное либо имплицитное воплощение в русском и польском языках.

⁷¹ J. Bartmiński, *Punkt widzenia, perspektywa...*, s. 105.

⁷² R. Grzegorzczkova, *Pojęcie językowego obrazu świata*, [w:] *Językowy obraz świata...*, s. 42.

⁷³ Н.Ф. Алефиренко, *Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства*, „Przegląd Wschodnioeuropejski” Т. 1 (2010), s. 407.

⁷⁴ Е. Бартминьский, И. Панасюк, *Языковые стереотипы*, пер. М.Э. Рут, [в:] Е. Бартминьский, *Языковой образ мира...*, с. 171.

⁷⁵ Подробнее о прототипах и стереотипах см.: R. Grzegorzczkova, *O rozumieniu prototypu i stereotypu we współczesnych teoriach semantycznych*, [w:] Eadem, *Świat widziany poprzez słowa. Szkice z semantyki leksykalnej*, Warszawa 2012, s. 11–16.

2. ЯКМ вбирает в себя лишь важные для носителей того или иного языка черты действительности

Как отмечает И. Мачкевич, «JOS nie jest zwierciadlanym odbiciem rzeczywistości, a cechy budujące obraz obiektu nie są wiernym odzwierciedleniem cech realnych. Przede wszystkim, są efektem wyboru: pewne cechy się uwydatnia, inne pomniejsza, jeszcze inne – eliminuje»⁷⁶. В свете сказанного можно с уверенностью заключить, что в ЯКМ находят отражение и подвергаются интерпретации лишь те черты крайне сложной и хаотичной действительности, которые представляются релевантными для носителей того или иного языка, которые имели или имеют в настоящий момент для них, как пишут З.Д. Попова и И.А. Стернин, коммуникативную значимость, – об этих чертах действительности народ говорил или говорит⁷⁷. Причем следует здесь помнить, что эта значимость может быть любого рода: биологической или психологической, утилитарной или моральной, интеллектуальной или эстетической⁷⁸. Воронежские ученые, ссылаясь на волгоградских лингвистов, подчеркивают, что «коммуникативная значимость языковой единицы, по-видимому, связана с ценностью выражаемого ею концепта для культуры народа»⁷⁹.

Неизбежно при этом встает вопрос – имеет ли труд особенное значение в ценностном сознании носителей русского и польского языков? Ответ, несомненно, окажется положительным. Однако сразу же надо сказать, что труд является важнейшей ценностью не только в языковом сознании русских и поляков, он предстает как общечеловеческая ценность. В контексте сказанного для любого человека чрезвычайно актуальными остаются и поныне слова выдающегося представителя польского Просвещения А. Нарушевича: «Człek rodzi się do pracy; kto czas traci marnie, Tak żyje jako ów, co go sen wieczny ogarnie»⁸⁰.

Кроме того, как замечает Г.В. Токарев, «труд был положен в основу календаря, сквозь призму труда осмыслились многие природные стихии, известно множество обрядов, связанных с трудом, тема труда широко представлена

⁷⁶ J. Maćkiewicz, *Co to jest „językowy obraz świata”*, „Etnolingwistyka” Т. 11 (1999), s. 13.

⁷⁷ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Когнитивная лингвистика...*, с. 55.

⁷⁸ См. подробнее об этом: Т.Б. Радбиль, *Основы изучения языкового менталитета*, Москва 2010, с. 227.

⁷⁹ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Когнитивная лингвистика...*, с. 55.

⁸⁰ A. Naruszewicz, *Oda. O powinności człowieka w towarzystwie*, [w:] *Zabawy przyjemne i pożyteczne (1770-1777)*. Т. 2, wstęp i oprac. J. Platt, Wrocław 2004, s. 367.

в различных видах искусства, но главным средством выражения этой темы стал язык»⁸¹. Приведенная цитата свидетельствует о том, что действительно коммуникативная «активность» концепта неразрывно связана с его ценностью.

В последнее время проводится немало исследований, целью которых является определение ядра языкового сознания, его национально-культурной специфики. Для достижения подобным образом поставленной цели лингвистами выбираются слова-стимулы (А.А. Залевская, Н.В. Уфимцева), слова, помещаемые на знаменах (польск. *słowa sztandarowe*) (В. Писарек), коллективные символы (М. Флейшер), названия ценностей (Е. Бартминьски) и ключевые слова (А. Вежбицка).

Опираясь на результаты исследований, предпринятых перечисленными учеными, попытаемся определить место труда в ряду других ценностей аксиологического минимума носителей русского и польского языков.

Так, в состав ядра русского языкового сознания, выделенного Н.В. Уфимцевой по результатам массовых ассоциативных экспериментов, сначала вошло 75 слов-стимулов. В этот список был включен ассоциат РАБОТА (17 ранг)⁸². Исследовательский коллектив Российской академии наук под руководством Н.В. Уфимцевой продолжал работу над изучением ядра языкового сознания не только русских, но также белорусов, болгар, украинцев. На этот раз список слов-стимулов составило 112 единиц. Хотя русский ассоциат РАБОТА оказался вне первых 30 слов ядра (ср. 12,5 ранг для бел. ПРАЦА, 20 – для укр. РОБОТА), он продолжает характеризоваться большим числом реакций⁸³.

В свою очередь, ядро русского языкового сознания было выявлено А.А. Залевской по материалам обратного ассоциативного словаря путем выбора

⁸¹ Г.В. Токарев, *Особенности лексической репрезентации концепта «труд»*, [в:] *Лингвистические парадигмы: традиции и новации: материалы международного симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков», Волгоград, 23-25 мая 2000 г.*, Волгоград 2000, с. 192–193.

⁸² Н.В. Уфимцева, *Образ мира русских: системность и содержание*, <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/08/image/08-098.pdf> (дата обращения: 05.04.2012). Стоит отметить, что понятие труда может быть выражено разными словами. Здесь и далее запись с прописной либо со строчной буквы сохраняется согласно оригиналу.

⁸³ Н.В. Уфимцева [et al.], *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский*, Москва 2004, с. 6–7. См. также: Н.В. Уфимцева, *Сопоставительное исследование языкового сознания славян*, [в:] *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*, ред. И.А. Стернин, Воронеж 2001, с. 70; На вышеуказанный список слов-стимулов опирается также «Polski słownik asocjacyjny z suplementem» Р. Гаваркевича, И. Петжик и Б. Родзевич, изданный в Щецине в 2008 году, однако в нем не указаны ранги отдельных ассоциатов.

имен концептов, т.е. существительных, вызванных наибольшим количеством стимулов⁸⁴. В списке имен концептов также оказалась *praca*.

Исследование, проведенное В. Писарком, заключалось в том, что носителям польского языка нужно было в лозунгах Да здравствует *x*! Долой *y*! вместо *x* и *y* выбрать слово, которое означает самое хорошее, красивое, ценное, т.е. то, чем следует восхищаться (*miranda* по Писарку), или то, что означает самое плохое, неприятное или вредное, т.е. то, что надо порицать (*kondemnanda*)⁸⁵. Были учтены 54 слова; слово *praca* среди них заняло 8 позицию.

М. Флейшер по результатам анкетирования составил список слов, выполняющих в польской культуре роль коллективных символов. Под термином *коллективные символы* он понимал функциональные единицы, которые, во-первых, принадлежат к эмоционально-оценочной лексике, поэтому и приобретают яркую положительную либо отрицательную оценку, во-вторых, имеют культурное значение⁸⁶. Опрошенные назвали 2047 разных слов. По частотности слово *praca* (с учетом синонимов и отклонений в формах) заняло высокое 4 место.

Интересные данные, касающиеся ядра польского языкового сознания, приводят также ученые этнолингвистической школы, возглавляемой Е. Бартминьским. На основании опроса 12 экспертов (И. Баеровой, А. Богуславского, А. Вежбицкой, Р. Гжегорчиковой, М. Гловиньского, Е. Едлицкого, М. Калласа, А.М. Левицкого, А. Пачковского, Я. Пузыниной, А. Становского, ксендза Ю. Тишнера), а также социологической анкеты было выделено 100 названий ценностей, образующих 6 групп. *Praca* принадлежит к первой группе, т.е. к наименованиям действий, состояний, ценностей и целей (всего 29 наименований). Остальные группы – это наименования общностей, актуализирующих ценности (6), наименования членов этих общностей (27), наименования учреждений и их сотрудников, которые служат реализации определенных целей и ценностей (12), наименования мест, которые принимаем во внимание, определяя наше место на ментальной карте (24) и, наконец, наименования предметов, понимаемых как символы (2)⁸⁷.

⁸⁴ См.: Н.Ф. Алефиренко, *Лингвокультурология...*, с. 86.

⁸⁵ W. Pisarek, *Polskie słowa sztanarowe i ich publiczność*, Kraków 2002, s. 7, 3–33; W. Pisarek, *Wybory słów sztanarowych jako kryterium stratyfikacji społeczeństwa*, [w:] *Język w kręgu wartości: studia semantyczne*, red. J. Bartmiński, Lublin 2003, s. 87–92.

⁸⁶ M. Fleischer, *Stabilność polskiej symboliki kolektywnej*, [w:] *Język w kręgu wartości...*, s. 107–108.

⁸⁷ *Język, wartości, polityka: zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce: raport z badań empirycznych*, red. J. Bartmiński, Lublin 2006, s. 13–14.

Кроме того, *praca* находится на втором месте в списке ценностей, которые чаще других упоминаются в 20 разного рода опросах группы люблинских лингвистов, культурологов и социологов⁸⁸.

Приведем еще результаты исследований Р. Едлинского. Освещает он вопрос системы ценностей польской молодежи в возрасте 15 лет⁸⁹. В этой системе PRACA, по данным анкетирования, проведенного в 1995 году, занимает высокое седьмое место (после семьи, любви, Бога, здоровья, дружбы и жизни). PRACA интерпретируется молодыми людьми в социальных, утилитарных, психофизических и аксиологических категориях, причем важнейшими оказываются категории социальные (прежде всего PRACA TO CZYNNOŚĆ CZŁOWIEKA).

А. Вежбицка, в свою очередь, придерживается точки зрения, что в каждом языке существуют ключевые слова, посредством которых возможным становится понимание определенной культуры. Чтобы проверить гипотезу о том, принадлежит ли то или иное слово к ключевым словам данной культуры, можно, во-первых, попытаться доказать, напр., при помощи частотного словаря, является ли интересующее нас слово общеупотребительным либо периферийным. Во-вторых, можно установить, что данное слово очень часто используется в какой-то одной семантической сфере, напр., в сфере эмоций или области моральных суждений. В-третьих, можно показать, что это слово является центром целого фразеологического семейства. Наконец, можно проверить, часто ли применяется оно в пословицах, поговорках, популярных песнях, заглавиях книг⁹⁰. Постараемся проверить по этим четырем пунктам, принадлежат ли интересующие нас слова к ключевым для русской и польской культур.

1. Слова *praca* и *roboty* отличаются довольно высокой частотностью употребления в разных типах дискурса (по «Частотному словарю русского языка» под ред. Л.Н. Засориной ранг слова *praca* по абсолютной частоте – 98 на 9010 слов, ранг слова *roboty* – 156⁹¹, согласно новейшим источникам, ранг слова *praca* – 87 на 20004 слов, ранг слова *roboty* – 357⁹²). Слова *praca* и *roboty* также относятся

⁸⁸ J. Bartmiński, *Czy istnieje europejski kanon wartości?* „Etnolingwistyka” T. 23 (2011), s. 17.

⁸⁹ R. Jedliński, *Językowy obraz świata wartości w wypowiedziach uczniów kończących szkołę podstawową*, Kraków 2000, s. 133–152.

⁹⁰ A. Wierzbicka: *Słowa klucze: różne języki – różne kultury*, przeł. I. Duraj-Nowosielska, Warszawa 2007, s. 42–43.

⁹¹ *Частотный словарь русского языка*, ред. Л.Н. Засорина, Москва 1997, с. 807–808, 898, 900.

⁹² О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров, *Новый частотный словарь русской лексики*, <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 15.01.2013).

к высокочастотным лексическим единицам польского языка (ранг слова *praca* по абсолютной частоте – 53 на 10355 слов, ранг слова *robota* – 430⁹³).

Помимо частотных словарей, с нашей точки зрения, полезными для определения коммуникативной значимости той или иной языковой единицы оказываются также данные национальных корпусов. Так, в Национальном корпусе русского языка отмечается 4580 документов и 11013 вхождений с единицей *труд*, 9955 документов и 27345 вхождений с единицей *работа*⁹⁴; в Национальном корпусе польского языка мы находим 23634 вхождения с единицей *praca*, 2817 – с *robota*⁹⁵. Конечно, корпуса русского и польского языков несоотносимы, числа приводятся лишь для того, чтобы проиллюстрировать, что данные единицы отличаются достаточно частотным употреблением и на этом основании можно судить об их коммуникативной значимости.

2. То, что данные слова довольно часто применяются в семантической сфере моральных суждений, не требует особых доказательств, поскольку они определяют одну из общечеловеческих ценностей.

3. Рассматриваемые слова, безусловно, являются центром целого семейства ФЕ, и это будет предметом нашего детального рассмотрения в третьей главе настоящей работы.

4. Помимо того, что интересующие нас слова входят в состав ФЕ, они нередко употребляются также в пословицах и поговорках. К примеру, В.И. Далем собрано 487 пословиц и поговорок русского народа со словом *труд* и *работа* или их производными⁹⁶. В польском языке также имеется множество пословиц и поговорок, характеризующих трудовую деятельность.

Исходя из сказанного, можно с уверенностью заключить, что рус. *работа* и *труд*, польск. *praca* и *robota* являются ключевыми словами.

Таким образом, если «ядро языкового сознания представляет собой лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющееся на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу

⁹³ I. Kurcz [et al.], *Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej*, Kraków 1990, s. 802, 804.

⁹⁴ Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.08.2012).

⁹⁵ *Narodowy Korpus Języka Polskiego*, <http://www.nkjp.uni.lodz.pl> (дата обращения: 18.08.2012).

⁹⁶ *Пословицы русского народа: сборник В. Даля в 2 томах*. Т. 2, Москва 1989, с. 12–23.

его языковой картины мира»⁹⁷, оправданным является выбор именно труда в качестве предмета исследования.

3. ЯКМ является наивной картиной мира

Ю.Д. Апресян предлагает ЯКМ называть наивной, однако ее «наивность» он не связывает с простодушием и доверчивостью (как вытекало бы это из значения слова *наивный* в толковых словарях), а с определенным (обыденным, простым) способом мировосприятия. Постулат Ю.Д. Апресяна успешно используется другими лингвистами. «ЯКМ, – пишет О.А. Корнилов, – фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира»⁹⁸. В свою очередь, научная картина мира (НКМ), по мнению ученого, это «вся совокупность научных знаний о мире, выработанная всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества»⁹⁹. Также польские лингвисты четко дифференцируют научную и наивную картины мира. Как замечает Р. Токарски, «*Obraz świata zawarty w języku ogólnym, zwany niekiedy obrazem naiwnym bądź potocznym, uwzględnia zarówno obiektywnie dane cechy rzeczywistości, jak też kulturowe uwarunkowania rządzące myśleniem i ocenami człowieka. Naukowe poznanie świata i pochodny od niego naukowy obraz świata są zasadniczo wspólne ludziom mówiącym różnymi językami, z kolei potoczny obraz świata jest utrwalony i odtwarzany przez język ogólny i dlatego każdy język narodowy ma w sobie tylko właściwy obraz świata*»¹⁰⁰. Получается, что НКМ едина для носителей как русского, так и польского языков, в то время как их ЯКМ отличаются друг от друга, поскольку окружающая действительность воспринимается с перспективы «обычного человека с улицы», по определению А. Вежбицкой¹⁰¹, или «серого человека», по определению Т. Холувки¹⁰², а как известно, средний русский и средний поляк по-разному воспринимают мир. Согласно Ю.Д. Апресяну, «ЯКМ лингво-, или этноспецифична, т.е. отражает особый

⁹⁷ Т.Н. Ушакова, *Языковое сознание и принципы его исследования*, [в:] *Языковое сознание и текст: теоретические и прикладные аспекты*, ред. Н.В. Уфимцева, 2003, http://www.ipras.ru/boiko-school/texts/2003/ushakova03_yazyk_sozn.pdf (дата обращения: 05.04.2012).

⁹⁸ О.А. Корнилов, *Языковые картины мира...*, с. 15.

⁹⁹ *Ibidem*, с. 9.

¹⁰⁰ R. Tokarski, *Słownictwo jako interpretacja świata...*, s. 347.

¹⁰¹ A. Wierzbicka, *Nazwy zwierząt*, [w:] *O definicjach i definiowaniu*, red. J. Bartmiński, R. Tokarski, Lublin 1993, s. 252.

¹⁰² T. Hołowka, *Myślenie potoczne*, Warszawa 1986, s. 15.

способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков»¹⁰³.

Для нашего исследования важно определить, чем является наивное знание. Наивное знание имеет три важных черты: 1) оно опирается на здравый смысл; 2) отличается коллективностью, т.е. всякие суждения, мнения, оценки, в нем выраженные, являются настолько существенными, насколько они разделяются другими людьми; 3) является очень стереотипным, поскольку человек принимает все такие суждения, не считая необходимым их проверять¹⁰⁴.

Интересную концепцию, хотя и не получившую широкого распространения в научной литературе, выдвинула Н.В. Мечковская. Она предлагает различать не только научную и языковую картины мира, а пойти дальше и языковую картину мира, или по-другому языковое сознание, отличать от наивной картины мира, т.е. от обыденного сознания¹⁰⁵. Если учитывать содержательные различия между языковой и наивной картинами мира, то в языковой картине мира аккумулировано более простое (элементарное), ограниченное и единообразное (инвариантное) содержание, чем в наивной. А если принять во внимание формальные отличия между этими картинами, то базовой (элементарной) единицей языкового сознания можно считать языковой концепт, выраженный словами и фразеологизмами, в то время как такой единицей обыденного сознания является концепт обыденного сознания, репрезентируемый пословицами и поговорками, максимами здравого смысла, популярными клише и т.п.

4. Особую роль в реконструкции ЯКМ играют лексические и фразеологические единицы

Подтверждением тому, что лексемы и фразеологизмы особенно важны в создании ЯКМ являются следующие слова В. Хлебды: «Ponieważ JOS jest kategorią w najszerszym sensie semantyczną, zwykle uwaga badaczy siłą rzeczy zwraca się ku tym elementom kodu językowego, które cechują się samodzielnością znaczeniową: ku wyrazom, jednostkom frazeologicznym, porzekadłom i przysłowiom, wreszcie innym

¹⁰³ Ю.Д. Апресян, *Основания системной лексикографии*, [в:] *Языковая картина мира и системная лексикография*, ред. Ю.Д. Апресян, Москва 2006, с. 35.

¹⁰⁴ М. Марчезуска, *Drzewa w języku i kulturze*, Kielce 2002, s. 26–27.

¹⁰⁵ См.: Н. Мечковская, *Две картины мира: язык и обыденное сознание (информационная фактура, делиминация границ и стереотипов)*, [w:] *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 5: Opis, konfrontacja, przekład*, red. M. Sarnowski, W. Wysoczański, Wrocław 2005, s. 228–231.

tekstom kliszowanym jako nośnikom wyobrażeń stereotypowych»¹⁰⁶. Для Д. Буттлер лексемы представляют собой «małe zwierciadła odbijające dzieje i obyczaje minionych pokoleń»¹⁰⁷. В ФЕ «концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры»¹⁰⁸, они, согласно Б.А. Ларину, как свет утра отражается в капле росы, отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи¹⁰⁹, причем еще раз подчеркнем, это отражение не является пассивным. Учитывая ценность ФЕ (фразеология «самый культураносный компонент языка в действии»¹¹⁰, а кроме того, большинство фразеологизмов характеризуется яркой образностью и оценочностью), российские ученые считают небезосновательным выделить даже фразеологический фрагмент ЯКМ, или фразеологическую картину мира. Некоторые различают и пословичную картину мира¹¹¹. В польском научном дискурсе такого подразделения не существует.

И здесь мы подходим к очень важной проблеме: какое сочетание слов считать фразеологизмом? В нашем исследовании мы будем придерживаться узкого определения ФЕ, т.е. из поля зрения исключаются пословицы и поговорки, крылатые слова, афоризмы. Такой выбор обусловлен тем, что объектом нашего анализа являются номинативно-экспрессивные единицы, характеризующие трудовую деятельность.

5. ЯКМ можно исследовать на всех уровнях функционирования языка и культуры

В русле антропоцентрической парадигмы проблема взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры является особенно актуальной, и поэтому она

¹⁰⁶ W. Chlebda, *Plaszczyzny oglądu językowego obrazu świata w opisie semantycznym języka*, [w:] *Komparacja systemów...*, s. 165.

¹⁰⁷ D. Buttler, *Rozwój semantyczny wyrazów polskich*, Warszawa 1978, s. 253.

¹⁰⁸ В.Н. Телия, *Русская фразеология...*, с. 9.

¹⁰⁹ Б.А. Ларин, *История русского языка и общее языкознание*, Москва 1977, с. 156.

¹¹⁰ В.Н. Телия, *Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка*, [в:] *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках*, ред. В.Н. Телия, Москва 2004, с. 19.

¹¹¹ О пословичной картине мира см., напр.: Е.В. Иванова, *Мир в английских и русских пословицах*, Санкт-Петербург 2006.

находится в центре внимания многих лингвистических исследований, в частности посвященных реконструкции отдельных фрагментов ЯКМ. Это связано с тем, что язык, будучи неотъемлемой частью культуры, одновременно является «зеркалом», в котором отражается все ее своеобразие и многообразие. Иначе говоря, существование языка трудно себе представить без культуры и, наоборот, существование культуры немыслимо без языка. Таким образом, результаты взаимоотношений языка и культуры «следует измерять не только по линии воздействия культуры на язык, но и в соответствии с тем, насколько язык воздействует на культуру»¹¹².

В данном месте стоит обратить внимание на предложение Х. Гиппера называть язык сейсмографом культурных изменений, сейсмографом культуры¹¹³. Согласно ученому, язык и культура взаимодетерминируемы, а связи между ними не являются статичными и односторонними, напротив, они непостоянны и многосторонни. Перефразируя слова Гиппера, можно, по нашему мнению, также сказать, что и культура является сейсмографом языковых изменений.

Следует обратить внимание также на то, что польские лингвисты пользуются не только термином *языковая картина мира*, но и *языково-культурная картина мира*, с целью в еще более значительной степени подчеркнуть взаимосвязь, взаимообусловленность языка и культуры, невозможность разделения исследований, посвященных ЯКМ, от культуры (ср., напр., заглавия, которые носят монографии, разделы монографий, отдельные статьи¹¹⁴).

Рассматривая вопрос о связи языка и культуры, необходимо дать определение *культуры*. Задача эта довольно сложная, так как культура с трудом поддается строгой и однозначной интерпретации. По наблюдениям Н.Ф. Алефиренко, научных толкований понятия *культура* более 500¹¹⁵, а согласно В.А. Масловой, которая

¹¹² Г.В. Рамишвили, *Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания...*, с. 18.

¹¹³ J. Anusiewicz, *Lingwistyka kulturowa...*, s. 32.

¹¹⁴ Монография: M. Rak, *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrze (na tle porównawczym)*, Kraków 2007; раздел монографии: B. Rodziewicz, *Językowo-kulturowy obraz zwierząt domowych we frazematyce komparatywnej z komponentem animalistycznym w języku polskim, rosyjskim i niemieckim*, [w:] *Frazemy komparatywne z komponentem zoonimicznym w języku polskim, rosyjskim i niemieckim*, Szczecin 2007, s. 102–169; J. Bartmiński, *Rzeka w językowo-kulturowym obrazie świata Polaków*, [w:] *Idem, Stereotypy mieszkają w języku...*, s. 157–165; статья: A. Dąbrowska, *Tę żabę trzeba zjeść. Językowo-kulturowy obraz żaby w polszczyźnie*, [w:] *Język a Kultura*. Т. 13..., s. 181–203 и др.

¹¹⁵ Н.Ф. Алефиренко, *Лингвокультурология...*, с. 35.

ссылается на П.С. Гуревича, их можно насчитывать даже не сотнями, а тысячами¹¹⁶. В нашей работе мы будем придерживаться следующего толкования данного понятия: *культура* – это «совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе установок и предписаний, ценностей и норм, образцов и идеалов, это наследственная память коллектива, которая «живет» лишь в диалоге с другими культурами»¹¹⁷. Приведенная дефиниция В.А. Масловой (особенно первая ее часть) имеет много общего с определением Я. Анусевича, который под *культурой* предлагает понимать «zbiór określonych kategorii wyróżnionych i wyodrębnionych w rzeczywistości przedmiotowej oraz jednocześnie zbiór zachowań i postaw społecznych połączonych z uznawaniem określonych systemów wartości, wartościowań, norm i ocen, które owe zachowania wyznaczają, określają i regulują»¹¹⁸.

Связь языка и культуры особенно четко прослеживается в работах основателя «диалектологического» направления российской этнолингвистики Н.И. Толстого. С элитарной культурой он соотносит литературный язык, с массовой, или «третьей» культурой, – просторечие, с народной культурой – наречия, говоры, а с традиционно-профессиональной культурой – арго, жаргон¹¹⁹. Как видим, культурные слои взаимообусловлены языковыми, и можно, согласно ученому, обнаружить некий изоморфизм структур культуры и языка в функциональном и внутриерархическом планах¹²⁰. Это позволяет нам утверждать, что несомненно оправданным представляется изучение взаимоотношений языка и культуры на всех уровнях их функционирования. В свою очередь, Е. Бартминьски исходил из положения, что диалекты и литературный язык находятся в тесной взаимосвязи, и нет смысла, реконструируя тот или иной фрагмент ЯКМ, рассматривать их отдельно (ср. исследования, проводимые Е. Бартминьским и другими представителями люблинской этнолингвистической школы). По нашему мнению, при реконструкции ЯКМ можно учитывать и единицы литературного языка, и те, которые остаются далеко за его пределами, а затем на этом уже основании делать выводы о взаимовлиянии языка и культуры.

¹¹⁶ В.А. Маслова, *Лингвокультурология...*, Москва 2004, с. 13.

¹¹⁷ Ibidem, с. 17.

¹¹⁸ J. Anusiewicz, *Lingwistyka kulturowa...*, s. 3.

¹¹⁹ Н.И. Толстой, *Язык и народная культура...*, с. 17. Отметим, что приведенная классификация является своего рода упрощением, особенно пункт, касающийся соотнесения массовой культуры и просторечия.

¹²⁰ Ibidem, с. 16.

1.5. Концепт как единица языковой картины мира

ЯКМ неразрывно и непосредственно связана с понятием *концепта*, исследование которого на протяжении последних десятилетий привлекает пристальное внимание многих лингвистов, особенно в России.

1.5.1. Концепт vs. понятие

Российские ученые указали на необходимость четко дифференцировать термины *концепт* и *понятие*. По их мнению, хотя оба термина буквально обозначают одно и то же (слово *концепт* представляет собой кальку с латинского *conceptus* ‘понятие’), не оправданным является их употребление в качестве синонимов. Это связано, во-первых, с тем, что, как замечает Ю.С. Степанов, эти термины используются в разных науках, – концепт употребляется в математической логике, науке о культуре, культурологии и лингвистике, а понятие – в логике и философии¹²¹. Во-вторых, в математической логике, а впоследствии и культурологии, лингвистике, концепт трактуется только как содержание понятия, в то время как в логике и философии каждое понятие имеет и содержание, и объем. К термину *концепт* Ю.С. Степанов подбирает синоним *смысл* («концепт – это смысл слова»¹²²), а для термина *объем понятия* синонимичным является *значение* («значение слова – это тот предмет или те предметы, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами данного языка применимо»¹²³). Исследователь обращает внимание еще на одно весьма существенное отличие между концептом и понятием. Концепт является «тем „пучком” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово и выражаемое им понятие»¹²⁴. Другие ученые, в том числе В.А. Маслова, также подчеркивают, что концепт «окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом»¹²⁵. То, что в структуре концепта отмечены эмоциональные, экспрессивные, оценочные признаки позволяет утверждать, что он, в отличие от понятия, «не только мыслится,

¹²¹ Ю.С. Степанов, *Константы: словарь русской литературы*, Москва 2001, с. 43.

¹²² Ibidem, с. 44.

¹²³ Ibidem.

¹²⁴ Ibidem, с. 43.

¹²⁵ В.А. Маслова, *Когнитивная лингвистика...*, с. 28.

но переживается»¹²⁶. Следует еще добавить, что не всякое понятие может быть названо концептом. Согласно Н.Д. Арутюновой и В.Н. Телия, концептом может быть названо только «понятие, погруженное в культуру»¹²⁷. Ту же мысль высказывает и В.А. Маслова, утверждающая, что концепт – это наиболее сложное и важное понятие, без которого трудно себе представить ту или иную культуру¹²⁸. Отметим также, что З.Д. Попова и И.А. Стернин считают понятие, наряду с представлением, схемой, фреймом, сценарием (скриптом) и гештальтом основным типом концептов. В основе этой классификации лежит характер концептуализируемой информации. Воронежские ученые пользуются термином *понятие* в значении ‘концепт, представляющий собой результат рационального отражения и осмысления наиболее общих, существенных признаков предмета или явления’¹²⁹. В том же самом значении термином *понятие* пользуется и Н.Н. Болдырев. Однако в его классификации концептов по содержанию и степени абстракции находим больше типов концептов (+ конкретно-чувственный образ, пропозициональная структура), чем в классификации З.Д. Поповой и И.А. Стернина¹³⁰.

Некоторые языковеды придерживаются противоположной точки зрения, считая, что *концепт* и *понятие* – это термины-синонимы. К примеру, синонимическое употребление этих терминов встречаем в «Большом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой¹³¹. Также для А.П. Бабушкина термины *концепт* и *понятие* являются тождественными, однако он сам пользуется термином *концепт* в силу его большей частотности и распространенности в научной литературе. Ученый замечает, что «сегодня языковеды почти не оперируют термином *понятие* в его классическом смысле и предпочитают говорить о мыслительных конструктах, именуемых концептами»¹³².

Обратимся теперь к вопросу о том, какими терминами пользуются польские лингвисты. Обзор научной литературы позволяет прийти к выводу, что термин *koncept* не укоренился прочно в польском языкознании. В работах теоретического характера как по лингвокультурологии и этнолингвистике, так и по когнитивной

¹²⁶ Ю.С. Степанов, *Константы...*, с. 43.

¹²⁷ Цит. по: В.А. Маслова, *Когнитивная лингвистика...*, с. 39.

¹²⁸ *Ibidem*, с. 27.

¹²⁹ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Когнитивная лингвистика...*, с. 118.

¹³⁰ Н.Н. Болдырев, *Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии*, Тамбов 2002, с. 36.

¹³¹ *Языкознание: большой энциклопедический словарь*, ред. В.Н. Ярцева, Москва 1998, с. 384.

¹³² А.П. Бабушкин, *Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка*, Воронеж 1996, с. 14, цит. по: В.А. Маслова, *Когнитивная лингвистика...*, с. 28.

лингвистике он практически не объясняется. Лишь попутно на вопрос, что такое *концепт*, отвечает, напр., Я. Пузынина: «Szukając wartości istotnych dla całej Europy, trzeba mówić o domniemanych jednostkach poziomu mentalnego, nazywanych od pewnego czasu przez wielu naukowców konceptami, jednostkach wyrażanych przez różne w różnych językach elementy leksykalne i / lub gramatyczne. Te elementy leksykalne – słowa – m.in. [...] nazwy wartości – są niejednokrotnie mylące, wieloznaczne znaczeniowo. Nieostre znaczeniowo bywają też koncepty»¹³³. В той же статье польская исследовательница, обсуждая значение выражения *душа Европы на пороге XXI века*, пишет следующее: «Bardzo ważne jest określenie cech – czy też szerzej: pojęć, inaczej: konceptów – o które tu chodzi, jako istotnych i trwałych oraz wynikających z historii i kultury narodu»¹³⁴. Из приведенного предложения явно следует, что Я. Пузынина ставит знак равенства между терминами *koncept* и *pojęcie*. Ее точку зрения разделяют и другие лингвисты, ср. слова Е. Бартмиńskiego и В. Хлебды: «W programie etnolingwistycznych badań tożsamościowych podstawę materiałową poszukiwań zawartości treściowej „konceptów narodowych” (czyli pojęć typu *polskość*, *rosyjskość*, *czeskość* itp.) powinny więc utworzyć cztery podstawowe grupy faktów»¹³⁵. Также в Лексиконе когнитивного языкознания английское слово *concept (representation)* переведено на польский язык именно как *pojęcie (reprezentacja)*¹³⁶, а И. Мачкевич пишет, «kognitywiści, w dużym uproszczeniu, zajmują się tym, jak ludzie poznają świat, a rezultaty tego poznania „przerabiają” na pojęcia»¹³⁷. Резюмируя сказанное, отметим, что польские ученые отдают предпочтение термину *pojęcie*, а если пользуются термином *koncept*, то в работах преимущественно практической ориентации (см., напр., статью Э. Стрась¹³⁸).

¹³³ J. Puzynina, *Jakie wartości współtworzą „duszę” Europy u progu XXI wieku*, „PAUza Akademicka” 2010, nr 102, s. 3, http://pauza.krakow.pl/102_34_2010.pdf (дата обращения: 04.03.2012).

¹³⁴ Ibidem.

¹³⁵ J. Bartmiński, W. Chlebda, *Jak badać językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów?* „Etnolingwistyka” Т. 20 (2008), s. 19.

¹³⁶ V. Evans, *Leksykon językoznawstwa kognitywnego*, przeł. M. Buchta [et al.], Kraków 2009, s. 207.

¹³⁷ J. Maćkiewicz, *Metafora jako narzędzie rozumienia i porozumienia*, [w:] *Kognitywizm i komunikatywizm – dwa bieguny współczesnego językoznawstwa: dyskusja przy okrągłym stole*, red. W. Chłopicki, Kraków 2006, s. 69.

¹³⁸ E. Straś, *Koncept BLISKOŚĆ we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego*, [w:] *Русский язык в польской аудитории*. Т. 3, ред А. Зых, Катовице 2011, с. 71–83.

1.5.2. Дефиниции концепта и подходы к его исследованию

В российских лингвистических трудах можно найти достаточно много определений *концепта*. Это отчасти оправдано, так как, во-первых, по замечанию Е.С. Кубряковой, «термин *концепт* (курсив мой – Г.В.) является зонтиковым, он „покрывает” предметные области нескольких научных направлений»¹³⁹. Во-вторых, как пишут З.Д. Попова и И.А. Стернин, концепт – это «категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования»¹⁴⁰. Среди исследователей предпринимаются попытки упорядочить и систематизировать разные интерпретации термина *концепт*. Так, В.А. Маслова выделяет три основных подхода к пониманию концепта – культурологический, лингвистический и когнитивный¹⁴¹. Для первого, культурологического, подхода, представителями которого являются Ю.С. Степанов и Г.Г. Слышкин, характерна трактовка концепта как ментально-культурной единицы, а культуры как совокупности концептов. Для Ю.С. Степанова, концепт – «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего – рядовой, обычный человек, не „творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»¹⁴². При втором подходе упор делается на то, что единственным средством формирования концепта выступает семантика. Согласно представителям третьего подхода, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, концепт трактуется как единица мышления. Концепт – это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»¹⁴³, это «дискретное ментальное образование,

¹³⁹ С.Г. Воркачев, *Концепт как «зонтиковый» термин*, [в:] *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 24, ред. В.В. Красных, А.И. Изотов, Москва 2003, с. 6. Кстати, метафорическим определением *зонтиковый* Е.С. Кубрякова пользуется для характеристики когнитивных наук, так как они являются междисциплинарными, см.: *Краткий словарь когнитивных терминов*, ред. Е.С. Кубрякова, Москва 1996, с. 58.

¹⁴⁰ З.Д. Попова, А.И. Стернин, *Когнитивная лингвистика...*, с. 29–30.

¹⁴¹ В.А. Маслова, *Когнитивная лингвистика...*, с. 32–33.

¹⁴² Ю.С. Степанов, *Константы...*, с. 43.

¹⁴³ *Краткий словарь когнитивных терминов...*, с. 90.

являющее базовой единицей мыслительного кода человека», составляющее концептосферу, т.е. информационную базу мышления»¹⁴⁴.

1.5.3. Типология концептов

В научной литературе предложено несколько классификаций, строящихся на разных основаниях.

Так, В.И. Карасик предлагает разграничивать параметрические и непараметрические концепты. Первые могут быть измерены и описаны при помощи разных параметров (напр., пространство, время, количество, качество и др.), вторые имеют предметное содержание. Непараметрические концепты делятся, в свою очередь, на регулятивные концепты (регулятивы), «содержащие оценочный кодекс той или иной лингвокультуры» и нерегулятивные (нерегулятивы), в содержании которых ценности (высшие ориентиры) и нормы поведения могут быть установлены лишь опосредованно¹⁴⁵. Интересующий нас концепт «труд» является непараметрическим регулятивным концептом.

В зависимости от круга языковых личностей, для которых данный концепт является приоритетным ориентиром поведения, принято выделять универсальные (общечеловеческие), этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные концепты-регулятивы¹⁴⁶. Согласно этой классификации «труд» представляет собой универсальный концепт.

Некоторые ученые выделяют еще пять групп концептов: универсальные категории культуры, социально-культурные категории, категории национальной культуры, этические и мифологические категории¹⁴⁷. Концепт «труд» принадлежит к социально-культурным категориям.

Концепты могут быть также вербализованными и невербализованными языковыми средствами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.). «Концепты, – пишет Н. Болдырев, – репрезентируемые значениями отдельного слова, называют лексическими концептами; концепты, передаваемые значениями фразеологических сочетаний, – фразеологическими концептами, а те, что находят отражение в грамматических формах, категориях, синтаксических структурах, –

¹⁴⁴ З.Д. Попова, А.И. Стернин, *Когнитивная лингвистика...*, с. 34, 36.

¹⁴⁵ В.И. Карасик, *Языковые ключи*, Москва 2009, с. 30.

¹⁴⁶ Ibidem.

¹⁴⁷ М.В. Пименова, *Душа и дух: способы концептуализации*, Кемерово 2004, с. 10.

грамматическими»¹⁴⁸. Можно иметь дело также с объединениями концептов – целыми лексико-семантическими, лексико-фразеологическими, лексико-грамматическими и синтаксическими полями¹⁴⁹. Поскольку материальную базу нашего диссертационного исследования составляют извлеченные из словарей лексемы и фразеологизмы, предметом детального рассмотрения послужит концепт лексико-фразеологический.

С разделением концептов на вербализованные и невербализованные связана и их дифференциация на устойчивые и неустойчивые. Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, если концепты имеют закрепленные за ними языковые средства вербализации, которые являются актуальными для мышления и общения, они устойчивы, в противном случае мы имеем дело с неустойчивыми концептами¹⁵⁰. Концепт «труд», несомненно, является устойчивым.

В.И. Карасик различает понятия *когнитивный концепт* и *лингвокультурный, или культурный, концепт*. Специфику когнитивных концептов он усматривает в том, что «это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры»¹⁵¹.

Г.В. Токарев выделяет три подхода к пониманию концепта: два основных (когнитивный и лингвокультурологический) и третий, компромиссный, синкретичный, совмещающий постулаты двух предыдущих¹⁵². По его мысли, когнитивный и лингвокультурный концепты отличаются друг от друга по следующим признакам: субъективность, неструктурированность, оперативность у когнитивного концепта vs. объективность, структурированность, глобальность и историчность у лингвокультурного концепта¹⁵³. Нас будет интересовать лингвокультурный концепт труда.

¹⁴⁸ Н.Н. Болдырев, *Когнитивная семантика...*, с. 43.

¹⁴⁹ З.Д. Попова, *Из истории когнитивного анализа в лингвистике*, с. 11.

¹⁵⁰ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Очерки по когнитивной лингвистике*, Воронеж 2003, с. 39.

¹⁵¹ В.И. Карасик, *Языковые ключи...*, с. 28.

¹⁵² См. подробнее: Г.В. Токарев, *Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке)*, Волгоград 2003, с. 6–13.

¹⁵³ *Ibidem*, с. 12–13.

1.5.4. Основные свойства концептов

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин выделяют 10 базовых характеристик (признаков) лингвокультурного концепта, к которым относятся: комплексность бытования, ментальная природа, ценностность, условность и размытость, изменчивость, ограниченность сознанием носителя, трехкомпонентность, полиапеллируемость, многомерность, методологическая открытость и поликлассифицируемость¹⁵⁴. Попытаемся в общих чертах их охарактеризовать.

Под комплексностью бытования концепта волгоградские ученые понимают его бытование в сознании, культуре и языке. По их мнению, «сознание – это область пребывания концепта, культура детерминирует концепт ..., язык – это сфера, в которой лингвокультурный концепт опредмечивается (овеществляется)»¹⁵⁵. С этим признаком концепта непосредственно связаны два следующих. Поскольку областью пребывания концепта является сознание, он характеризуется ментальной природой, а с тем, что концепт детерминируется культурой, связана его ценностность, или аксиологическая значимость. («Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип»¹⁵⁶. Ср. также слова Е. Бартминьского: «ценности являются ядром каждой культуры, они определяют направления стремлений человека, вызывают эмоции, возбуждают желание действовать»¹⁵⁷).

Четвертым важным признаком концепта является то, что он имеет полевою структуру и его границы достаточно условны и диффузны. Концепт метафорически толкуется Н.Н. Болдыревым как катящийся снежный ком, «который постепенно обволакивается новыми слоями»¹⁵⁸. И.А. Стернин, в свою очередь, проводит параллель между концептом и плодом, косточкой которого является базовый слой, представляющий собой определенный чувственный образ, а мякоть, покрывающую косточку, образуют дополнительные когнитивные признаки, которые наслаиваются на базовый образ¹⁵⁹. Любой концепт имеет чувственную составляющую, которая «кодирует содержащуюся в нем рациональную информацию, обеспечивая его

¹⁵⁴ В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, *Базовые характеристики лингвокультурных концептов...*, с. 12–13.

¹⁵⁵ *Ibidem*, с. 12.

¹⁵⁶ *Ibidem*.

¹⁵⁷ *Język, wartości, polityka...*, s. 8 (перевод цитаты мой – Г.В.).

¹⁵⁸ Н.Н. Болдырев, *Когнитивная семантика...*, Тамбов 2002, с. 30.

¹⁵⁹ И.А. Стернин, *Методика исследования структуры концепта*, [в:] *Методологические проблемы когнитивной лингвистики...*, с. 58.

функционирование как мыслительной единицы»¹⁶⁰, но только более сложные концепты включают когнитивные слои, «отражающие развитие концепта, его отношения с другими концептами»¹⁶¹. Концепт «труд» имеет многочисленные связи с другими концептами. К примеру, К. Морита, изучая польское понятие PRACA и японское SHIGITO, приходит к выводу, что можно наблюдать тесную связь этих понятий с понятиями WOLNOŚĆ и JIYŪ (труд может ограничивать и лишать свободы поляков (русских, кстати, тоже), ср. словосочетания *obóz pracy (obóz pracy przymusowej)* и *исправительно-трудовой лагерь (колония)*, кроме того носители языка по-разному понимают также свободное время)¹⁶².

В связи с тем, что концепт не имеет жесткой структуры, он все время меняется, «актуализируется в своих составных частях и аспектах»¹⁶³. Способность концепта к изменчивости в сознании носителя очень хорошо видна на примере интересующего нас концепта «труд». Иначе трудовую деятельность воспринимает носитель русского или польского языков, которому пришлось жить и работать в Советском Союзе / в Польской Народной Республике, а иначе современный человек, работающий в новых, определяемых как капиталистические, условиях. Сказанное однозначно подтверждают исследования, проводимые О.Е. Черновой и М. Бжозовской. Российская исследовательница пыталась на материале газетных статей «Магнитогорского рабочего» за 1933-2002 гг., т.е. на языковом материале пяти временных срезов (1930-х гг., годов Великой Отечественной войны, годов так называемого «развитого социализма», годов кризиса советского строя и официальной идеологии, а также годов десоветизации) выявить идеологическое содержание концепта «труд» и проследить динамику его развития¹⁶⁴. В изучаемый период происходят кардинальные изменения смыслового наполнения концепта. С 1933 г. по 1980 гг. положительно оцениваемый в этическом, эстетическом, качественном, количественном, физиологическом, социально-общественном аспектах социалистический труд резко противопоставляется труду при капитализме, приобретающему в тех же аспектах негативную оценку (оппозиция «свой» – «чужой»). Однако, необходимо отметить, что на протяжении этих почти пятидесяти

¹⁶⁰ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Когнитивная лингвистика...*, с. 40.

¹⁶¹ И.А. Стернин, *Методика исследования структуры концепта...*, с. 58–59.

¹⁶² Подробнее об этом см.: К. Morita, *PRACA i WOLNOŚĆ w językach japońskim i polskim*, „Etnolingwistyka” Т. 24 (2012), s. 47–55.

¹⁶³ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Очерки по когнитивной лингвистике...*, с. 61.

¹⁶⁴ О.Е. Чернова, *Концепт «труд» как объект идеологизации*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург 2004; *Труд-2*, [В:] *Антология концептов...*, с. 484–497.

лет ценностные ориентации носителей русского языка также были довольно подвижными, о чем свидетельствует, к примеру, обеднение идеологической составляющей концепта «труд» в годы Великой Отечественной войны. Согласно О.Е. Черновой, в настоящее время, после идеологической редукции данного концепта, наблюдается его деидеологизация, причину которой следует, вне всякого сомнения, усматривать в изменении культурно-ценностных предпочтений демократического общества. М. Бжозовска, в свою очередь, рассматривает семантические модификации понятия *praca* в двух типах дискурса, в польских проповедях 1979-1987 гг. и в документах и материалах, опубликованных после VIII Съезда Польской объединенной рабочей партии (1980 г.)¹⁶⁵. Если постараться раскрыть динамику смыслового содержания понятия *praca*, то, на наш взгляд, оно в политическом дискурсе, по сравнению с религиозным, отличается значительно меньшей диахронической устойчивостью. В XXI в. потеряли свою актуальность многие, выделенные М. Бжозовской, составляющие этого понятия (ср., напр., следующие приводимые ей цитаты из материалов партии: *praca w kierunku umacniania socjalizmu, miarą współczesnego patriotyzmu jest przede wszystkim ofiarna praca dla socjalistycznej ojczyzny i gospodarska troska o jej dobro*). Польской лингвисткой описаны были также результаты анкетирования, проведенного в 1990 и 2000 гг. среди люблинских студентов¹⁶⁶. Опрошенные отвечали на вопрос, касающийся настоящего *x* (вместо *x* появлялось название ценности). Так, на протяжении десяти лет значительно изменилось восприятие *pracy* польскими студентами. В содержании понятия требования, предъявляемые к работнику, были заменены ожидаемыми выгодами, индивидуальное измерение, оказалось важнее, чем общественное. Вывод, напрашивающийся сам собой, заключается в том, что студенты сделали выбор в пользу «обладания» (потребительского образа жизни), а не «бытия».

На протяжении многих лет меняется также концептуализация труда в сознании мужчин и женщин. На этот любопытный факт обратила внимание

¹⁶⁵ M. Mazurkiewicz-Brzozowska, *Dwa spojrzenia na pracę. Perspektywa interpretacyjna a znaczenie słowa*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin 1990, s. 121–136; *PRACA. Wybrane warianty znaczenia słowa we współczesnej polszczyźnie i ich struktura kognitywna*, [w:] *Nazwy wartości: studia leksykalno-semantyczne*. T. 1, red. J. Bartmiński, M. Mazurkiewicz-Brzozowska, Lublin 1993, s. 133–145.

¹⁶⁶ M. Brzozowska, *Praca*, [w:] *Język, wartości, polityka...*, s. 132–137; *Zmiany semantyczne nazw związanych z pracą w nowych warunkach ustrojowych*, [w:] *Przemiany języka na tle przemian współczesnej kultury*, red. K. Ożóg, E. Oronowicz-Kida, Rzeszów 2006, s. 212–227.

чешская исследовательница А. Христоу¹⁶⁷. На основании анализа чешских народных песен, пословиц и современных анекдотов она пришла к выводу, что в языке нашло свое отражение изменение гендерных обязанностей: в современном обществе мужчины и женщины не придерживаются уже традиционного разделения труда.

Выделение такого признака концепта, как ограниченность сознанием носителя (индивидуальным либо коллективным), и в связи с этим упомянутое уже нами подразделение концептов на индивидуальные и коллективные (микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие), можно объяснить, опираясь на слова З.Д. Поповой и И.А. Стернина о том, что концепты формируются в сознании человека вследствие его непосредственного чувственного опыта, непосредственных операций с предметами, в результате взаимодействия с другими уже сформированными концептами, на основе языкового общения и самостоятельного познания значений языковых единиц¹⁶⁸. Если, напр., каждый человек по-своему воспринимает действительность органами чувств, то оправданным является утверждать, что индивидуальные концепты ограничены сознанием отдельного индивида. Коллективное сознание является производной от индивидуальных сознаний, равно как и наоборот.

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин считают, что концепт имеет трехкомпонентную структуру, складываясь из ценностного, образного (образно-перцептивного и образно-метафорического) и понятийного (фактуального) компонентов.

Концепт характеризуется также полиапеллируемостью, поскольку вербальными средствами апелляции к концепту (по-другому, средствами «входа» в него, его объективации или репрезентации в языке) могут служить и лексемы, и фразеологизмы, и свободные словосочетания, и предложения, т.е. языковые единицы разных уровней.

Многомерность концепта волгоградские ученые видят в том, что для его моделирования успешно могут использоваться фреймы, сценарии, скрипты и пр.

В исследовании концептов учитываются достижения различных областей научного знания, что легло в основу выделения такого признака концепта, как

¹⁶⁷ A. Christou, *Male and female work in Czech linguistic picture of the world*, [w:] *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*, red. M. Abramowicz, J. Bartmiński, I. Bielińska-Gardziel, Lublin 2012, s. 159–170.

¹⁶⁸ Ibidem, s. 68–69.

методологическая открытость. Существуют разные классификации концептов, и поэтому признаком концепта является поликлассифицируемость.

1.5.5. Методы исследования концептов

Концепты можно исследовать при помощи различных методов. Особенно подходящим для идеи данной работы представляется метод, разработанный В.И. Карасиком и подразумевающий:

1. «семантический анализ слов, называющих имена концептов;
2. этимологический анализ этих имен;
3. семантический анализ переносных, ассоциативных значений слов, воплощающих концепты;
4. интерпретативный семантический анализ;
5. интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом;
6. интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний (пословиц, афоризмов, цитат), выражающих определенные концепты;
7. анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующую содержанию исследуемого концепта;
8. анализ ассоциативных реакций информантов на вербальное обозначение концепта»¹⁶⁹.

Польские ученые, в частности М. Абрамович, Е. Бартминьски, В. Хлеба, предлагают исследовать понятия (концепты) по следующей схеме, учитывающей как можно более широкий контекст их лексико-семантических и концептуальных связей:

1. гиперонимы;
2. оппозиты (оппозиции), т.е. антонимы, устанавливаемые на более высоком, чем лексический, уровне, учитывающие дополнительные значения;
3. коллекции (польск. kolekcje или ciągi), т.е. наименования понятий, регулярно выступающих в одном ряду с дефинируемым;
4. синонимы;

¹⁶⁹ В.И. Карасик, *Языковые ключи...*, с. 32.

5. коллокации (устойчивые признаки, приписываемые данному объекту, описываемые общепринятыми эпитетами, закрепленными ФЕ и т.п.);
6. предикативно-аргументные схемы, в которых исследуемые единицы занимают закрепленные семантические позиции¹⁷⁰.

Материалом для исследования могут послужить дефиниции в словарях (словарный материал), анкеты (экспериментальный материал), корпусы, тексты, напр., пословицы и поговорки, статьи, учебные пособия (текстовый материал). Наше исследование будет опираться на словарный материал и в этой связи уместным представляется привести слова В. Хлебды: «Słowniki można traktować zarówno jako kondensaty JOS (jako podsumowanie i zwięźczenie prac nad obserwacją i analizą JOS), jak też i jako podstawę do rekonstruowania JOS (na podstawie składu siatki hasłowej, definicji znaczeń, kwalifikatorów, nawet ilustracji przykładowych)»¹⁷¹. Относительно словарей справедливой является также констатация Г.В. Токарева, что хотя словарь – это продукт интеллектуальной деятельности одного лексикографа либо группы ученых, он полезен тем, что путем обобщения разных вариаций употребления того или иного слова указывает на эталонизацию лингвокультурной общностью его значения¹⁷².

Многие ученые подчеркивают также, что одним из методов систематизации средств языковой репрезентации того или иного концепта может быть выделение семантического поля. Термин *семантическое поле* употребляется для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных общим семантическим признаком.

1.6. Роль подстандартной лексики и фразеологии в исследовании языковой картины мира¹⁷³

По справедливому замечанию американского математика и философа Н. Винера, «мир, в котором живут люди – это мир процесса, а не мертвого

¹⁷⁰ M. Abramowicz, J. Bartmiński, W. Chlebda, *Językowo-kulturowy obraz świata Słowian na tle porównawczym*, http://www.ethnolinguistica-slavica.org/index.php?option=com_content&view=article&id=74:jzykowo-kulturowy-obraz-wiata-sowian-na-tle-porownawczym&catid=4:2008-12-13-17-04-25&Itemid=3 (дата обращения: 04.05.2012).

¹⁷¹ W. Chlebda, *Plaszczyzny oglądu językowego obrazu świata...*, s. 171.

¹⁷² Г.В. Токарев, *Лексические средства выражения особенностей миропонимания*, «Русский язык в школе» 2003, № 4, с. 73.

¹⁷³ Фрагмент данного раздела был опубликован ранее в следующей статье автора: Г. Вильк, *Сленговая фразеология как неотъемлемая часть фразеологической неологии и ее использование в процессе обучения русскому языку*, [в:] *Русский язык в польской аудитории...*, с. 62–63.

равновесия». Российский лингвист Р.А. Будагов, ссылаясь на эти слова, добавил, что «то же можно сказать и о „мире” наших языков: языки всегда в процессе исторического развития»¹⁷⁴. В условиях постоянно меняющегося мира, язык не может остаться неизменным, на одном месте, напротив, он, как открытая и динамически развивающаяся система, все время пополняется и обновляется, потому что его важнейшей функцией является не только функция когнитивная, но и коммуникативная. Инновации заметны во всех подсистемах и уровнях языка, однако лексика наряду с фразеологией в большей степени и значительно быстрее, чем другие его составляющие, отображает происходящие в нем изменения. В последнее время мы наблюдаем экспансию сленговой лексики и фразеологии. «Если раньше, – пишут О.П. Ермакова, Е.А. Земская и Р.И. Розина, – они [сленговые слова и выражения – Г.В.] употреблялись только в непринужденном общении хорошо знающих друг друга людей, то теперь и давно известные, и новые слова [и фразеологизмы – Г.В.] этого рода можно услышать в радио- и телепередачах и увидеть на страницах самых разных газет»¹⁷⁵ или «Если еще совсем недавно главным ее [системы русского языка – Г.В.] ориентиром, по словам В.М. Мокиенко, был литературный стандарт, то теперь этот ориентир развернут в противоположную сторону, с явным креном к субстандарту в широком смысле»¹⁷⁶. К сказанному стоит еще добавить слова В.В. Дубичинского и А.Н. Самойлова, утверждающих, что «ранее запретный плод стал настолько сладок и приятен, что ненормативная лексика в настоящее время становится чуть ли не ведущим пластом русской речевой стихии»¹⁷⁷. Похожую мысль высказывают и польские лингвисты. К примеру, согласно Я. Вархале, «rozwoj polszczyzny łączy się z dynamicznością potoczności, która dyfuzyjnie opanowuje inne odmiany i absorbuje elementy z odmian niskich – żargonowych, „transportując” je, poprzez uzus młodzieżowy, do odmian wyższych»¹⁷⁸.

На протяжении многих веков можно было наблюдать экспансию разных элементов в широкий языковой узус. По мнению П. Червинского, «в XIX веке

¹⁷⁴ Р.А. Будагов, *Что такое развитие и совершенствование языка?* Москва 2004, с. 42.

¹⁷⁵ О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина, *Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона*, Москва 1999, с. III.

¹⁷⁶ В. Мокиенко, *Источники фразеологической неологии в русском языке*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas VII: nowe środki nominacji językowej w nowej Europie: materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 21-23 listopada 2003 r.)*, red. M. Aleksiejenko, M. Kuczyńska, Szczecin 2004, s. 36.

¹⁷⁷ В.В. Дубичинский, А.Н. Самойлов, *Словари русского языка: учебное пособие*, Харьков 2000, с. 152, цит. по: М. Żurek, *Оценочные слова в общем русском жаргоне*, [w:] *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 3: Opis, konfrontacja, przekład*, red. I. Łuczaków, J. Sokołowski, Wrocław 2003, s. 341.

¹⁷⁸ J. Warchala, *Kategoria potoczności w języku*, Katowice 2003, s. 22.

почвой обогащения для русского литературного языка, как полагают, были народные говоры [т.е крестьянская речь российской деревни – Г.В.]. XX век, начиная с 20-х годов, полностью изменив социальную структуру общества, заменил, соответственно, и почву обогащения литературного языка. Ей становится просторечие, определяемое термином городское. Процессы конца предшествующего столетия, коснувшиеся в немалой степени и языка, ... позволяют судить об изменении почвы обогащения литературного языка от городского просторечия к современному русскому сленгу»¹⁷⁹.

Исходя из сказанного, оправданным является привлечение подстандартного материала в исследовании фрагмента ЯКМ. Язык, как справедливо отмечает Э. Табаковска, «должен исследоваться в широком психологическом, социологическом и культурном контекстах»¹⁸⁰.

Также и В.С. Елистратов предлагает «вывести изучение арго из рамок социолингвистики на более широкое и плодородное поле лингвокультурологии и лингвофилософии»¹⁸¹. Точку зрения Елистратова разделяет Я. Анусевич. Польский лингвист подчеркивает, что круг интересов лингвокультурологов может быть очень широким, он может охватывать ряд сложных вопросов (ученый перечисляет их 13). Среди них находятся не только вопросы, связанные с изучением теоретических и методологических аспектов соотношения языка и культуры, культурных аспектов ЯКМ, но также вопросы, касающиеся исследования социальных и профессиональных разновидностей языка в культурологическом ключе¹⁸². Ведь, как замечает С. Грабяс, «socjolekt, jak każdy język, w pewien sposób kreuje rzeczywistość, narzucając obraz świata poprzez utrwalanie i przenoszenie systemu wartości społecznych»¹⁸³. Кстати, пригодность социолектов в исследовании ЯКМ, кроме С. Грабяса, показала и Э. Колодзеек, изучавшая концептуализацию окружающей действительности в языковом сознании членов 5 молодежных субкультур (армейской субкультуры, субкультуры преступного мира, футбольных

¹⁷⁹ П. Червинский, *Жаргоны и сленг в аспекте оформления лексического значения слова*, [в:] *Лексика подстандарта*. Т. 2: *Современные жаргоны и их описание*, ред. А. Зых, М. Надель-Червиньска, Катовице 2009, с. 25-26.

¹⁸⁰ Е. Tabakowska, *Gramatyka i obrazowanie. Wprowadzenie do językoznawstwa kognitywnego*, Kraków 1995, s. 13.

¹⁸¹ В.С. Елистратов, *Московское арго*, Москва 1994, с. 672, цит. по: В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии)*, [в:] *Фразеология в контексте культуры*, ред. В.Н. Телия, Москва 1999, с. 80.

¹⁸² J. Anusiewicz, *Lingwistyka kulturowa...*, 15–16.

¹⁸³ S. Grabias, *Język w zachowaniach społecznych...*, s. 136.

болельщиков, хип-хопа и студентов)¹⁸⁴. К сказанному важно добавить, что, по мнению В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, «лингвокультурологический аспект является наименее разработанным в описаниях субстандартной фразеологии, в то время как в целом отечественной [русской – Г.В.] лингвистикой накоплен богатый опыт изучения и описания этнокультурного фона русской фразеологии»¹⁸⁵. Это утверждение, по нашему мнению, касается и субстандартной лексики, изучение которой с лингвокультурной точки зрения также часто остается на периферии исследовательского внимания.

В связи с проводимым нами исследованием представляется необходимым введение таких понятий, как *сленг*, *жаргон*, *арго*, *разговорная речь* и *просторечие*.

Начнем с дефиниций понятий *разговорная речь* и *просторечие*. Согласно Е.А. Земской, «...русский литературный язык существует в двух основных разновидностях. Одну из них называют кодифицированным литературным языком, другую – разговорным литературным языком. Разговорный литературный язык принято обозначать термином „разговорная речь”»¹⁸⁶. *Просторечие*, в свою очередь, разновидностью литературного языка не является, поскольку оно относится к словам и выражениям, отклоняющимся от литературной нормы. Это живая обиходная речь малообразованного городского населения.

Сложнее дело обстоит с польским термином *mowa potoczna*. По вопросу о том, что такое *potoczność*, среди польских исследователей не существует единого мнения. Убедительным подтверждением сказанному является уже тот факт, что в научной литературе для названия этого явления появляется более десяти определений: *język*, *mowa*, *odmiana*, *odmianka*, *podjęzyk*, *pododmiana*, *podtyp*, *styl*, *wariant*, *wersja*, *bytowy*, *kolokwialny*, *mówiony*, *naturalny*, *obiegowy*, *oralny*, *potoczny*, *ustny*, образующих в синтагматических комбинациях квазисинонимы такие, как *język kolokwialny*, *język obiegowy*, *język potoczny*, *mowa bytowa*, *mowa potoczna*, *odmiana ustna*, *odmianka mówiona*, *podjęzyk mówiony*, *styl kolokwialny*, *styl oralny*, *styl potoczny*, *wersja ustna*, *potoczny język kolokwialny*, *ustna wersja stylu kolokwialnego* и т.п.¹⁸⁷.

М. Банько придерживается точки зрения, что сложность, возникающая при попытке установить содержание понятия *potoczność*, связана с тем, что разные

¹⁸⁴ Е. Kołodziejek, *Człowiek i świat w języku subkultur*, Szczecin 2007.

¹⁸⁵ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Фразеология в контексте субкультуры...*, с. 80.

¹⁸⁶ Е.А. Земская, *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*, Москва 2006, с. 3.

¹⁸⁷ W. Lubaś, *Polskie gadanie: podstawowe cechy i funkcje potocznej odmiany polszczyzny*, Opole 2003, s. 27.

лингвисты применяют одно и то же слово по отношению к разным явлениям, стилистическому либо эпистемологическому¹⁸⁸. А. Марковски *potoczność* рассматривает как категорию стилистическую, шире прагматическую, семантическую и гносеологическую¹⁸⁹.

Понятие *potoczność* употребляется в широком и узком смыслах. Широкий смысл предполагает лексико-стилистическое, ситуативное, прагматическое, а не семантическое, ни тем более гносеологическое понимание понятия *potoczność*. Е. Бартмиński такой подход называет стилистически-ситуативной концепцией, или условно «варшавской концепцией»¹⁹⁰. «Варшавской» концепции противостоит «опольская» концепция, по-другому называемая антропологическо-культурной.

Польскому термину *towa potoczna* соответствует русский *разговорная речь*, однако надо помнить, что польское понятие, по сравнению с русским, является более объемным.

В современной лингвистике пока не сложилось единого мнения и по поводу определения терминов *арго*, *жаргон*, *сленг*. *Арго*, *жаргон* и *сленг* многими учеными определяются как синонимичные. Другие лингвисты стараются дифференцировать эти термины. Понятие *арго* трактуется как синоним *жаргона*, напр. в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой. Под словом *арго* читаем: «англ. *slang*, фр. *argot* ... То же, что жаргон»¹⁹¹. Однако дальше О.С. Ахманова подчеркивает, что в слове *жаргон*, по сравнению с *арго*, чувствуется пейоративный, уничижительный оттенок. В приведенной дефиниции замечаем также, что русскому термину *арго* соответствует английский *slang*, и это давало бы нам право утверждать, что *арго* и *сленг* – это одно и то же, если бы не толкование понятия *сленг* в том же словаре. В дефиниции *сленга* на первый план выдвигается то, что сленговые слова и выражения в речи людей приобретают особую эмоционально-экспрессивную окраску, в то время как арготические / жаргонные применяются с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности. Похожее определение *сленга* находим у В.В. Химика: «сленг – это практически открытая подсистема ненормативных лексико-фразеологических единиц разговорно-просторечного языка, его стилистическая разновидность, или особый регистр,

¹⁸⁸ М. Bańko, *Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa: studia o słowniku jednojęzycznym*, Warszawa 2001, s. 62.

¹⁸⁹ А. Markowski, *Kategoria potoczności w języku i w opisie języka*, [w:] *Język a Kultura*. Т. 5: *Potoczność w języku i kulturze*, red. J. Anusiewicz, F. Nieckuła, Wrocław 1992, s. 56–58.

¹⁹⁰ J. Bartmiński, *Styl potoczny*, [w:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2010, s. 131.

¹⁹¹ О.С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, Москва 2004, с. 53.

предназначенный для выражения усиленной экспрессии и особой оценочной окраски (обычно негативной)»¹⁹². В.С. Елистратов, в свою очередь, утверждает, что понятия *арго* и *сленг* можно использовать как синонимы, однако он предпочитает пользоваться термином *арго* (хотя, отметим, его словарь озаглавлен «Толковый словарь русского сленга»), потому что, во-первых, термин *арго* наиболее нейтральный, во-вторых, он лишен оценочности и, в-третьих, он характерен для русской традиции¹⁹³. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под ред. В.Н. Ярцевой в первом значении слово *сленг* синонимично *жаргону*, в то время как толкование второго значения совпадает с толкованием у О.С. Ахмановой и В.В. Химики¹⁹⁴. Отметим также, что в русистике принято считать, что *арго* – это по-другому криминальный жаргон (жаргон преступников, босяков, беспризорников, проституток и др.), т.е. его нельзя отождествлять со сленгом. Мы будем отдавать предпочтение термину *сленг* в силу его открытости.

Также и многие польские лингвисты ставят знак равенства между терминами *slang*, *żargon*, *gwara* (с уточняющим определением *środowiskowa* либо *zawodowa*, либо *środowiskowo-zawodowa*), *argot*¹⁹⁵.

М. Видавски пишет, что «сленг – это, лапидарно говоря, разговорная речь, только в большей степени»¹⁹⁶. В той же научной публикации ученый утверждает, что употребление терминов *slang* и *język potoczny* в одном ряду следует считать скорее упрощением, поскольку их значения не тождественны¹⁹⁷. Сленг и разговорную речь отождествляет и М. Чешевски, помещая в «Słowniku slangu młodzieżowego» слова типа *bumelant*, *nierób*, фразеологизмы *leżeć bykiem*, *od metra*, одновременно снабжая их пометами *pot*.

Судьба сленговых ЛЕ и ФЕ неодинакова. Одни выходят за пределы сленга, становясь общеупотребительными (чаще всего разговорными), одновременно пополняя лексический и фразеологический состав современного литературного

¹⁹² В.В. Химик, *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*, Санкт-Петербург 2000, с. 14. Подобное определение *сленга* находим в работе украинской исследовательницы Л. Ставицькой, которое она формулирует на основании дефиниций российских и украинских ученых. См.: Л. Ставицька, *Арго, жаргон, сленг*, Київ 2005, с. 42.

¹⁹³ В.С. Елистратов, *Арго и культура*, [в:] Idem., *Толковый словарь русского сленга*, Москва 2005, с. 615.

¹⁹⁴ *Лингвистический энциклопедический словарь*, ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990, <http://tapemark.narod.ru/les/index.html#19> (дата обращения: 20.08.2012).

¹⁹⁵ См.: *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego...*, s. 708.

¹⁹⁶ *Slang UG. Słownik slangu studentów Uniwersytetu Gdańskiego*, red. M. Widawski, Gdańsk, s. III (перевод цитаты мой – Г.В.).

¹⁹⁷ Ibidem, s. X.

русского и польского языков. Другие, являющиеся «эфемеридными образованиями», «однодневками», быстро забываются. Третьи причисляются к окказионализмам или гапаксам (индивидуально-авторским фразеологизмам). То, как долго то или иное сленговое слово, тот или иной сленговый фразеологизм будет находиться в активном составе русского или польского языка, зависит от целого ряда экстралингвистических факторов и, в частности, от актуальности его тематики, остроумного оформления мысли, прозрачности образа, частотности употребления, обусловленной, в свою очередь, коммуникативными предпочтениями носителей сленга¹⁹⁸. Не всегда словари успевают фиксировать появление устойчивого выражения или изменение его статуса. «Быстрое обновление, изменение молодежного сленга (главным образом, восприятие носителями эмоционально-экспрессивного характера единиц) не дает лексикографам шансов адекватного описания этого социального диалекта»¹⁹⁹. В связи с чем наблюдаются колебания в стилистической характеристике одной и той же лексической либо фразеологической единицы. Сказанное проиллюстрируем на примере двух фразеологизмов, которые помещаются в разных словарях, причем с разными пометами:

Словарь ФЕ	БРС	БТС	ТСМСЖ	ТСРС
<i>работать (трудиться) как папа Карло</i>	разг.	–	–	√
<i>непыльная (не пыльная) работа</i>	разг.-сниж.	разг.	√	–

Это связано, главным образом, с преимущественно устной средой бытования сленга. Словари запаздывают, они, как пишут З.Д. Попова и И.А. Стернин, ссылаясь на слова французского писателя Г. Флобера, – «как часы: самый плохой лучше, чем никакой, но даже самый лучший никогда точно не показывает»²⁰⁰.

Кроме того, верным представляется следующее утверждение Х. Вальтера и В.М. Мокиенко, которое, по нашему мнению, можно отнести к любому словарю

¹⁹⁸ Л. Байрамова, *Общезыковые и окказиональные неофразеологизмы ФСП «Наркомания»*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas VI: nowa frazeologia w nowej Europie: materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6-7 września 2001 r., Greifswald, 8-9 września 2001 r.)*, red. M. Aleksiejenko, W. Mokijenko, H. Walter, Szczecin 2004, s. 230.

¹⁹⁹ Е.А. Невзорова-Кмеч, *Проблема перевода сленговых фразеологических единиц (на материале польского и русского языков)*, [w:] *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*, red. W. Chlebda, Opole 2007, s. 467.

²⁰⁰ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Когнитивная лингвистика...*, с. 47.

жаргона (сленга): словарь отражает «лишь небольшой фрагмент того неисчислимого множества жаргонной лексики и фразеологии, которое переполняет теперь современную живую речь, литературу, публицистику и пространства mass-media и Интернета»²⁰¹.

Выход из этого затруднительного положения В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина и Х. Вальтер нашли в использовании обобщающей пометы *жрр*. (жаргонно-разговорная речь)²⁰².

Но, несмотря на все вопросы, которые неизбежно встают при описании сленгового материала, несомненным остается одно – лексемы и фразеологизмы, находящиеся за пределами литературного языка, могут послужить богатым источником знаний о представлениях носителей современного русского и польского речевого узуса о самих себе и об окружающей их действительности.

²⁰¹ Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, *Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий*, Москва 2007, с. 7.

²⁰² В.М. Мокиенко, *Источники фразеологической неологии...*, с. 33.

Глава II. Лексические средства характеристики труда в русском и польском языках

2.1. Этимологический анализ слов *труд*, *робота*, *trud*, *robota*, *praca*¹

Прежде чем перейти к исследованию семантики слов *труд*, *робота*, *trud*, *robota*, *praca* на современном этапе развития русского и польского языков, обратимся к данным этимологии. Знания, полученные в ходе анализа первичных форм концепта «труд» в языковом сознании русских и поляков, позволят нам более точно выявить общие и различительные черты между объективирующими этот концепт лексическими средствами как внутри одного языка, так и в сопоставлении двух близкородственных языков. Ведь этимология, как замечает Ю.С. Степанов, это «предыстория, дописьменная история концепта»².

Начнем с раскрытия истории развития значений у слова *труд*. Согласно этимологическим словарям, оно восходит к общеславянскому *трудъ* и далее к индоевропейской основе *treud- (:*troud-), означавшей 'мять', 'жать', 'давить', 'щемить'. В древнерусском языке слово *трудъ* известно с XI в. в значении 'работа', 'трудность', 'беспокойство', 'забота', 'страдание', 'скорбь', 'болезнь', 'горе'³. В значении 'скорбь', 'горе' оно встречается, например, в написанном в 1185-1187 гг. «Слове о полку Игореве». Как пишет Т.В. Гоннова, Святослав беспокоится о сыне, пропавшем в походе, и произносит следующие слова: «чръпахуть ми синее вино съ *трудомъ* (курсив мой – Г.В.) смѣшено»⁴. В переводах этого памятника древнерусской литературы на современный русский язык *трудъ* заменяют словами *горе* и *скорбь*, а также *горечь*, *печаль*, *желчь*, *яд*, *отрава*⁵. О том, что в древнерусском языке слово *трудъ* имело также значение 'болезнь',

¹ Часть материала, представленного в первом и втором разделах данной главы, была опубликована ранее в следующей статье автора: Г. Вильк, *Характеристика лексем концепта «труд» в русском и польском языках*, [в:] *Русистика и современность: материалы XIV международной научно-практической конференции 29 сентября – 1 октября 2011*. Том 1: *Лингвокультурология и межкультурная коммуникация*, ред. И.П. Лысакова, Санкт-Петербург 2011, с. 84–89.

² Ю.С. Степанов, *Константы: словарь русской культуры*, Москва 2001, с. 6.

³ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 томах*. Т. 2, Москва 1999, с. 266.

⁴ Т.В. Гоннова, *Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Волгоград 2003, с. 43.

⁵ См.: Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве», <http://nevmenandr.net/slovo/zvenja.html#qu> (дата обращения: 29.09.2010). Стоит, по нашему мнению, посмотреть и на польские переводы, помещенные на этом сайте. Интересующее нас предложение переведено, напр., следующим образом: «czerpano dla mnie sine wine zmieszane z żółcią» (А. Обрембска-Яблоньска), «Strute wine czerpano czarą» (Ю. Тувим).

свидетельствуют его производные: *трудоващица* ‘больница’, *трудоваый* ‘больной’ и *трудовище* ‘болезнь’⁶. Современное значение слова *труд*, таким образом, отличается от того, которое у него было в прежнее время. Как «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее – ТСРЯ), так и «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (далее – БТС) фиксируют у слова *труд* пять значений от абстрактного к более конкретному: 1. ‘целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей’; 2. ‘работа, занятие’ || *только мн.*: ‘труды. повседневные хлопоты, заботы’; 3. ‘усилие, направленное к достижению чего-л.’; 4. ‘результат деятельности, работы; произведение’; 5. ‘предмет школьного образования; обучение навыкам какой-л. профессиональной, хозяйственной деятельности’ (БТС)⁷. Как видим, в процессе исторического развития языка «произошло сужение семантики слова *труд* вследствие общего процесса сокращения многозначности и исчезновения лексической диффузности (неопределенности, „размытости” значений)»⁸. Кроме того, изначально у слова *труд* отсутствовали семы ‘целенаправленность’, ‘усилие’ и ‘результативность’, которые есть в его современном значении. Как замечает Г.В. Токарев, «если раньше *трудом* (курсив мой – Г.В.) называлось все то, что приносило печаль, досаду, ощущение тяжести, то теперь фиксируются физиологические характеристики: это все то, что напрягает и утомляет, что требует усилий, это состояние физического несоответствия норме»⁹. К сказанному следует добавить, что Г.Я. Солганик в «Толковом словаре: язык газеты, радио, телевидения» у слова *труд*, помимо значения ‘целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения; работа’, выделяет также собирательное значение ‘трудящиеся’ (напр. *армия труда*). Это является еще одним подтверждением тому, что современное слово *труд* не сохранило значения ‘болезнь’, ‘горе’, ‘страдание’.

В польском языке также до сих пор употребляется унаследованное из общеславянского языка слово *trud*, однако оно, по сравнению со сходно звучащим русским, обладает более узким значением и толкуется как: 1. ‘ogromny wysiłek,

⁶ И.И. Срезневский, *Словарь древнерусского языка в трех томах*. Т. 3. Ч. 2: Т-Я, Москва 1989, с. 1006; ср. также: А.В. Алексеев, *Труд: деятельность или печаль?* «Русская речь» 1998, № 4, с. 118.

⁷ В скобках дается источник дефиниции. Если он не указан, приводится определение автора.

⁸ А.В. Алексеев, *Труд: деятельность или печаль?* ..., с. 121.

⁹ Г.В. Токарев, *Особенности лексической репрезентации концепта «труд»*, [в:] *Лингвистические парадигмы: традиции и новации: материалы международного симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков»*. Волгоград, 23-25 мая 2000 г., Волгоград 2000, с. 194.

ciężka praca, mozolne starania; znój, trudzenie się, fatyga'; 2. 'trudność, niedogodność, przeszkoda'¹⁰ (SWJP). Тем самым, можно заметить лишь частичное совпадение современного 3-го значения слово *труд* и 1-го *trud*. В польском языке также произошло сужение значения слова. Старопольский словарь дает два значения слова *trud*: 1. 'wysiłek, móżół, praca'; 2. 'męka'¹¹. Лишь первое из них осталось актуальным.

Слово *работа*, в свою очередь, является производным от общеславянского *orbota, а если пойти дальше, то от индоевропейского *orbhos. По словам М. Фасмера, «значение индоевропейского корня определяют довольно расплывчато: 'осиротелый', 'сирота', 'имущество, пожитки сироты' > 'наследство', 'наследник', 'маленький', 'слабый', 'беспомощный', 'дитя', 'беззащитный сирота, готовый даже на унижительный труд ради куска хлеба' > 'раб', 'труд раба'»¹². Тем самым, мы имеем дело с изменением семантики корня, начиная с обозначения 'ребенка', 'сироты', т.е. существа беззащитного, безвольного, несовершеннолетнего, и заканчивая обозначением 'раба', 'слуги' – существа также беззащитного, безвольного, лишённого всех гражданских прав (недееспособного), несовершеннолетнего или совершеннолетнего¹³. Общеславянское звуко сочетание *ор-* вследствие закона открытого слога изменилось в *ро-*, *ра-* и в древнерусском языке появляются слова *робота* и ст.-слав. *робота* в трех значениях: 1. 'рабство', 'неволя'; 2. 'служение'; 3. 'работа', 'труд', а после XVII века, согласно данным М. Фасмера, функционирует, заимствованная из старославянского, уже одна только форма *робота*, обозначающая 'трудовую деятельность', 'труд'¹⁴. В БТС находим следующие значения слова *робота*: 1. *только ед.* к Работать; 2. *обычно с опр.* 'вид деятельности, труда; круг занятий, обязанностей'; 3. *только мн.:* работы *обычно с опр.* 'производственная деятельность по созданию, обработке и т.п. чего-л.'; 4. 'труд, занятие как источник заработка; служба || место службы'; 5. 'то, над чем работают, что подлежит обработке, находится в процессе изготовления' 6. 'продукт труда, готовое изделие, произведение'; 7. *с опр.* 'качество, способ, манера исполнения, изготовления'; 8. *физ.* 'процесс превращения одного вида энергии в другой'. Тем самым, «понимание *работы* (курсив мой – Г.В.), – пишет

¹⁰ Здесь и далее значения слов приводятся на языке оригинала, чтобы не создавать двусмысленности их понимания.

¹¹ *Słownik staropolski*. Т. 9: *Ściadły – Używowanie*, red. S. Urbańczyk, Warszawa 1984, s. 191–192.

¹² М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка: в 4 томах*. Т. 3, пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева, Москва 1987, с. 91.

¹³ М. Brzozowska, *Etymologia a konotacja słowa: studia semantyczne*, Lublin 2009, s. 74.

¹⁴ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка...*, с. 92.

Г.В. Токарев, – развивается в деятельностном аспекте, ассоциативно-смысловые признаки, кумулируемые этимоном, редуцируются»¹⁵, т.е. у слова *praca* перестала актуализироваться сема ‘подневольно’.

В старопольском языке на месте сочетания *op-* появилось *po-*, отсюда и стало употребляться слово *robota*, имевшее семь значений: 1. ‘praca, szczególnie fizyczna, zajęcie, działania’; 2. ‘to, co zostało zrobione, wyroby, owoc pracy, dzieło’; 3. ‘miejsce, gdzie się wykonuje jakąś pracę’; 4. ‘postępowanie’; 5. ‘usiłowane, staranie, gorliwość, troska’; 6. ‘praca pańszczyźniana na rzecz pana feudalnego’; 7. ‘niewola’¹⁶. На том этапе развития языка трудовая деятельность отождествлялась с неволей, рабством (ср. также старопольский глагол *robotować* ‘służyć, być niewolnikiem’¹⁷). В современном польском языке слово *robota*, как и русское *работа*, является многозначным. Оно отмечено в пяти значениях: 1. ‘zespół czynności, akcji podejmowanych w celu wykonania, wyprodukowania, wytworzenia, dokonania czegoś; praca, działanie, działalność, robienie czegoś; robocizna’; 2. *tylko w lm* ‘zbiorowe prace fizyczne’; 3. *pot.* ‘to, co jest (zostało, będzie) zrobione, wykonane, zdziałane, załatwione; rezultat czyjejś pracy, działania, działalności; wyrób, produkt, wytwór, dzieło, zadanie, uczynek’; 4. *tylko w lp, pot.* ‘zajęcie, zatrudnienie, praca jako źródło zarobku, zwłaszcza zarobkowa praca fizyczna; posada; także: zakład, miejsce pracy, stanowisko pracy’; 5. *tylko w lp, przestarz.* ‘lekcja szkolnych zajęć praktycznych, np. szycia, gotowania, introligatorstwa, stolarstwa’ (PWN). Необходимо отметить, что изначально слово *robota* было нейтральным, разговорно-сниженная окраска, которая присутствует в современных значениях слова, появилась под влиянием бегемизма *praca* (русское слово *работа* остается нейтральным и до сих пор).

Появление слова *praca* в польском языке датируется второй половиной XV века. Оно происходит от праславянского **port*’a [<**port*-ja] с исходной семантикой ‘труд, физическое усилие; физическое занятие, работа’, связанного с глаголом **portiti* ‘проводить кого-л., сопровождать кого-л., быть посланным сделать что-л.’¹⁸. Развитие значений у слова *praca* происходило, вероятно, следующим образом: на базе первичного ‘преодоление пути, провожание кого-л.’ возникло вторичное ‘труд, физическое усилие; физическое занятие, работа’ (ср. южнославянское **posъlъ*

¹⁵ Г.В. Токарев, *Особенности лексической репрезентации...*, с. 196.

¹⁶ *Słownik staropolski*. T. VII: *Póć – Rozposzyć*, red. S. Urbańczyk, Warszawa 1976, s. 469–472.

¹⁷ *Ibidem*, s. 472.

¹⁸ W. Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2005, s. 478.

‘занятие, работа’ от **poslati* ‘послать, выслать’)¹⁹. Примечательно, что трудно ответить на вопрос, каким образом слово *praca* появилось в польском языке²⁰. Оно, согласно одной, более распространенной, гипотезе, было заимствовано из чешского языка (чешск. *práce*), – иными словами, является лексическим заимствованием. Другая гипотеза предполагает, что *praca* представляет собой не лексическое, а фонетическое заимствование, также из чешского. Об этом свидетельствует первичная связь польской формы с н.-луж. *proca*, в.-луж. *próca* и фонетическая особенность чешского языка – форма *trat* вместо польского *trot*.

В современном польском языке слово *praca* имеет следующие значения: 1. ‘świadoma, celowa działalność człowieka zmierzająca do wytworzenia określonych dóbr materialnych lub kulturalnych, będąca podstawą i warunkiem istnienia i rozwoju społeczeństwa; wykonywany zawód, zajęcie, zatrudnienie, robota, akcja’; 2. ‘wytwór pracy człowieka, opracowanie czegoś; dzieło, utwór’; 3. *zwykle w lm* ‘czynność człowieka (także zwierzęcia) oraz związany z nią wysiłek mięśniowy, intelektualny itp.; funkcjonowanie, działanie organizmu, organu, mechanizmu maszyny itp.; proces, przebieg jakiejś czynności, jakiegoś działania’; 4. *tylko w lp* ‘zajęcie, zatrudnienie jako źródło zarobku; posada, zarobkowanie’; 5. *tylko w lp* ‘działalność zespołowa, ogół czynności grupy ludzi realizujących wspólnie jakieś zadanie’; 6. *pot.* ‘instytucja, w której pracuje się zarobkowo; miejsce pracy, zatrudnienia’; 7. *fiz.* ‘jedna z podstawowych wielkości mechanicznych określająca wartość energii potrzebnej do przemieszczenia ciała w przestrzeni, równająca się iloczynowi wartości siły (działającej na ciało) mnożonej przez wartość przebytej (przez to ciało) drogi’ (PWN). Слово *praca*, подобно как русское *труд*, может также функционировать в собирательном значении (*świat pracy*).

Заимствованное слово *praca* в современном польском языке стало общеупотребительным, вытеснив нейтральное ранее слово *robota* в более узкую сферу употребления. Как видно из словарных статей, хотя русское слово *работа* и польское *praca* имеют разное происхождение, можно отметить относительное сходство их значений. Современные значения слова *praca* отчасти совпадают со значениями слова *работа*, а отчасти со значениями слова *труд*. В связи с этим, два русских слова соответствуют в основном одному польскому (ср., напр., *ciężka praca* – *тяжелая работа* или *тяжелый труд*, *suzyfowa praca* – *сизифова работа* или

¹⁹ Ibidem.

²⁰ См.: J. Siatkowski, *Czesko-polskie kontakty językowe*, Warszawa 1996, s. 10, 37–38, 232, 241; H. Popowska-Taborska, *Czy formę proca ‘labor’ uznać należy za wyłącznie lużycką?* [w:] Eadem, *Z językowych dziejów słowiańszczyzny*, Warszawa 2004, s. 331–334.

сизифов труд, но *praca mięśni* – мышечная работа, *praca w godzinach nadliczbowych* – сверхурочная работа, *giełda pracy* – биржа труда, *prawo do pracy* – право на труд и т.д.).

2.2. Дифференцирующие смысловые признаки слов *труд*, *работа*, *trud*, *robota*, *praca*

Словарные дефиниции позволяют нам утверждать, что между русскими словами *труд* и *работа* устанавливаются отношения семантической близости. Основным значением обоих из них является ‘целенаправленная деятельность, требующая усилий и имеющая целью поддержание или улучшение условий жизни человека’. Помимо общего, каждое из этих слов содержит дополнительные оттенки значения, что влияет на то, что эти слова редко бывают свободно взаимозаменяемыми. Согласно «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна, слова *труд* и *работа* лишь в своем основном значении отличаются друг от друга по шести смысловым признакам, таким, как характер деятельности, масштаб задачи и количество затраченных усилий, как физических, так и умственных, представление деятельности как разворачивающегося во времени процесса, смысловые акценты (содержание, усилия), оценка, а также возможность абстрактных и персонифицированных употреблений²¹. Постараемся подробно охарактеризовать различия между русскими синонимами, добавив польский материал. При этом, сразу надо обратить внимание на то, что, поскольку семантика польской лексики *trud* отличается от русской, не все признаки будут ей релевантны.

1. Признак ‘характер деятельности’

Как замечает Ю.Д. Апресян, *труд* в целом – это более масштабная, творческая и этически значимая деятельность (напр. *производительный труд*), чем *работа*, поскольку *труд* связан скорее с потребностями людей вообще. *Работа*, напротив, связана скорее с потребностями конкретных людей (*работа уборщицы*), и это в целом нечто более прикладное.

²¹ *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, ред. Ю.Д. Апресян, Москва 2003, с. 909.

В польском языке *trud* также является этически значимой деятельностью, о чем свидетельствуют сочетания этой лексемы с названиями профессий, пользующихся общественным престижем, напр. *trud lekarza*, *trud żołnierza*. Несмотря на стилистические различия, *praca* и *robota* в этом отношении также сходны с русской *работой* (ср. *praca sprzątaczkі*, *robota sprzątaczkі*).

2. Признак ‘масштаб задачи и количество затраченных усилий’

В русском языковом представлении *труд* ассоциируется с бóльшими усилиями, чем *работа*, хотя и *работа* может быть довольно трудоемкой. Как *труд*, так и *работа* могут быть *изнурительными*, *каторжными*, *титаническими*, *тяжелыми*, *до кровавого пота*. Согласно нашим данным, и *труд*, и *работа* сочетаются с определением *легкий*, однако лишь *работа* предполагает небольшое количество усилий. *Легкий труд* употребляется в русском языке чаще всего в сочетании *перевод работника на легкий труд*, и в данном случае *легкий* не обязательно обозначает ‘дающийся без особых усилий’, а ‘требующий меньших усилий, по сравнению с предыдущей задачей, деятельностью’²². Поскольку в языковом сознании русских *труд* – это то, что человека утомляет, отнимает у него силы, он не может быть *приятным* как таковой, *работа*, напротив, может быть *приятной*²³.

Из анализа семантики польских слов *trud*, *praca*, *robota* естественным образом следует то, что *trud* требует приложения бóльших усилий, чем *praca* или *robota*. Подтверждением этому является и сочетаемость данных лексем. *Trud* сочетается с определениями, указывающими на большое количество потраченных сил, такими, как *tytaniczny*, *znojny*²⁴, *praca* – с определениями *ciężka*, *katorżnicza*, *mozolna*, *tytaniczna*, *znojna*, *w pocie czóła*. Кроме того, *praca* может быть *lekka*, *łatwa*

²² Ср. предложение из Национального корпуса русского языка: «Инвалидность ему не дали, хотя и оттяпало ударнику половину лапы, лишь перевели на более легкий труд – на текущий ремонт, под крышу» [В. Астафьев, *Обертон* (1995-1996)].

²³ *Работа* в рекламных текстах должна быть легкой и приятной, доставлять человеку удовольствие, приносить радость. См.: T. Giedz-Topolewska, *Językowy obraz pracy we współczesnych rosyjskich tekstach reklamowych*, [w:] *Antynomie wartości: problematyka aksjologiczna w językoznawstwie*, red. A. Oskiera, Łódź 2007, s. 239–248.

²⁴ Это устойчивое словосочетание, по нашим данным, не фиксируется словарями, поскольку *znój* и *trud* – это синонимы, однако оно все же встречается. Ср. слова церковного песнопения «Błogosław Panie nas, na pracę i znojny trud...», а также предложение «Wielu zesłano do północnej Rosji, gdzie pracowali w znojnym trudzie w zakładach celulozowych», D. Rayfield, *Stalin i jego oprawcy*, tłum. S. Kędzierski, E. Skórska, Warszawa 2009, s. 358.

и *przyjemna*. *Robota* в этом смысле не характеризуется широкой сочетаемостью, однако она может быть и *ciężka*, и *lekka*.

То, что интересующие нас слова отличаются друг от друга по масштабу задач и количеству затраченных усилий, можно показать также на основе сочетаний с наречиями *много* и *мало*. В сочетании *много (мало) труда* акцент делается на количестве усилий, затраченных сил, а в сочетании *много (мало) работы* усилия уже не так важны. Если кто-то говорит *у меня много (мало) работы*, то он имеет в виду большой (небольшой) ее объем, т.е. масштаб задачи. Польские сочетания с наречиями *dużo* и *mało* также отличаются смысловым наполнением. Слово *trud* регулярно сочетается с наречием *dużo* (напр. *zadać sobie dużo trudu*), с *mało* лишь с отрицанием, т.е. в значении ‘много’ (*zadać sobie nie mało trudu*). Получается, что на первый план выдвигаются усилия, причем большие (впрочем, это следует и из значения слова). В сочетаниях *dużo (mało) pracy* и *dużo (mało) roboty* подчеркивается масштаб задачи, и в этом отношении они сходны с русским сочетанием *много (мало) работы*.

Большое напряжение сил, большое количество затраченных усилий нашло также свое отражение в польских сочетаниях *ciężkie roboty* и *roboty przymusowe*, обозначающих соответственно работу на каменоломнях или рудниках, чаще всего в виде наказания за преступление, принудительные работы, выполнявшиеся на территории Третьего рейха оstarбайтерами и цивильарбайтерами; форму физического труда как меру наказания для политзаключенных и уголовных преступников. Компонентом приведенных сочетаний является лексема *robota*, а не *praca*, что можно объяснить, пользуясь этимологическими данными: в этимологии слова *robota* закреплено представление о подневольном, тяжелом труде.

3. Признак ‘деятельность как разворачивающийся во времени процесс’

Труд в большей мере указывает на род деятельности безотносительно ко времени, *работа*, в свою очередь, мыслится как процесс, разворачивающийся во времени, имеющий начало, продолжение и конец, допускающий непосредственное наблюдение. К примеру, для обозначения начала действия (*работы*, а не *труда*) употребляются глаголы *взяться*, *начать*, *приняться*, *приступить*, для обозначения конца действия – *завершить*, *закончить*.

Как *praca*, так и *robota*, а не *trud*, имеют свои начальный и конечный этапы. Можно сказать *wziąć się, zabrać się do pracy* и *do roboty, zacząć, przerwać, skończyć pracę* и *robotę*. Восприятие *pracy* как процесса связано с первичной семантикой этого слова ('преодоление пути').

4. Признак 'смысловые акценты'

Смысловые акценты русских и польских лексем в целом сходны. Для *труда*, в отличие от *работы*, важнее сама деятельность, усилия, а не содержание, субъект, не объект. Это нашло свое подтверждение в приведенном этимологическом материале. Доказательством тому, что для *работы* существенное значение имеет объект, могут послужить производные, образованные от глагола *работать* при помощи префиксов со значением результата действия (*вы-, за-, об-, с-*): *вырабатывать / выработать, вырабатываться / выработаться, зарабатывать / заработать, обрабатывать / обработать, срабатывать / сработать*. В этом отношении польские слова *praca* и *robota* не отличаются от русского *работа* (ср. производные от *pracować*: *opracowywać / opracować, wypracowywać / wypracować*; от *robić*: *wyrabiać / wyrobić, zarabiać / zarobić, obrabiać / obrobić*). От слова *труд* можно, в свою очередь, образовать следующие глаголы: *натрудиться, оттрудиться, перетрудиться, протрудиться, утрудиться*, от слова *trud* – *natrudzić się, utrudzić się*. В их значении указывается на потраченные силы.

5. Признак 'оценка'

Труд и *работа* оцениваются по-разному. Поскольку *труд* представляет собой этически значимую деятельность (напр. *воинский, учительский труд, труд* также, как полагал В.Г. Белинский, *облагораживает человека*), для него характерна, скорее всего, положительная оценка. Положительную оценку в советское время выражали, напр., словосочетания *коллективный, коммунистический и социалистический труд*. Для *работы*, в свою очередь, характерной является оценка утилитарная, положительная и отрицательная (*хорошая и плохая работа*). По качеству, способу изготовления положительную оценку получает, напр., *аккуратная, виртуозная, скрупулезная, тонкая, филигранная, ювелирная работа*, а отрицательную – *грубая, топорная, примитивная работа*.

Что касается польских лексем, отличие между ними более четко. *Trud* – это слово с положительной этической оценкой (*nauczycielski trud, ofiarny trud*). *Robota* чаще всего негативно оценивается носителями польского языка, что подтверждают сочетания *brudna robota* 1. ‘celowo źle wykonana praca; sabotaż’; 2. ‘morderstwo, zabójstwo’ (SPLP 1), *czarna robota*²⁵ 1. ‘praca, przy której człowiek się brudzi’; 2. ‘praca ciężka, źle płatna lub nieefektywna’; 3 ‘czyny niezgodne z prawem’ (ISJP), *grubsza robota* 1. ‘cięższa praca, trudniejsze zadanie’; 2. ‘duża kradzież, poważne przestępstwo’, *krecia robota* ‘cicha, niewidoczna, „podziemna” działalność’ (SPLP 4), *mokra robota* 1. ‘fizyczna napaść na kogoś; morderstwo’; 2. ‘zajęcie szkodzące komuś’ (SPLP 5), *papierkowa robota* 1. ‘praca biurowa’; 2. ‘czynności typu administracyjno-porządkowego (wypełnianie formularzy, prowadzenie kartotek, pisanie sprawozdań itp.) obciążające np. lekarza, nauczyciela, pracownika naukowego (PWN), *robota głupiego* ‘praca nie wymagająca myślenia ani żadnych umiejętności lub pozbawiona sensu’ (ISJP). Лишь немногие польские устойчивые сочетания, имеют положительную коннотацию, напр., сочетание *dobra robota* (также *kawał dobrej roboty*), употребляемое как похвала за хорошо сделанную работу, и *koronkowa robota* 1. ‘bardzo delikatne, ostrożne, subtelne działanie’; 2. ‘świetna organizacja, doskonale zaplanowane działanie; 3. ‘z podziwem o czymś, co wymaga dużej precyzji, niezwyklej wprawy’ (SPLP 4). Слово *robota* в сочетаниях, таких, как *dzieło misternej roboty, zegarek szwajcarskiej roboty*, употребляется также для обозначения свойств самого объекта. *Praca*, в свою очередь, оценивается как положительно, так и отрицательно (ср. *ofiarna, rzetelna praca* и *praca na czarno*).

Отметим, что в польском языке бывают случаи, когда *praca, robota, trud* получают одинаковую оценку. О кропотливом, упорном труде можно сказать и *benedyktyńska praca*, и *benedyktyńska robota*, и *benedyktyński trud*. Бенедиктинцы ассоциируются с девизом «ora et labora» («молись и работай»). «Божье дело», молитва, труд – это иерархия ценностей созданного святым Бенедиктом Нурсийским устава, на которую опирается идеология средневекового христианства²⁶. В эпоху

²⁵ Следует здесь обратить внимание на то, что в русском языке также существуют устойчивые сочетания *черная работа* и *черный труд*, однако при этом в определении *черный* не актуализируется сема ‘нелегально’. Словарь приводит следующее толкование слова *черный*: ‘не требующий высокого мастерства, неквалифицированный, подсобный, чаще физически тяжелый или грязный (о работе, труде и т.п.)’ (БТС). Ср. *чернорабочие* ‘рабочие, выполняющие вспомогательную, неквалифицированную работу’ (БТС), *черные люди* ‘тягловое сельское и городское население в Русском государстве XII-XVII вв.’.

²⁶ A. Markunas, T. Uczitel, *Leksykon chrześcijaństwa rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*, Poznań 1999, s. 26.

Средневековья создавались скриптории, в которых бенедиктинцы переписывали книги. Отсюда эти устойчивые словосочетания и появились в польском языке.

Небезынтересно здесь также на нескольких примерах проследить, какую оценку приобретают слова, образованные от анализируемых нами русских и польских единиц. Внимание при этом будет уделено производным существительным. Так, *труженник* ‘тот, кто умеет много и усердно трудиться’ (БТС) употребляется в положительном, часто в высоком значении (*труженники науки, неба, моря*), однако может иметь и иронический характер (*труженица легкого поведения* ‘проститутка’ (депатетизация слова), как более позднее, *труженники полей* ‘колхозники и рабочие совхозов’)²⁷. Нейтральными будут рус. *работник* и польск. *robotnik*; отличие между ними лишь в том, что *robotnik* обозначает человека, работающего физически, в то время как русское слово относится к тому, кто занимается и физическим, и умственным трудом. Положительный либо иронический характер может иметь слово *работничек*, так как оно употребляется как ласкательное обозначение работника или как ироническое обозначение плохого работника. Слова *работяга* и *тудяга*, *трудолюб*, обозначающие работающего, трудолюбивого человека, также обладают в сознании носителей русского языка положительной коннотацией. Для слов *трудоголик* (англ. *workaholic*) ‘человек, который трудится, работает чрезмерно много, даже до болезней или смерти, имеет зависимость в потребности трудиться’ (ср. *алкоголик*), *безработный* ‘не имеющий постоянной работы, заработка’ (БТС) и *безработица* 1. ‘наличие безработных где-л’; 2. ‘состояние безработного’ (БТС) характерна отрицательная оценка. От польского *robota* образованы слова с явно негативной оценкой, напр., *bezrobotny*, *bezrobocie*, *nierób* ‘бездельник’ и *robot* ‘работник физического труда’, в котором дополнительная негативная оценка эксплицируется суффиксом *-ol* (ср. *kibol* ‘агрессивный болельщик’, *kinol* ‘большой, некрасивый нос’, *fizol* 1. ‘рабочий’; 2. ‘спортсмен или любитель спорта’; 3. ‘студент академии физической культуры’ (SPLP 2), *ramol* ‘дряхлый брызгливый старик’; слово могло также появиться под влиянием слова *alkohol*, так как *robot* – это ‘работник-пьяница’²⁸). В «Słowniku leksemów potocznych»

²⁷ Подробнее о слове *труженник* см.: И.В. Глазкова, *Труженник – туняедец*, «Русская речь» 2005, № 1, с. 76–78.

²⁸ W. Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego...*, s. 441. Ср. также: *Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1985-1992. Część II: P–Ż*, red. T. Smółkowa, Kraków 1999, s. 126, где семантика слова *robot* определяется следующим образом: «niski poziom życia przyczynił się do wytworzenia się „etosu robola”, człowieka wiecznie w brudnych łachach, odżywiającego lichą konserwą popijaną „oranzadą”, nigdzie nie zakorzenionego i przesuwanego jak pionek na industrialnej szachownicy».

зафиксировано еще слово *nierobol* для обозначения безработного или отлынивающего от работы человека (SPLP 6). Исключением являются слова *robótka* и *robótki* (напр., *szudelkowe*), которые, очевидно, благодаря уменьшительному суффиксу используются в положительном значении. Производное *pracusi* – это шутовское или ироничное обозначение много и усердно работающего человека. *Pracoholik*, подобно как *трудоголик*, оценивается негативно²⁹. Основа *trud-* не отличается словообразовательной активностью (нет, напр., ни одного наименования лица от нее образованного).

6. Признак ‘возможность абстрактных и персонифицированных употреблений’

Как утверждает Ю.Д. Апресян, *труд* может персонифицироваться (*труд создал человека*), а *работа* нет, так как она в целом более конкретна. Однако, на наш взгляд, *работа*, хотя реже по сравнению с *трудом*, также предполагает возможность абстрактных и персонифицированных употреблений. Проиллюстрируем это на ряде примеров.

Лексема *труд* может использоваться для передачи значения как субъекта, так и объекта. Сочетаемость лексемы *труд* с прилагательными *героический, творческий, честный* и *любимый* позволяет выявить следующее представление: труд – это человек. Помимо перечисления достоинств труда как человека, труд можно описать с точки зрения его возраста (*многолетний*) и веса (*тяжелый*). Труд – это также растение, дающее плоды (*плоды труда*). Поскольку плоды являются съедобной частью некоторых растений, их можно *пожинать* (*пожинать / пожать плоды чего-то* ‘пользоваться результатами чего-то сделанного, достигнутого до настоящего момента’), а затем *вкушать / вкусить*. В роли объекта и объекта-орудия труд выступает в сочетании *кормиться трудом, добывать что-то трудом, пользоваться чьим-то трудом*.

В свою очередь, слово *работа* может переосмысляться в качестве одушевленной сущности. Работа – это человек, способный передвигаться (*работа идет*), имеющий свои достоинства (*творческая, тщательная работа*) и недостатки (*глупая, идиотская, небрежная, сумасшедшая работа*). Подобно *туду*, *работа*

²⁹ Подробнее о семантике слова *pracoholik* см.: К. Drózd-Luszczuk, *Pracoholik w polszczyźnie. Charakterystyka semantyczna*, „Prace Filologiczne” Т. 60 (2011), s. 87–98.

может быть и *многолетней*, и *тяжелой*. Кроме того, сочетание *фронт работы* ('место, участок, на котором одновременно выполняется несколько процессов, работ' (БТС)) дает нам основание вывести образ работа – это война.

В польском языке может персонифицироваться, прежде всего, *praca* и *trud*. К примеру, по словам польского сатирика В. Гжешчика, «То prawda, że praca stworzyła człowieka, ale w nagrodę za to, że ją wymyślił»³⁰. Польская лексема *praca* сочетается, так же, как и русские лексемы, с определениями *twórcza*, *wieloletnia*, *ciężka*. *Praca* может приносить и плоды (*praca wydała plon, zbierać owoce czyjeś pracy*). *Trud* преимущественно предстает в образе человека (*heroiczny, twórczy trud*). *Robota*, в свою очередь, является более конкретной, хотя можно сказать *front robót, robota idzie*.

Помимо рассмотренных признаков, лексемы *труд* и *работа* отличаются еще тем, что *труд* обозначает лишь человеческую деятельность (*труд кого-то*). *Работа*, напротив, может быть человека, его органа, какого-то механизма и пр. (*работа кого-чего-то*). Поэтому физическая величина, являющаяся мерой действия какой-нибудь силы над телом, в результате которого оно перемещается, называется именно *работой* (ср.: сердце взрослого человека за одно сокращение совершает работу около 1 Дж.). Среди польских слов наиболее общим значением обладает лексема *praca*, потому что, как и *работа*, она обозначает функционирование живого организма, органа человека, животного, механизма, машины.

И *труд*, и *работа* употребляются в значении 'результат деятельности, произведение', однако с тем отличием, что *работой* могут быть названы объекты разного рода (книги, картины, спектакли), *трудом* – достаточно большие, обычно научные, сочинения³¹ (ср., напр., предложения *Студенты пишут дипломные работы под руководством научного руководителя* и *К годовщине рождения ученого напечатали сборник научных трудов. Это был труд всей его жизни*). В польском языке для обозначения продукта творческой деятельности используется лишь слово *praca* (напр., *praca doktorska, praca naukowa*).

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что польские лексемы отличаются друг от друга по тем же смысловым признакам,

³⁰ W. Grzeszczyk, <http://cytaty.eu/autor/wladyslawgrzeszczyk-15.html> (дата обращения: 15.09.2011).

³¹ *Новый объяснительный словарь...*, с. 911.

выделенным Ю.Д. Апресяным, что и русские. То, что семантика русских и польских лексем концепта «труд» в некотором отношении совпадает, свидетельствует о значительной общности восприятия мира носителями этих двух близкородственных языков.

2.3. Синонимы слов *труд, работа, trud, robota, praca*

Переходим теперь к рассмотрению парадигматических связей ключевых слов-репрезентантов концепта «труд» в русском и польском языках. Начнем с анализа репрезентации концепта синонимическими средствами. «Синонимы, – пишут З.Д. Попова и И.А. Стернин, – отражают наиболее актуальные для языкового сознания параметры концепта»³². Наличие синонимов у ключевых слов-репрезентантов изучаемого нами концепта свидетельствует о том, что люди, говорящие на русском либо на польском языках, придают огромное значение трудовой деятельности. Анализ синонимических рядов лексем даст нам возможность обнаружить, какие признаки труда оказываются особенно ценными в языковом сознании русских и поляков.

Согласно «Словарю синонимов русского языка» З.Е. Александровой, слово *работа* имеет синонимы, которые наглядно представим в таблице. Поскольку одним из них является *труд*, его синонимы мы также поместим в этой таблице.

Значения слова <i>работа</i>	Синонимы
‘организма, сил природы, механизма, учреждения’	<i>деятельность, жизнедеятельность, отправления, функционирование, функция</i>
‘должность, служба, место’	<i>работенка, работешка, служение, пост</i>
то же, что <i>труд</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>работа, дело, занятие, деятельность, египетская работа, сизифов(а) труд (работа)</i> 2. синонимы слова <i>произведение</i> 3. <i>напряжение, страдание, труд,</i>

³² З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Когнитивная лингвистика и лингвокультурология*, «Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания». Вып. 16 (2001), с. 114.

	<i>надрыв, натуга, надсада</i>
то же, что <i>изделие</i>	<i>вещь, работа, поделка</i>
то же, что <i>произведение</i>	<i>труд, работа, вещь, творение, создание, детище, плод трудов (или вдохновения), сочинение,opus, писание, творчество</i>

На основании данных «Słownika polskich synonimów» под ред. З. Кужовой можно построить следующий синонимический ряд для слова *praca*:

Значения слова <i>praca</i>	Синонимы
‘działanie czegoś’	<i>czynność, funkcjonowanie, akcja</i>
‘to, czym się ktoś zajmuje (w produkcji, instytucji, w domu)’	<i>zajęcie, pot. robota</i>
‘miejsce (instytucja, fabryka), gdzie ktoś pracuje’	<i>posada, stanowisko, urząd, godność</i>
‘rezultat jakiejś działalności’	<i>utwór, dzieło, wytwór, produkt</i>
‘siły zużyte przy jakiejś czynności’	<i>wysiłek, trud, znój, mozól, krwawica, pot. ciężki kawałek chleba, pot. mordęga, pot. katorga</i>

Приведенные списки далеко не исчерпывают всех синонимов как русских, так и польских лексем, однако позволяют сделать вывод о том, что единицы, осуществляющие базовую вербализацию концепта «труд», вступают в синонимические отношения со многими словами, в значении которых заложено большое количество затрачиваемых усилий.

Русские синонимы (напр. *надрыв, натуга, надсада*) называют чрезмерные усилия как таковые, польские (*mozól, znój* и др.) представляют собой также общие наименования трудовой деятельности по огромному количеству потраченных сил (ср.: *mozól* ‘wysiłek, trud włożony w zrobienie czegoś’, а также ‘praca żmudna, zmuszająca do wielkiego wysiłku fizycznego bądź umysłowego’ (SWJP); *znój* ‘wielki i nużący wysiłek’ (ISJP) и ‘mozolna, trudna, ciężka praca’ (SWJP); первое слово прежде применялось для обозначения утолщения кожи (на кистях и стопах), возникшего при длительном выполнении физической работы вследствие трения или давления, второе

– пота, т.е. внешнего проявления того, что были приложены немалые усилия). Поскольку мы поставили перед собой задачу ответить на вопрос, как труд, понимаемый как ‘целенаправленная деятельность, требующая усилий и имеющая целью поддержание или улучшение условий жизни человека’, воспринимается русскими и поляками, сосредоточим наше внимание на единицах с таким же, как польские примеры, значением. Список будет пополняться лексемами, взятыми из других словарей.

В польском языке слово *katorga* представляет собой заимствование из русского языка (*каторга*). Оно употребляется в двух значениях: в прямом, как вид наказания для политических и уголовных преступников в царской России, и в переносном – для обозначения тяжелого труда. Метафорический перенос производится на основе ‘самые тяжелые принудительные работы для заключенных в тюрьмах или других местах с особо суровым режимом’ ⇒ ‘непосильно изнурительный труд, невыносимо тяжелая жизнь’ (БТС). Получается, что как польское слово *katorga*, так и его русский эквивалент, содержат важную информацию: тяжелый труд воспринимается как наказание.

Весьма интересной, на наш взгляд, единицей является *krwawica*, а также устойчивые сочетания, непосредственно с ней связанные: *krwawa praca*, *krwawy trud*, *krwawy pot*, *krwawy znój*³³. Все эти примеры употребляются для обозначения тяжелой работы, и кровь в них становится мерой затрачиваемых усилий. Во всех перечисленных словах заложена характеристика процесса трудовой деятельности, но лишь в одном из них, т.е. *krwawica*, содержится характеристика результата этой деятельности (ср.: *krwawica* 1. ‘bardzo ciężka praca, zwykle fizyczna, mozół, trud ponad siły’; 2. ‘mienie, majątek z trudem zdobyte, pieniądze uzyskane z ciężkiej pracy’ (SPLP 4)). Синонимами слова *krwawica*, обозначающего нечто добытое тяжелым трудом, являются *krwawy dorobek* и *krwawy grosz*. В русском языке встречаем *кровавый труд*, *кровавый пот*, а также *кровное добро*, *кровный заработок*, (*мои, его*) *кровные*, *кровные деньги*.

Синонимами тяжелой работы являются также устойчивые словосочетания *ciężki (trudny) chleb*, *ciężki (trudny) kawałek chleba*. Они имеют свои антонимические пары *łatwy (lekki) chleb*, *łatwy (lekki) kawałek chleba*. Отметим, что неслучайно *chleb* применяется в переносном значении ‘to z czego ktoś żyje, utrzymuje się; utrzymanie,

³³ В данной главе ФЕ приводятся для сопоставления с ЛЕ.

praca, byt' (SWJP). Ведь он издревле служит основой питания поляков (и многих других народов тоже) и поэтому является символом труда. В польском языке добытым без труда может быть не только хлеб, но и деньги (*łatwy pieniądz, łatwy grosz*; однако здесь подчеркивается, что деньги получены часто нелегальным способом). В русском языке встречаем *тяжелый хлеб, кусок хлеба, хлеб с плевелами и овсягами*.

Чрезвычайной активностью с точки зрения обозначения трудовой деятельности по значительному количеству затраченных сил отличается польский язык. Помимо рассмотренных единиц, синонимами тяжелой работы являются следующие слова: *harówa, harówka, kierat, orka*. Рассмотрим подробнее каждое из них.

Слова *harówka, harówa* (аугментатив от *harówka*) образованы от глагола *harować* (нем. *harren*). В немецком языке *harren* функционирует в значении 'ждать, ожидать (кого-то, чего-то упорно, с нетерпением)'

Слово *kierat* для обозначения тяжелой, а также однообразной работы возникло в результате метонимического переноса (*kierat* – устройство для приведения в движение машин). Наблюдаем здесь связь между действием и орудием этого действия. Помимо 'ciężka, jednostajna praca', словарь фиксирует у слова *kierat* еще три значения: 1. 'ogrom pracy, nadmiar obowiązków'; 2. 'uczenie się, praca w szkole; studiowanie, praca na studiach'; 3. 'stan małżeński' (SPLP 4).

Orka, в свою очередь, является производным от глагола *orać*. В польском языке зафиксировано также сочетание *orka na ugorze*, обозначающее не только тяжелый, но и неблагодарный труд (*ugór* 'pole nie uprawiane przez dłuższy czas' (SWJP)). В основе метафорического переноса лежит уподобление тяжелой работы действию, производимому в сельском хозяйстве. Для носителя языка земледельческая деятельность становится эталоном труда. Примечательно, что хотя в русском языке глагол *пахать* переносно – это 'интенсивно, много работать' (БТС), существительное, от него образованное, *пахота* в литературном языке употребляется только в прямом значении, т.е. как процесс взрыхления земли либо как результат этого процесса (вспаханное поле, пашня). Значение 'тяжелая работа' оно приобретает в ненормативной речи.

Синонимами польского слова *praca* являются также единицы, в значении которых не обязательно заложено большое количество усилий, а интенсивность, напряженность самого действия.

Так, в польском языке встречаем слово *kołowrotek*, используемое в следующих значениях: 1. ‘chaos, zamieszanie, zagmatwana sytuacja’; 2. ‘bardzo intensywna praca, bez ustanku, bez wytchnienia’; 3. ‘studiowanie; praca na studiach’; 4. ‘krzyżak obracający się na słupku, ustawiany w wejściach do dużych sklepów, hal sportowych itp. w celu kontrolowania przechodzących osób’ (SPLP 4). Образовано это слово в указанных значениях в результате метафорического переноса на основе сходства действий человека с регулярными вращательными движениями барабана, на который наматывается канат, цепь или леска. На быстрых, круговых вращательных движениях основываются также русские слова *карусель* и *коловорот*.

В некоторой степени схожей семантикой со словом *kołowrotek* обладает польское *krzątania* (1. ‘żwawe, sprawne poruszanie się, chodzenie przy pracy’; 2. ‘zabieganie, staranie się o coś’ (SWJP)).

В русском языке, в свою очередь, существует наименование трудовой деятельности со значением высокой степени напряженности *страда*: 1. ‘напряженная летняя работа на полях (в период косы, жатвы, уборки хлеба); время, пора такой работы’; 2. ‘напряженная работа, деятельность в какой-то промежуток времени; время, пора такой работы’ (БТС). Данное слово нуждается в этимологических пояснениях: в древнерусском языке оно функционировало в значении ‘труд, работа’ (ср. *страдальник* ‘работник’, *страдалюбьць* ‘трудолюбивый’)³⁴. Слово *труд* в то время, как уже отмечалось ранее, употреблялось в значении ‘страдание’ (ср. также греческое слово *ponos*, латинское *labor*, первоначально *labos*)³⁵.

Множество разных дел, требующих от человека интенсивных действий, как бы мелькает у него перед глазами, что отразилось в словах *мельтешение* и *мельтешня*.

Носители русского языка мало или вообще неоплачиваемый труд, совершаемый по принуждению, называют *барщина*, а польского языка – *pańszczyzna*. В эпоху феодализма *барщина* / *pańszczyzna*, т.е. даровой принудительный труд на помещичьей земле, была одной из повинностей крепостных крестьян.

³⁴ И.И. Срезневский, *Словарь древнерусского языка*. Т. 3. Ч. 1: *Р-С*, Москва 1989, с. 530–531.

³⁵ То, что существует связь между трудом и страданием, наблюдается также в переводе цитируемого нами во Введении предложения из Книги Иова. В синодальном русском переводе Библии предложение «Человек рождается на *труд*, птенцы же суповы высоко парят» получило звучание «человек рождается на *страдание*, как искры, чтобы устремляться вверх». То же самое наблюдаем в польском переводе, ср.: «człowiek się rodzi na *praca*, a ptak na *latanie*» (Biblia ks. Jakuba Wujka) и «człowiek się rodzi, by *jęczeć*, jak iskra, by unieść się w górę» (Biblia Tysiąclecia).

Среди общих наименований трудовой деятельности замечаем и такие, в значении которых подчеркивается медлительность совершаемых действий. В польском языке для обозначения работы, требующей внимания и терпеливости, употребляется слово *dlubanina* от *dlubać*. Здесь метафорический перенос создается следующим образом: ‘делать углубление в чем-то путем последовательных, частых ударов каким-то инструментом’ ⇒ ‘последовательно, медленно выполнять какую-то работу’. Активно в польском языке применяется и слова *grzebanina*, *grzebanie się* от глагола *grzebać*, возникшего путем метафорического переосмысления ‘рыться, копаться в чем-то с целью найти что-то’ ⇒ ‘медленно выполнять какую-то работу, которая не приносит сразу результатов’.

Помимо наименований *dlubanina* и *grzebanina*, *grzebanie się* значение медлительности зафиксировано в упомянутом нами уже слове *mozól*.

В русском материале находим такие слова, как *канитель*, *тянучка*, *волынка*, *копошение*, для обозначения медлительной, однообразной и нудной работы. *Канитель* является отфраземным словом (ср. ФЕ *тянуть (разводить) канитель*), образованным способом лексико-фразеологической конденсации. *Канитель* – это очень тонкая золотая или серебряная нить для вышивания, вытягиваемая из раскаленной металлической проволоки с помощью специального устройства. То, что медленная работа тянется, зафиксировано также в слове *тянучка*. *Волынка*, в свою очередь, это народный духовой инструмент, издающий монотонные и тягучие звуки. В данном случае звук волюнки образует основу переноса, а между инструментом и звуком возникает метонимическая связь. *Волынка* также употребляется в составе ФЕ (*тянуть волынку*).

Помимо количественной характеристики, характеристики по темпу деятельности, работа получает и качественную характеристику. Как в русском, так и в польском языках преобладают обозначения недобросовестной работы.

Сюда можно отнести рус. *халтура*, *халтурка*, польск. *chaltura*, *chalturka*, *chalturnictwo*, *chalturzenie* (заимствование из русского языка). В БРС приводятся два значения слова *халтура*: 1. ‘небрежно, наспех выполненная работа; недоброкачественный результат работы’; 2. ‘работа на стороне, дополнительный к основному источнику дохода приработок’. В польском языке слово *chaltura* отмечено также в более конкретном значении ‘występy o niskiej wartości artystycznej, poniżej oczekiwanego poziomu’ (SPLP 1). *Халтура* происходит от лат. *chartulatum* ‘список покойников, читавшийся священником на празднике поминовения

усопших'. Со временем *халтурой* стали называть деньги, которые получал священник за проведение поминальной службы. Вполне вероятно, что все это производилось небрежно, наспех, кое-как, для того чтобы священник мог как можно больше заработать.

Довольно активно употребляются также польские слова *fuszerka*, *fuszerowanie*, *fucha* (усеченная форма от *fuszerka*) от *fuszer* (нем. *Pfuscher*). Раньше эти слова употреблялось для обозначения работы, совершаемой ремесленником, который не был членом цеховой организации. В современном языке слова относятся не только к небрежной работе, но и к добавочному, нелегальному заработку.

Названиями недобросовестной работы являются также *partactwo*, *partanina* от *partaczyć*. Согласно этимологическим данным, слова *partaczyć*, *partolić* использовались в таком же значении, как и *fuszerować*.

Тем самым, в значении слов *fuszerka*, *fuszerowanie*, *fucha*, *partactwo*, *partanina* заложено представление о том, что за плохое качество работы отвечает не свой работник, а чужой, со стороны.

Среди русских наименований недоброкачественной трудовой деятельности находим *аврал* (от англ. *over all!* 'все наверх!'), *авральщина* 'спешная работа, выполняемая всем коллективом' (БТС) (команда начинает приобретать значение действия, к которому она призывает), *штурмовщина* 'поспешная, авральная работа с целью наверстать упущенное (как следствие плохой организации дела)' (БТС) (работники приступают к работе, как войска идут на штурм, т.е. решительную атаку противника) и *кустарщина* 'кустарная, примитивная производственная работа, слабая оснащенность техническими средствами || о том, что исполняется, делается неумело, непрофессионально, грубо' (БТС) от прилагательного *кустарный*, в значении которого заложено, что работа производится при помощи примитивных орудий труда, вручную.

В языковом сознании как русских, так и поляков нашло свое отражение также то, что работа может быть грязной и неприятной, подтверждением чему являются слова *пачкотня* (от *пачкать(ся)*), *babranina* (от *babrać (się)*), *papranina* (от *paprać (się)*). Отметим, что русская единица, по сравнению с польскими, обладает более узким значением, так как относится преимущественно к письменной и живописной работе.

В исследовательские задачи входило составление как можно более полного списка синонимов лексем *труд*, *работа*, *trud*, *robota*, *praca*. Многочисленные

синонимические ряды свидетельствуют о детальном членении окружающей действительности носителями русского и польского языка. При этом следует заметить, что степень детализации трудовой деятельности в польском языке оказалось выше, чем в русском.

Как в русском, так и в польском языках предпочтение отдается негативным наименованиям трудовой деятельности (тяжелой, утомительной, медленной, недобросовестной работе).

2.4. Антонимы слов *труд, работа, trud, robota, praca*

Анализ антонимов, так же как и синонимов, пополняет содержание концепта. Начиная анализ синонимических рядов, мы сослались на слова З.Д. Поповой и И.А. Стернина о том, что именно благодаря синонимам можно узнать наиболее актуальные для языкового сознания параметры концепта. Как замечают те же авторы, «антонимы указывают на связи концептов»³⁶.

Русские ключевые слова-репрезентанты концепта «труд» вступают в антонимические отношения, прежде всего, со следующими словами: *лень, безделье, ничегонеделание, праздность, бездействие, бездеятельность*.

В толковых словарях очень часто используется синонимический способ объяснения слов. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «каждое слово десятками и сотнями нитей связано со значениями многих других»³⁷, поэтому и границы между словами становятся размытыми. Так, *безделье* обозначает ‘отсутствие дела, занятия; праздность’, *ничегонеделание* ‘безделье, праздное времяпровождение’, а *праздность*, в свою очередь, ‘незанятость трудом, делом, праздная жизнь; безделье’ (БТС). *Бездействие* применяется в значении ‘отсутствие деятельности, должной энергии’ (ТСРЯ), а *бездеятельность* – это производное от *бездеятельный* ‘пребывающий в бездействии; недостаточно энергичный; пассивный’ (БТС).

Человек, пребывающий в безделье, праздности, бездействии, мог бы выполнять какую-то работу, однако он этого не делает, т.е. сила его мотивации к деятельности является явно недостаточной.

Остановимся теперь на слове *лень*. В БТС *лень* определяется следующим образом: 1. ‘отсутствие желания работать, делать что-л. || состояние вялости,

³⁶ З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Когнитивная лингвистика и лингвокультурология...*, с. 114.

³⁷ Ю.Н. Караулов, *Общая и русская идеография*, Москва 1976, с. 75.

сонливости; апатия'. 2. кому, с инф. в функц. сказ. разг. 'не хочется, нет охоты'. Как замечает И.Б. Левонтина, «подобно совести, которая ограничивает человека в достижении желаемого, лень ставит пределы вообще всякой активности, заставляя постоянно взвешивать, настолько ли желанна та или иная вещь, чтобы стоило затрачивать усилия»³⁸. Лень – это состояние тела, понимаемое как физическая расслабленность, истома, оцепенение, состояние души – паралич воли и состояние ума – нежелание человека совершать бессмысленные действия, тратить силы впустую³⁹. В языческие времена верили, что в ленивого человека вселяется *Лень* (состояние усталости, утомления, вялости) либо *Отеть (Отень)* (высшая степень лени, полное нежелание работать)⁴⁰. Таким образом, человек, которого охватила лень, в отличие от человека, пребывающего в безделье, праздности, бездействии, оказывается не в состоянии работать.

В словарной дефиниции можно заметить, что синонимом предикативного наречия *лень* может быть *неохота*. В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» приводятся следующие дифференцирующие смысловые признаки этих предикативных наречий: затрата усилий и недостаток активности, интенсивность и продолжительность состояния, функция в диалоге⁴¹. Главное отличие состоит в том, что в слове *лень* акцент делается на идее затрачивания усилий, и это скорее продолжительное и сильное состояние, в слове *неохота*, в свою очередь, подчеркивается идея предпочтения, и это состояние описывается как менее продолжительное. Слово *лень* употребляется с оттенком осуждения, а *неохота* со слабо-оправдательным.

Со словом *лень* непосредственно связано типично русское слово *обломовщина* 'безволие, состояние бездеятельности и лени' (от *Обломова*, героя одноименного романа И.А. Гончарова) (ТСРЯ). Согласно словарю, посвященному русской ментальности, *обломовщина* – это преобладание эмоционального элемента над интеллектуальным, высокая мораль, сердечность, предпочтение идиллического образа жизни vs. пустая мечтательность, лень, тунеядство, безалаберность (беспорядочность, разгильдяйство), пассивность, готовность принять все, что

³⁸ И.Б. Левонтина, *Ното piger*, [в:] А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, *Ключевые идеи русской языковой картины мира*, Москва 2005, с. 336.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Подробнее о лени в русском фольклоре, христианстве и литературе см.: А.В. Зеленин, *Русская лень*, «Русский язык за рубежом» 2004, № 1, с. 24–32.

⁴¹ *Новый объяснительный словарь синонимов...*, с. 510.

угодно, избегание (уклонение от) риска, страх перед ответственностью, неумение привыкнуть к новой ситуации⁴².

Состояние *лени*, тем самым, приписывается русской натуре. Подтверждением этому является «типичность», узуальная закреплённость в массовом употреблении словосочетаний *славянская лень, восточная, русская* и «нетипичность», редкая или индивидуальная употребительность для *скандинавская, финская, английская, немецкая*⁴³.

В исследуемую нами антонимическую группу входят также наименования склонности к лени (*леность, ленца*) и наименования процесса отсутствия трудовой активности (*бездельничанье, лентяйничанье, лодырничанье, шалопутничанье*).

В польском языке антонимами *pracy* являются *lenistwo, nicnierobienie, nic nieróbstwo, nieróbstwo, próżniactwo*. Интересующие нас слова толкуются следующим образом: *lenistwo* 1. ‘cecha charakteru polegająca na niechęci do pracy, działania; opieszałość, ospałość, gnuśność, próżniactwo’; 2. ‘stan bezczynności; próżnowanie, leniuchowanie’; *nieróbstwo* ‘uchylenie się od obowiązków, bezczynność, oddanie się lenistwu, próżnowaniu’; *próżniactwo* ‘przeciwieństwo pracowitości, próżnowanie, niechęć do pracy, lenistwo’ (SWJP).

Польское *lenistwo* ближе к русскому *лень*, поскольку оно обозначает и свойство человека (человеческой природы), и состояние.

Интересным, по нашему мнению, словом является *próżniactwo*, которое образовано от *próżny, próżnia*. В польском языковом сознании нашло свое отражение то, что человек, который не работает, находится в пустом пространстве.

В обоих языках применяются еще заимствованные из итальянского языка выражения *dolce far niente (słodkie lenistwo)* и *сладостное безделье (ничегонеделанье)*, содержащие однозначно положительную оценку, выражающие своего рода оправдание отсутствию трудовой активности (ведь пребыванием в безделье можно наслаждаться). Касаясь приятных сторон бездельничанья, считаем целесообразным сослаться на статью А. Головановой, в которой она изучает, как отдельные концепты функционируют в трех ценностных подсистемах поляков: этической (шкала «хорошо – плохо»), утилитарной (шкала «полезно – бесполезно /

⁴² В. Olaszek, *Обломовщина [w:] Mentalność rosyjska. Słownik*, red. A. Lazari, Katowice 1995, s. 59.

⁴³ А.В. Зеленин, *Русская лень...*, с. 24.

вредно») и гедонической (шкала «приятно – неприятно») ⁴⁴. Автор приходит к выводу, что *praca* в польской этической подсистеме является абсолютной ценностью, а *próżniactwo* – антиценностью. В утилитарной подсистеме *praca* не получает уже однозначной ценностной интерпретации: она, в зависимости от результатов труда, является ценностью либо антиценностью. *Próżniactwo*, в свою очередь, в этой подсистеме оценивается однозначно отрицательно: оно выступает носителем абсолютной антиценности. В гедонистической подсистеме *próżniactwo* является абсолютной ценностью, а *praca* – антиценностью. В нашем случае устойчивые сочетания *dolce far niente (słodkie lenistwo)* и *сладостное безделье (ничегонеделанье)* употребляются для называния ценности именно с гедонистической точки зрения.

2.5. Наименования лиц по отношению к труду

«Если Бог, – пишет Н.Д. Арутюнова, – создал человека, то человек создал язык – величайшее свое творение. Если Бог запечатлел свой образ в человеке, то человек запечатлел свой образ в языке. Он отразил в языке все, что узнал о себе и захотел сообщить другому. Человек запечатлел в языке ... свое отношение к коллективу людей и другому человеку (Другому)» ⁴⁵. Из этого замечания следует, что через язык человек познает не только окружающий его мир, но и самого себя. Наименования лиц по отношению к труду – подтверждение этому. Их анализ позволит реконструировать запечатленный в русском и польском языках образ (не)трудящегося человека, обнаружить ценностные ориентиры представителей этих двух близкородственных ЯКМ. По сравнению с общими наименованиями трудовой деятельности (либо ее отсутствия), данная группа языковых единиц является более объемной и многообразной, в связи с этим, созданный на ее основании фрагмент ЯКМ будет более полным и подробным.

Для выявления ценностных ориентиров русских и поляков немаловажно то, что наименования лиц по отношению к труду являются экспрессивно-оценочными. Ведь человек охотно прибегает к оценке другого. Такая лексика теснейшим образом связывается с менталитетом того или иного народа, становясь отражением его системы ценностей. В научной литературе для интересующих нас номинаций

⁴⁴ А. Голованова, *Категория ценности и ее репрезентация в польской языковой картине мира*, [w:] *Język w kręgu wartości: studia semantyczne*, red. J. Bartmiński, Lublin 2003, s. 163–169.

⁴⁵ Н.Д. Арутюнова, *Введение*, [в:] *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*, ред. Н.Д. Арутюнова, И.В. Левонтина, Москва 1999, с. 3.

используется термин *экспрессивные апеллятивные наименования лиц*, под которым ученые понимают обозначения человека, мотивированные желанием выразить эмоции того, кто называет, и содержащие характеристику и оценку обозначаемого объекта, основанную на наивном способе восприятия окружающей действительности⁴⁶.

Помимо общеупотребительных наименований лиц по отношению к труду (основного объекта нашего исследования), по мере надобности будут привлекаться обозначения, пропитанные духом идеологии коммунизма или социализма. Их рассмотрение, хотя бы и в незначительной степени, несомненно, даст возможность посмотреть на (не)трудящегося человека с более широкой перспективы.

Подавляющее большинство как русских, так и польских обозначений лиц является семантически мотивированными, обладающими метафорической внутренней формой. В зависимости от того, какой признак трудовой деятельности в них актуализируется, они могут быть разделены на 8 семантических групп, в пределах которых могут быть также выделены некоторые подгруппы. В состав семантических групп и подгрупп входят слова, образованные разными способами, по разным метафорическим моделям.

2.5.1. Наименования лиц, работающих много и тяжело

Первую группу составляют обозначения человека, выполняющего большой объем работы и прилагающего при этом немалые усилия.

Достаточно активно в процесс метафоризации включаются названия животных. Поэтому многие наименования лиц в русском и польском языках (не только этой семантической группы, но и последующих) представляют собой зоометафоры⁴⁷. Так, путем метафорического переноса названия животного

⁴⁶ A. Rejter, *Leksyka ekspresywna w historii języka polskiego: kulturowo-komunikacyjne konteksty potoczności*, Katowice 2006, s. 9.

⁴⁷ Помимо термина *зоометафоры* в научной литературе названия животных, как отдельные лексемы, используемые во вторичных значениях для образной характеристики человека, принято также называть *звериными метафорами* (Х. Бартвицка), *отзвериными метафорами* (А. Чапига), *зооморфизмами* (М. Журек), *фаунизмами* (И. Шершунович). См.: Н. Bartwicka, „*Metafory zwierzęce*” w *języku polskim i rosyjskim*, [w:] *Lexicographica Slavica*, red. J. Wawrzyńczyk, Toruń 1992, s. 7–14; A. Czapiга, *Antropomiczne metafory odzwierzęce w języku polskim, rosyjskim i angielskim*, Rzeszów 2008; M. Żurek, *Analiza porównawcza zoomorfizmów w języku rosyjskim i polskim*, [w:] „*Kieleckie Studia Rusycystyczne*” T. 1 (1983), s. 107–117; J. Szerszunowicz, *Funkcje pragmatyczne faunizmów w mowie potocznej*, [w:] *Funkcja emocjonalna jednostek językowych i tekstowych*, red. K. Wojtczuk, A. Wierzbicka, Siedlce 2004, s. 243–248. В нашей работе мы отдаем предпочтение термину *зоометафора*.

на человека по свойству определенных его качеств, появились в русском языке слова *быдло* (заимствование из польского), *ишак*, *кобыла*, *ломовая лошадь* (*ломовая скотина*, *ломовой скот*), *рабочая скотина* (*рабочий скот*), в польском языке – *bydłę robocze*, *koń dyszowy* (*posiągowy*), *wół* и *wół roboczy*.

Следует обратить внимание на то, что слова *ишак*, *кобыла*, *ломовая лошадь* являются гипонимами по отношению к выражению *рабочая скотина* (*рабочий скот*). Однако все они используются для обозначения безответного и трудолюбивого работника, выполняющего большой объем тяжелой, трудной работы. Им также свойственна негативная коннотация. Негативную коннотацию содержит и обозначение *быдло*, подчеркивающие такую черту характера человека, как тупость.

Одновременно коннотации мелиоративной и пейоративной оценки у поляков вызывают *wół* и *wół roboczy*. С одной стороны, вол – это выносливое животное, которое способно тяжело работать. С другой, позволяющее себя использовать в целях выполнения тяжелой работы.

Очередные наименования лиц – это *негр*, *белый негр*, *Murzyn* (*murzyn*), *biały murzyn*. Их значение основывается на метафорическом переносе: ‘чернокожий раб’ ⇒ ‘тот, кто работает тяжело на другого’. *Murzyn* в польском языке обозначает также того, кто работает где-то нелегально. Тяжело, много и безвозмездно трудится на кого-то и *крепостной* (*крепостная*), *невольник* (*невольница*), *раб* (*рабыня*), *белый раб*, причем в значении этих слов подчеркивается подобострастие, слепое подчинение чужой воле, власти.

Слово *робот* представляет собой метафору, которая возникла на основе уподобления человека предмету: ‘автоматизированное устройство, осуществляющее действия, подобные человеку’ ⇒ ‘человек, действующий бессознательно, подчиняясь чужой воле’ (БТС). Польское слово *robot* в переносном смысле употребляется лишь в составе устойчивого сравнения *pracować jak robot*. Примером метафорического переноса предмет ⇒ человек являются еще *трактор* и *тягач* (*с прицепом*).

Данную семантическую группу пополняют номинации *стахановец*, *stachanowiec* (по имени донецкого шахтера А.Г. Стаханова, зачинателя массового движения новаторов производства, установившего в августе 1935 г. рекорд по добыче угля). В советское время стахановец стал примером для подражания, как

надо относиться к работе и советскому обществу⁴⁸. В польских дефинициях подчеркивается, что *стахановец* выполняет большой объем работы, работая к тому же быстро и неаккуратно.

Много в русском языке работает и *богатырь труда, передовик, ударник (ударница)*, а в польском *przodownik (przodowniczka) pracy*. Все эти слова, так же как и *стахановец*, отражают реалии советской (или социалистической) действительности. В основе возникновения первого слова легло название героя русских былин, преданного родине, мужественного и к тому же очень сильного. Остальные слова применялись для обозначения работника, отличающегося высокой производительностью труда (*переводик* и *przodownik pracy* 'тот, кто идет впереди всех в работе', *ударник* – от выражения *ударный труд*, которое, в свою очередь, отсылает к значению слова *удар* как интенсивного действия).

К наименованиям лиц, работающих много и тяжело, можно также отнести слова *карьерист (карьеристка), karierowicz (karierowiczka), трудоголик, pracoholik (pracoholiczka)*. В значении первых двух заложено представление о том, что кто-то стремится сделать карьеру любой ценой, не останавливается ни перед чем, идет по трупам, в значении двух последующих – о чрезмерной потребности трудиться и неумении отдыхать.

2.5.2. Наименования лиц, работающих много и усердно

Данную семантическую группу образуют зоометафоры *пчела, mróweczka, mrówka*. Они являются положительными номинациями, так как этим животным приписывается такое качество, как трудолюбие. Г.Я. Солганик в «Толковом словаре: язык газеты, радио, телевидения» в качестве синонима к слову *пчелы* дает *крылатые труженицы*.

Сюда относятся также рассмотренные нами уже наименования лиц, проявляющих интерес, охоту, любовь к труду (*трудолюб, трудяга, труженик, работяга* и *pracusi*).

⁴⁸ Подробнее о семантике слова *стахановец* в языке советского времени, в языке пропаганды и в языке советской действительности см.: П. Червинский, *Язык советской действительности. Семантика позитива в обозначении лиц*, Тернополь 2012, с. 25–39.

2.5.3. Наименования лиц, работающих медленно

Семантическую группу ‘наименования лиц, делающих что-либо медленно’ представляют такие русские слова: *волынец* (*волыница*), *канительщик* (*канительщица*), *копун* (*копунья*), *копуша* и *гробокопатель* (*гробокопательница*).

Поскольку *волынец* (*волыница*) и *канительщик* (*канительщица*) происходят от рассмотренных нами уже наименований трудовой деятельности *волынка* и *канитель*, не будем подробно на них останавливаться.

Копун (*копунья*), *копуша* метафорически обозначают того, кто копается. Здесь медленная работа уподобляется копанию, т.е. длительному, однообразному, нередко неспешному действию. Такова и мотивация слова *гробокопатель* (от *копать гроб*). Такой человек работает медленно, с трудом, поскольку углубляется в чтение и писание и своим поведением раздражает тех, кому приходится с ним общаться и/или работать.

В польском материале находим следующие наименования, в основе которых легли похожие действия: *dlubanie* и *grzebanie*: *dlubacz*, *dlubaga*, *dlubak*, *dlubek*, *grzebala*, *grzebula*, *grzebielucha*. Такие люди сосредоточивают свое внимание на мелких вещах и работают медленно.

Не проявляет спешку в работе также *guzdralska*, *guzdralski*, *guzdrala*, *maruda*. *Maruda*, помимо человека, который работает медленно, медлительно, обозначает и того, кто много и скучно говорит.

Человек, в силу отсутствия определенных способностей, может не иметь влияния на темп осуществляемой задачи, выполняемой работы, что закрепилось в слове *отстающий* от *отстать* (*отставать*) ‘задержавшись, двигаясь медленнее других, остаться позади’ (БТС). Может также еле-еле работать из-за отсутствия сил. Примером здесь могут послужить слова *дохляк*, *доходяга* и *zdechlak*, в которых акцент делается на том, что человек достиг предела своей физической выносливости.

В рамках этой семантической группы интересную подгруппу составляют наименования лиц, заменяющих работу бюрократической деятельностью. Такие люди работают медленно, так как они затягивают движение дела, придавая чрезмерное значение соблюдению всевозможных формальностей, следуя букве закона, приказа и т.п.

Сюда относятся обозначения *буквалист* (*буквалистка*), *буквоед* (*буквоедка*), *бюрократ* (*бюрократка*), *волокич* (*волокичица*), *законник*, *крючоктвор*,

формалист (формалистка), чинуша, biurokrata, formalista (formalistka), rygorysta (rygorystka), urzędas. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Так, слово *волокиччик (волокичица)* образовано от существительного *волокича* ‘затягивание дела или решения какого-то вопроса из-за мелочных формальностей; нарочито-медлительное исполнение какого-то поручения, работы и т.п.’ (БТС). В нем реализуется признак «умышленно». Стоит сказать, что в языке советской действительности *волокиччик* обозначал специфический тип советского бюрократа-функционера.

Наименование *крюкотвор* появилось в русском языке от выражения *творить крючки*, т.е. находит в деле бюрократические придирки. Здесь слово *крючок* (от *крюк*) представляет собой метафору, уподобляющую мелочь, мешающую успешному продвижению дела, предмету, за который можно зацепиться.

2.5.4. Наименования лиц, работающих быстро

Данная семантическая группа представлена лишь несколькими примерами такими, как *авральщик, итурмовщик*, происходящими от проанализированных уже слов *аврал* и *итурмовщина*. Такие работники из-за плохой организации дела в короткие сроки стремятся наверстать упущенное. Получается, что быстро работающие менее дифференцировано обозначены в исследуемых нами языках, чем медлительные работники.

2.5.5. Наименования лиц, выполняющих работу небрежно

Значение некачественного выполнения работы, халатного отношения к трудовым обязанностям, заложено в таких наименованиях, как рус. *аварийщик, бракодел, головотяп, мастер кислых щей, мастер-ломастер, пачкун, портач, разгильдяй, сапожник, семиделкин, халтурщик*, польск. *brakorób, chałturnik, chałturowiec, chałturszczyk, chałturzysta (chałturzystka), fuszer, fuszerant, niedbalec, niedbaluch, niedorób, partacz, patałach, tandeciarz*.

Многие из них представляют собой образования от общих наименований трудовой активности (ср., напр., *халтурщик* от *халтура*). Стоит отметить, что если в русском и польском языках называют кого-то *халтурщиком, chałturnikiem* (либо

его производными), осуждается плохая его мотивация. Реализуется пресуппозиция «мог бы работать старательно, добросовестно, однако не хочет».

Остальные слова образованы от более конкретных проявлений деятельности: *аварийщик* ‘работник, который допускает аварии’, *бракодел* от ‘делать брак’, *головотяп* от *головой тяп, по голове тяп* (обозначение из «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина), *мастер-ломастер* ‘мастер, который все ломает’, *семиделкин* от ‘(делать сразу) семь дел’, *brakorób* ‘ten, kto robi braki’, *niedbalec, niedbaluch* от *niedbały, niedorób* ‘ten, kto zostawia niedoróbki’ (*niedoróbka* ‘usterka, niedociągnięcie, wada’).

Рассмотренные слова содержат негативную оценку любой трудовой деятельности. Работник, выполняющий более конкретную работу, т.е. сочиняющий тексты, свою оценку получает в обозначениях *борзописец, бумагомарка, бумагомаратель, писака, рифмоплет, стихоплет, pismak, wierszokleta*.

Человек, работающий невнимательно, нестарательно, у кого все падает, валится из рук, предстает также в образе зевающего человека, подтверждением чему служат следующие обозначения: *зевака* от *зевать*, *разиня* от *разинуть* ‘широко раскрыть (рот, пасть)’ (БТС), *раззява* от *раззявить* в том же значении, что *разинуть*, *ротозей (ротозейка)* от *рот* и утраченного *зей*⁴⁹ (от *зиять* ‘быть раскрытым, обнаружить глубину, пустоту, провал’ (БТС)). В польском языковом сознании нестарательный человек уподобляется не зевающему человеку, а смотрящему по сторонам (*gara* от *gapić się* ‘patrzeć na coś bezmyślnie’ (SWJP)).

Причиной того, что результат работы не удовлетворяет, может быть отсутствие таланта (дара) у работника, что нашло свое отражение в обозначениях *бездарность, бездарь, beztalencie*.

На результате выполняемой работы негативно сказывается и частая смена работников. О том, кто не может работать на одном месте, постоянно меняя места работы, в русском языке говорится *гастролер (гастролерша), летун (летунья)* (от *летать*), *попрыгун (попрыгунья)* (от *прыгать*), ср. польск. *przelotny ptak*. В основе образования семантики слов *летун (летунья), попрыгун (попрыгунья), przelotny ptak* лег признак быстроты движений.

⁴⁹ Н.М. Шанский, Т.А. Боброва, *Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов*, Москва 2004, <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 01.02.2013)

2.5.6. Наименования лиц, выполняющих работу доброкачественно

Положительные наименования лиц по роду занятий выступают в русском и польском языках основанием для метафорического переноса в следующих примерах:

- рус. *виртуоз*, польск. *wirtuoz* ‘артист (обычно музыкант), в совершенстве владеющий техникой своего искусства’ (БТС) ⇒ ‘человек, достигший высокого мастерства в какой-то работе’.
- рус. *маг*, польск. *czarodziej* ‘человек, владеющий тайнами магии; чародей, волшебник’ (БТС) ⇒ ‘человек, являющийся мастером своего дела’;
- рус. *художник*, польск. *artysta* ‘человек, создающий произведения искусства’ (БТС) ⇒ ‘человек, достигший высокого мастерства в какой-то работе’.

К данной группе примыкает и русское обозначение *ас* (от франц. *as* ‘туз’), возникшее следующим образом: ‘старшая игральная карта’ ⇒ ‘выдающийся по летному и боевому мастерству летчик’ ⇒ ‘большой мастер своего дела’. Здесь основой для метафоры послужила роль туза в карточной игре. В польском языке существует также слово *as* для обозначения того, кто лучше всех в какой-то области, т.е. мастера (отсутствует значение, относящееся непосредственно к летчику, хотя можно сказать *as myśliwski, as przestworzy*).

Посредством метафорического переноса образовано также рус. *титан*, польск. *tytan* ‘божество, один из сыновей Урана и Геи, побежденный Зевсом и низвергнутый им в Тартар’ ⇒ ‘выдающийся человек с исключительным по глубине и широте размахом деятельности’ (ЯГРТ).

Человека умелого, искусного в русском и польском языках называют (*мастер*) *золотые руки, złota rączka*. В данных примерах рука, служащая мерой опытности, мастерства⁵⁰, приобретает метонимическое (синекдоха) значение ‘человек’. Золотой цвет выступает метафорой богатства и ценности (богат, а также ценится тот, у кого есть какой-то талант, какие-то способности, умения).

Среди обозначений человека по деятельностным способностям можно также выделить такие: *мастер большой руки, мастер на все руки, мастер первой руки,*

⁵⁰Ср.: «Nazwę ręki, jako idealnego narzędzia człowieka do wykonywania wszelkich prac, rozwijania umiejętności i sztuk, odnajdujemy w takich wyrazach, jak *rękodzieło, zręczny, ręczyć, rękojmia, zrękowiny-zaręczyny*». W. Kopaliński, *Słownik symboli*, Warszawa 1990, s. 350.

мастер своего дела, и швец и жнец и на дуде (в дуду) игрец, majster-klepka (majsterklepka).

И швец и жнец и на дуде (в дуду) игрец обозначает человека, владеющего разными умениями, навыками, делающего разное, хотя и не всегда умело, в отличие от *мастера своего дела* – человека, овладевшего лишь определенным мастерством, но в высокой степени. Раньше *мастером на все руки* называли перчаточника, который мог сделать перчатки на любую руку. В свою очередь, польское слово *majster-klepka (majsterklepka)* чаще всего применяется по отношению к человеку, который умеет выполнять мелкие работы ('*niefachowiec wykonujący zgręcznie i dokładnie różne prace; złota rączka*' (SWJP)). Однако это слово функционирует и в противоположном значении ('*człowiek nie mający fachowego przygotowania, wykonujący różne prace nieumiejętnie, byle jak*' (SWJP)).

Досконально свою работу знает *fachman, fachowiec, fachura* от *fach* (нем. *Fach*) '*wyuczony zawód, zajęcie, najczęściej w zakresie rzemiosła*' (SWJP).

Семантическую группу наименований лиц, выполняющих работу доброкачественно, пополняют *аккуратист (аккуратистка)* (лат. *accurātus* 'старательно исполненный, тщательный, точный'), *педант (педантка), pedant (pedantka)* (франц. *pédant* < ит. *pedante* < лат. *pedagōgus* < греч. *pedagōgos* 'строгий воспитатель').

Не все такие определения положительны. Примером другого рода может послужить *службист (службистка), służbista (służbistka)*, поскольку такой человек, с одной стороны, хотя и работает старательно, с другой, относится к своим, прежде всего чиновничьим, обязанностям формально, безучастно, без души. Отметим также, что в советское время слово *аккуратист* обладало отрицательным значением: такой человек считался неудобным и потенциально опасным из-за своей старательности, тщательности, склонности к порядку.

2.5.7. Наименования лиц, живущих или пользующихся чужим трудом

Человеческой натуре свойственно желание жить удобно, не переутомляясь, не отказываясь от своих нужд и потребностей. Поэтому как в русском, так и в польском языках имеется немало наименований лиц, живущих или пользующихся чужим трудом.

Так, к зоометафорам, маркирующим в языковом сознании носителей обоих языков сходные качества человека, связанные с трудовой деятельностью, причем не своей, а чужой, можно отнести следующие:

- рус. *паразит*, польск. *parazyt* ‘организм (животное либо растение), живущий на поверхности или внутри другого организма и питающийся за его счет’ ⇒ ‘человек, живущий чужим трудом’;
- рус. *пиявка*, польск. *pijawka* ‘червь, питающийся кровью животных, к телу которых он присасывается’ ⇒ ‘человек, живущий, пользующийся чужим трудом’;
- рус. *трутень*, польск. *truteń* ‘пчелиный самец, в стадии личинки вскармливаемый рабочими пчелами’ ⇒ ‘потребляющий, но ничего не производящий человек’.

Примечательно, что слово *паразит* появилось в русском языке из греческого (ср. *parasitos* ‘тот, кто живет за счет другого’), а польское *parazyt* для обозначения того же организма образовано от старопольского ‘*paść rzyć*’. Получается, что эти зоометафоры характеризуют человека на основе разных образов.

Слова *паразит* и *пиявка*, а также их польские соответствия находятся между собой в гипо-гиперонимических отношениях. Наименование *пиявка* непосредственно связано с такими метафорическими обозначениями, как рус. *кровопийца* ‘тот, кто пьет кровь’, *кровосос* ‘тот, кто сосет кровь’ и польск. *krwio pijca* ‘ten, kto pije krew’ (кстати, *кровосос* также представляет собой зоометафору: ‘кровососущее животное’ ⇒ ‘кровопийца’). Приведенные слова отличаются по степени: *кровопийца* и *кровосос* сильнее, чем *пиявка*. Словари русского языка дают такое определение слову *кровопийца*: ‘жестокий, безжалостный человек; угнетатель’ (БТС). Польское слово *krwio pijca*, в свою очередь, отмечено в значениях: 1 ‘człowiek, który w sposób bezwzględny zmusza innych do ciężkiej (często ponad ich siły) pracy i czerpie z niej niezаслужone zyski bądź wykorzystuje innych, nie wynagradzając za ciężką pracę’; 2. ‘finansista, lichwiarz lub bankier; pracownik urzędu skarbowego’ (SPLP 4). Как видим, русское слово, по сравнению с польским, характеризуется большей общностью значения, польское же в большей степени относится к труду.

Вернемся к зоометафоре *трутень*. Она мотивирована позицией данного насекомого в пчелином рое. При назывании человека *трутнем* подчеркивается его неучастие в общественном производстве. Т.В. Козлова в «Идеографическом словаре

русских фразеологизмов с названиями животных» обращает внимание на то, что наиболее устойчивой характеристикой *трутня* является то, что он бездельник, при этом хитрый⁵¹. В польском языке встречается выражение *salonowy truteń*, обозначающее дамского угодника.

С помощью зоометафор в исследуемых нами языках маркируются не всегда сходные качества человека.

Носители русского языка того, кто жестоко эксплуатирует кого-то, называют *пауком*. Это наименование образовано по метафорической модели ‘животное, плетущее паутину для ловли насекомых и питающееся ими’ ⇒ ‘человек, живущий за чужой счет’⁵². Польское слово *rajak*, в свою очередь, в основе метафорического переноса предполагает представление о его внешнем виде (наличие большого количества либо длинных конечностей) и поэтому используется для обозначения очень худого человека с длинными ногами (чаще всего ребенка) или предмета – большой люстры с многочисленными ответвлениями, а также народного украшения из соломы и разноцветной тонкой бумаги, т.е. не имеет ничего общего с трудовой деятельностью.

О наивном человеке, которого легко можно обмануть, с тем чтобы использовать в своих целях, в польском языке используется наименование *jeleń*, часто с уточнением *jeleń do roboty*. Данное слово происходит из уголовного жаргона, где им обозначают человека не своей среды, жертву преступления либо глупого, наивного, того, кто на свои деньги угощает водкой. В русском литературном языке слово *олень* не подвергается подобному метафорическому переосмыслению, используя в ненормативной речи для обозначения наивного человека, простака и простофили.

Лишь в русском языке в переносном смысле употребляется слово, называющее лицо по социальному положению: *приживал* (*приживалка*), *приживальщик* (*приживальщица*) ‘тот, кто живет при ком-то’ ‘обнищавший дворянин, интеллигент, купец, живущий из милости в чужом богатом доме и не имевший никаких определенных занятий’ (БТС) ⇒ ‘человек, живущий за чужой счет’ (польское слово *rezydent* (франц. *résident*) остается историзмом).

⁵¹ Т.В. Козлова, *Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных (в помощь политикам, менеджерам, лингвистам)*, Москва 2001, с. 11.

⁵² Ср. также: «*Rajak w chrześcijaństwie – wyzyskiwacz (wysysa krew małych owadów, tj. ubogich), krwiopijca, skąpiec [...]*», W. Kopański, *Słownik symboli...*, s. 295.

Помимо указанных метафор, в русском и польском языках есть и другие наименования лиц, живущих или пользующихся чужим трудом, и среди них наименования тех, кого, по пословице, чужой труд кормит. В образных единицах зафиксировано представление о человеке, питающемся чужой пищей: рус. *дармоед* (*дармоедка*) от 'есть даром (хлеб)', *мироед* (*мироедка*) от 'есть (заедать) мир': *мир* 8. устар. 'сельская община; члены этой общины' (БТС), *нахлебник* (*нахлебница*) от '(находиться, пребывать) на (чужих) хлебах', *объедала* от *объедать*, *прихлебала*, *прихлебатель* (*прихлебательница*) от 'прихлебывать (чужое)', *тунеядец* (*тунеядка*) от *туне* 'даром' + *ядец* от *ясти* 'есть', польск. *darmozjad* от 'zjeść za darmo'. Примечательно, что, согласно этимологическим данным, *нахлебником* является и упомянутый уже *паразит* (*паразитка*), поскольку греческое слово *parasitos* образовано от *para-* 'у, возле, подле, при' + *sitos* 'хлеб', 'жито'; 'пища, продовольствие, провиант'; 'корм'. Такими обозначениями лиц, которых чужой труд кормит, изобилует, в первую очередь, русский язык. Справедливости ради, однако, следует сказать, что в польском языке XVI-XIX вв. подобных обозначений было намного больше (ср.: *darmochleb*, *darmojad*, *darmojed*, *darmostraw*, *darmostrawca*, *darmotrawca*, *próżnojad*, *próżnostrawa*, *próżnychleb*)⁵³.

С указанными номинациями человека, получающего еду незаслуженно, соотносится еще одно русское наименование *пенкосниматель* (*пенкоснимательница*) от ФЕ *пенки снимать* 'присваивать себе все лучшее' (вошедшее в обиход выражение писателя-сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина).

Пользуется результатами чужого труда также человек, как бы находящийся за чужим хребтом, сидящий на чужом хребте, живущий, пользующийся плодами тяжелого, хребтом осуществляемого, труда. Отсюда в русском языке появилось наименование *захребетник* (*захребетница*). В русском языковом представлении *хребет* вызывает прочные ассоциации с тяжелым трудом (ср. ФЕ *гнуть (ломать) хребет* 'трудиться до изнеможения', *хребтом наживать что-то* 'тяжелым физическим трудом', *сидеть на чужом, чьем-то, хребте (горбу, горбе)* 'жить за чужой счет (обычно о детях по отношению к родителям, родителю, или о близком родственнике, воспитуемом, выкармливаемом и т.п.)').

Стоит обратить внимание на то, что в советское время во многие рассмотренные слова вкладывался другой смысл: *дармоед* «представлял собой тип

⁵³ См.: А. Rejter, *Kognitywne i kulturowe podstawy nominacji ekspresywnej w polszczyźnie – perspektywa historyczna*, „Białostockie Archiwum Językowe” 2008, nr 8, s. 90.

вырожденца, социально, морально, идейно чуждого советским трудящимся, самоотверженно строящим социализм», *мироед* был синонимом кулака, богатого крестьянина в деревне, *тунеядец* с точки зрения советских законов мог жить на нетрудовые доходы, *пенкосниматель* считался чиновником-бюрократом, «пользующимся, пожив на лаврах, успехами социалистического строительства, достигнутыми усилиями тружеников – простых советских людей», а *захребетник* представлял собой плохого работника, обузу для коллектива⁵⁴.

Среди наименований лиц, живущих чужим трудом, встретилось также слово *иждивенец* (*иждивенка*) для обозначения того, кто не работает, поскольку является нетрудоспособным, чаще всего больным, престарелым или несовершеннолетним (производное от старославянского *иждѣти*, *иждивити* ‘потратить, израсходовать’⁵⁵). В польском языке используются слова *utrzymanek* ‘ten, kto jest na czyimś utrzymaniu’, т.е. обычно мужчина, состоящий на иждивении женщины, и *utrzymanka* – женщина, состоящая на иждивении мужчины.

Присваивает себе продукты чужого труда и рус. *эксплуататор* (*эксплуаторша*) ‘тот, кто эксплуатирует’ от *эксплуатировать* 2. ‘вынуждать кого-то много работать на кабальных условиях или вообще безвозмездно (обычно извлекая для себя пользу, выгоду)’ (БТС), образованного, в свою очередь, от франц. *exploiter* < лат. *explicāre* ‘распространять’, *поработитель* (*поработительница*) ‘тот, кто поработил или поработывает кого-л.’ от *поработить* 1. ‘лишить свободы, независимости, обратить в рабство’ (БТС), *угнетатель* (*угнетательница*) ‘тот, кто угнетает’ от *угнетать* 1. ‘ущемлять чьи-л. права, интересы, ограничивать чью-то свободу; притеснять; эксплуатировать’ (БТС), польск. *ciemieżca*, *ciemieżyciel* ‘ten, kto ciemięży’ от *ciemiężyć* ‘odbierać wolność i prawa, wymuszać coś siłą, bezwzględnie wykorzystywać; gnębić, uciskać, prześladować’ (SWJP), *eksploatator*, *wyzyskiwacz* ‘ten, kto wyzyskuje’ от *wyzyskiwać* 2. ‘osiągać zyski, korzyści czyimś kosztem; wykorzystywać kogoś’ (SWJP). Польское слово *eksploatator*, в отличие от русского *эксплуататор*, обозначает также человека, который обрабатывает, разрабатывает природные богатства. Труд в этом смысле может рассматриваться как ресурс. Негативное отношение, сформировавшееся в языковом сознании русских и поляков ко всем этим людям, безусловно связано с тем, что они обладают властью и силой, которые

⁵⁴ П. Червинский, *Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц*, Томск 2011, с. 114–115, 129, 164–165, 203, 294–295.

⁵⁵ Н.М. Шанский, Т.А. Боброва, *Школьный этимологический словарь...*

используют несправедливо, лишь в своих целях, беззастенчиво заставляя других на себя работать. Здесь косвенно передается и сочувственное отношение к тем, кого так используют. Эксплуатируемые, угнетаемые, притесняемые отдают заработанное, ничего не получая взамен, либо получают очень мало, лишь бы выжить.

В эту группу имеет смысл отнести также советизм *кулак* (*кулачка*) от тюрк. *kul* 'рука' для обозначения крестьянина-эксплуататора по отношению к батракам. Однако в данном случае нельзя забывать, что это слово со временем стало идеологемой и в его значении на первый план стало выдвигаться то, что кулак был враждебно настроен к политике советской власти. Эксплуатировал чужой труд еще *подкулачник* и *подпанок* от *под паном*, действующие соответственно в интересах кулаков и панов (на Украине, в Белоруссии), а также *господчик* от *господин*, который, будучи бывшим дворянином, богатым мещанином, чувствовал свое превосходство над другими людьми и требовал, чтобы за ним ухаживали.

Человек может наживаться за счет другого, конкретного, человека либо общества в целом. К примеру, носители русского языка того, кто живет на нетрудовые доходы, в частности на казенные, государственные, общественные деньги, называли словом *хануга*, от *хануть*, *ханнуть* 'взять, присвоить незаконным образом (обычно о нетрудовых доходах или чужом имуществе) (БТС)', а того, кто извлекает пользу из бесхозной, потому что государственной, собственности, *рвач*, от *рвать* 5. 'получать, приобретать незаконным или недобросовестным путем' (БТС). Интересным в данном контексте наименованием представляется также слово *сорняк* ('сорное растение' ⇒ 'человек, живущий за счет советского общества и пользующийся благами процветающей страны, не проявляя при этом надлежащего уважения').

Особую группу образуют наименования лиц, нечестно, воровским путем присваивающие себе результаты чужого интеллектуального труда: рус. *пират*, *плагиатор*, польск. *pirat*, *plagiator*. Русское слово *пират* и его польское соответствие заимствовано из лат. *pīrāta* < греч. *peiratēs* 'разбойник, грабитель' от *peiráo* 'пытаться украсть, ограбить'. Плагиатор, в свою очередь, это тот, кто совершил плагиат (лат. *plagiātus* 'ограбление' от *plagiāre* 'грабить').

Для поляков человек, живущий за чужой счет, легкомысленный, безответственный, – это *niebieski ptak (ptaszek)*⁵⁶. Отметим, что в русском языке также имеется устойчивое сочетание *синяя птица (птицы небесные* не имеют подобного польскому переноса), однако употребляется оно в совершенно другом значении (‘символ счастья; прекрасная, но недостижимая мечта’ (СРФ), ср. синонимы *другая жизнь, и берег дальний, молочные реки и кисельные берега, аркадская идиллия*). Кроме того, восходит оно не к библии («Взгляните на птиц небесных: они не сеют, и не жнут, и не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их», (Мат. 6:26)), а к одноименной пьесе бельгийского драматурга М. Метерлинка.

2.5.8. Наименования лиц ленивых, бездельничающих

Жизнь за чужой счет подразумевает то, что такой человек не участвует в общей работе, деле (не работает, не трудится). Список языковых единиц, называющих человека ленивого, бездельничающего, как в русском, так и в польском языках, весьма широк и неоднороден.

Наиболее частотными среди таких наименований в русском языке являются *бездельник* (от ‘без дела’) и *лентяй* от *лень*. Они отличаются друг от друга тем, что *бездельник* ничего не делает сознательно.

Небезынтересно отметить, что слово *лентяй* и его женский вариант *лентяйка* именуют человека лишь в литературном языке, в ненормативной речи они обозначают предмет, пульт дистанционного управления (напр., телевизора). Согласно «Словарю современного русского города» под ред. Б.И. Осипова, слово *лентяйка* употребляется еще в двух таких значениях: 1. *шутл.-диал.* ‘швабра; палка с тряпкой для мытья пола без нагибания спины’; 2. *шутл.-общеупотр.* ‘приспособление для сушки посуды’ (ССРГ). В значении всех этих слов заложено, что они способствуют лени, так как облегчают труд человека.

В словарях зафиксировано также обозначение *деловой бездельник* ‘человек, создающий видимость активной занятости делом’ (СРФ). Этот оксюморон восходит

⁵⁶ А.М. Lewicki, *Jak się w Biblii wylęgały i wyfrunęły z niej niebieskie ptaki?* [w:] *Studia nad polszczyzną współczesną i historyczną. Prace dedykowane Profesorowi Stanisławowi Bąbie w 65-lecie urodzin*, Poznań 2004, s. 183–186.

к датской комедии Л. Гольберта «Деловой бездельник». Затем появилась под тем же названием немецкая комедия И. Шлегеля.

В польском языке довольно активно употребляются такие наименования, как *leń* (также *leń patentowany*, *śmierdzący*), *leniuch* и *leniuszek* (все они от *leniwy*), *nierób* ‘ten, kto nic nie robi’, *próżniak* (*próżniaczka*) (от *próżny*).

Стоит обратить внимание на такое обозначение, как *nierób*, поскольку оно представляет собой гиперболу: нет людей, которые ничего бы не делали вообще. *Nierób* не делает ничего полезного, важного, нужного. С другой стороны, *nierób* – это также ‘ten, kto nigdzie nie pracuje’, поскольку глагол *robić*, от которого данное слово образовано, имеет значение не только связанное с производством, изготовлением, созданием, выполнением, совершением чего-то, но и обозначает ‘utrzymywać się z pracy, pracować w jakimś zakładzie, firmie, instytucji, pracować zarobkowo’ (SWJP).

Безделье передается в русской и польской лингвокультурах также через метафорические образы:

- праздношатающегося, т.е. перемещающегося без цели: рус. *гулёна*, *гуляка* ‘тот, кто любит гулять’, *фланёр* ‘тот, кто фланирует’ от франц. *flâneur*, которое, в свою очередь, образовано от глагола *flâner* ‘прогуливаться, прохаживаться без всякой цели, от нечего делать’ (слово происходит из военного офицерского жаргона⁵⁷), *оболтус* вероятно от *болтать*, ср. *болтаться без дела* (слово происходит из школьного жаргона)⁵⁸, *прогульщик* (*прогульщица*) ‘тот, кто прогуливает’, *шатун* (*шатунья*) ‘тот, кто шатается’, *шлэнда*, *шлэндра* ‘тот, кто шлэндает’, польск. *obibok* ‘ten, kto się obija’; *szlifobruk* ‘ten, kto szlifuje bruk’ (т.е. тем, что бесцельно ходит туда-сюда, способствует тому, что уличное покрытие становится гладким), *walkoń* ‘ten, kto się walkońi (wałęsa się)’.
- лежащего: рус. *лежебока* ‘тот, кто любит лежать на боку’, польск. *piecuch* (*piecuch* от *piec*) ‘ten, kto lubi leżeć na piecu’.
- глупого: рус. *балбес* (*балбеска*) от тюрк. *bilmäs* ‘невежда’, *лоботряс* (*лоботряска*) ‘тот, кто трясет лбом’ (слово этимологически связано с дураком), польск. *bęcwał* от *bęc* ‘nazwa dźwięku, jaki słyszymy, gdy coś spada na ziemię lub uderza w coś’ (ISJP) + *walić*, *nygus* от франц. *nigaud* ‘дурак’.

⁵⁷ А.В. Зеленин, *Русская лень. Лень в языке*, «Русский язык за рубежом» 2004, № 2, с. 19.

⁵⁸ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь...*, с. 588.

Отметим, что *балбес* помимо бездельника, обозначает также неумеху, тупого, дурного работника, необязательно бездельничающего, а *bęcwał* – это, в первую очередь, глупый человек, значение ‘ленивый’ лишь дополняет основное значение слова.

К последней подгруппе, возможно, примыкает слово *шалонай* (*шалонайка*), так как, по словам П.Я. Черных, естественно было бы связывать его происхождение с группой *шалъ* ‘дурь’. Слово могло также прийти в русский язык из французского (ср. франц. *chéparan* ‘негодяй’)⁵⁹. *Шалонай* – это не типичный бездельник, а легкомысленный гуляка, живущий сегодняшним днем, здесь и сейчас (‘молодой человек, склонный к безделью, праздности, тратающий время на легкомысленные забавы и развлечения’ (БТССРР)).

В русском языковом сознании безделье связывается с беспечной жизнью, подтверждением чему, кроме *шалопая* (*шалопайки*), служат такие номинации, как *небокоптитель* (от ФЕ *небо коптить* ‘вести праздную, бесцельную жизнь’), *повеса* ‘тот, кто повесничает’ и *прожигатель жизни* ‘человек, который проводит жизнь в удовольствиях, живет беспечно, беспорядочно и праздно, прожигает жизнь’. Сюда же можно отнести и наименования *сибарит* (*сибаритка*) ‘склонный к праздности, избалованный комфортом и роскошью человек’ (по названию греческой колонии в Южной Италии – Сибарис) (БТС), *Обломов* ‘ленивый, апатичный, бездеятельный человек, сибарит’ (БТС).

Вернемся к наименованию *прогульщик* (*прогульщица*). В его значении на первый план выдвигается то, что кто-то не явился на работу без уважительной причины. Оно может употребляться также по отношению к ученику, который не пришел на урок. В польском языке по той же модели и со сходным значением появилось слово *wagarowicz* (от лат. *vagari* ‘гулять, блуждать’), однако оно, по сравнению с русской единицей, обладает более узким значением и обозначает только ученика. Для называния человека, уклоняющегося от работы, часто отсутствующего на работе и пренебрегающего своими обязанностями, в польском используется слово *bumelant* (*bumelantka*). Данное название происходит от нем. глагола *bummeln* ‘праздно проводить время, пребывать в безделье’.

Человек, которому лень трудиться, который пытается спрятаться от работы, уйти от нее, свое отражение получает также в польском наименовании *dekownik*

⁵⁹Ibidem, с. 400.

от *dekować* (нем. *decken* ‘скрывать, прятать’). Уклоняется от работы также *leser* (от нем. *Lässiger*, диал. *lässer*), *markierant*, притворяющийся трудягой (от *markierować* < франц. *marquer* ‘маркировать, клеймить’) и *migłanc* – вид особого ловкача и хитреца (заимствование из языка идиш).

Человек может избегать трудной или грязной работы, вообще физического труда. Слово *белоручка* образовано от выражения *белая ручка*. В данном случае *ручка* (как в устойчивом сочетании *золотые руки* или *ручки*) обладает метонимическим (синекдоха) значением ‘человек’, а белый цвет ассоциируется с чистотой, принадлежностью к аристократии, а следовательно, и с отсутствием желания заниматься грязной работой (чтобы не пачкать рук).

В польском языке в сходном значении используется устойчивое сочетание *paniczek z białymi rączkami*. Оно приобретает коннотации беспечной и удобной жизни, лишенной труда (для слова *paniczek* можно выявить следующий синонимический ряд: *delikacik, elegancik, fircyk, lalus, modniś, wygodniś*).

Признак чистоты лежит также в основе наименования *чистоплюй* (*чистоплюйка*) ‘тот, кто плюет чисто’, применяющегося в значении ‘человек, чуждающийся черной работы, а также отстраняющий от себя негативные стороны жизни’.

Основанием для метафорического переноса служат также наименования лиц по социальному положению. К примеру, *барин (барыня)* ‘человек из привилегированных классов в дореволюционной России (дворянин, помещик, чиновник)’, *барич, барчонок, барчук* ‘сын барина’ ⇒ ‘человек, ведущий праздный образ жизни’. Эти обозначения отличаются от рассмотренных тем, что такие люди не пренебрегают своими трудовыми обязанностями, потому что таковых у них просто нет. Их социальное положение позволяет им праздно жить (ср. также глагол *барствовать* ‘жить по-барски, в роскоши, праздности’).

Среди русских наименований лиц ленивых и бездельничающих выделяется также *лежень*. Оно возникло в результате метафорического переноса по сходству расположения в пространстве (вертикальное положение): ‘поперечно лежащее бревно, брус в различных сооружениях’ (БТС) ⇒ ‘человек, любящий лежать и бездельничать’.

В группе наименований лиц ленивых, бездельничающих в обоих языках оказались и зоометафоры: рус. *ленивец (ленивица)*, польск. *leniwiec* ‘животное,

медленно, лениво передвигающееся только тогда, когда это необходимо' ⇒ 'ленивый человек'.

Отметим, что в период «Золотого века» русской культуры слово *ленивец* употреблялось для обозначения поэтической натуры, отвергнувшей соблазны богатства и карьеры ради мирных утех дружбы и любви⁶⁰.

В польском языке *leniwiec* используется не только для обозначения человека, но и глубокого, очень удобного и мягкого кресла, так как в нем приятно бездельничать.

Помимо слова *ленивец*, в русском языке используется также образ *байбака* 'степного животного из рода сурков, осень и зиму проводящего в спячке' для характеристики ленивого (или одинокого) человека. *Bobak* в польской лингвокультуре зоометафорой не выступает, имея отношение только к научной картине мира.

Ленивого человека носители русского языка называют *ленивая (сонная) тетеря*. Источником распространения этого обозначения послужили комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» и сказочная поэма «Конек-Горбунок» П. Ершова. *Ленивая тетеря* прототипически связана с фразеологизмами «тетеревиного» ряда, такими, как *глухая тетеря* и *сонная тетеря*, в образе которых отражено то, что во время токования или сна тетерев не слышит ничего вокруг⁶¹.

В польском языке для обозначения большого, сильного, не желающего работать человека применяется зоометафора *byk, byczysko* (отсюда *byczyć się* 'prowadzić próżniaczy tryb życia; wylegiwać się, próżnować (PWN)'). В свою очередь, *бык* в сознании носителей русского языка не ассоциируется с ленью. *Бык* – это крупный, здоровый, сильный, обычно упрямый, но вовсе не ленивый человек, прежде всего мужчина.

В переносном смысле употребляется также название самки быка. Используя зоометафору *krowa*, поляки называют неуклюжую, неловкую или ленивую женщину. Русская зоометафора *корова* характеризует женщину толстую, неуклюжую, нерасторопную или неумную. Тем самым, следовало бы отметить только частичное совпадение анималистических образов в польском и русском языках, при этом

⁶⁰ И.Б. Левонтина, *Ното piger...*, с. 342.

⁶¹ Подробнее об этом см.: В.М. Мокиенко, *Почему тетеря ленивая?* «Севернорусские говоры» 2008, № 9, с. 132–140.

только в польском языке эти образы репрезентируют (негативное) отношение человека к труду.

На основании проведенного анализа можно заключить следующее:

1. Наименования лиц, отражающие отрицательное отношение к труду, значительно преобладают над теми, которые выражают положительное отношение, одобрение. Преобладают обозначения лиц, живущих чужим трудом, пребывающих в безделье и небрежно выполняющих свою работу. Это служит убедительным доказательством общей тенденции в языке – сдвига в сторону отрицательных значений. Как показывают исследования, негативных помет, используемых в словарях, в БТС в частности, почти в три раза больше, чем позитивных, ср.: *бранно, вульг., грубо, неодобр., отрицат., презрит., пренебр., уничиж. vs. ласк., одобр., почит.*⁶², а в ТСРЯ на одно существительное, относящееся к человеку с позитивной оценочностью, приходится двадцать слов с отрицательной⁶³. К подобным выводам приходит и А. Рейтер, который замечает, что человек в процессе восприятия стремится к осуждению всего, что плохое и иное, а причину такого положения можно искать в том, что, во-первых, другой человек является для адресата соперником, а во-вторых, такой способ оценки, возможно, позволяет избежать правды о себе самом⁶⁴. В данной связи уместным было бы также привести мнение А. Гжесюк о том, что человек по своей натуре склонен, скорее, к выражению неодобрения, чем похвалы⁶⁵.
2. Оценка выполняемой работы определяется по количеству, качеству, быстроте, объему, затрате сил и времени.
3. Стоит обратить внимание на сравнительно высокий удельный вес зоометафор. Как замечает К. Мосёлек-Клосиньска, «fakt, że do określenia negatywnych zachowań ludzkich służą wyrazy „zwierzęce”, nie zaś leksem *człowiek*, świadczy o tym, że użytkownicy języka jakby nie dostrzegają istnienia negatywnych cech u siebie, natomiast chętnie przerzucają je na innych. Postrzegają je jako nieludzkie. Istnieje zatem potrzeba wyrażania pewnych właściwości człowieka w sposób metaforyczny – za

⁶² В. Химик, *Русские субъективно-оценочные дериваты и их семантический потенциал*, [w:] *Язык. Człowiek. Dyskurs*, red. M. Hordy, W. Mokijenko, H. Walter, Szczecin 2007, s. 330.

⁶³ И.А. Стернин, *Проблема сквернословия*, Туапсе 2000, с. 5 (Цит. по: Г.Г. Слышкин, *Лингвокультурный концепт как системное образование*, «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» 2004, № 1, с. 31).

⁶⁴ A. Rejter, *Leksyka ekspresywna w historii języka polskiego...*, s. 155.

⁶⁵ A. Grzesiuk, *Składnia wypowiedzi emocjonalnych*, Lublin 1995, s. 184.

potosą leksyki „zwierzęcej”⁶⁶. При этом, следует добавить, встречаются не только метафорические переносы с животного на человека. В основе метафор лежит также сходство (не) трудящегося, (не) работающего либо не желающего работать с предметом либо человеком, напр., по социальному положению, роду занятий.

4. Рассмотренные семантические группы наименований лиц были выделены на основе основных признаков трудовой деятельности. Помимо этих групп, как в русском, так и польском языках можно выделить и другие группы, которые представлены лишь единичными примерами, напр., группу наименований лиц, незаконно использующих рабочее время, орудия или продукты общественного труда для личной наживы (*калымщик, комбинатор, левак, спекулянт, и kombinator, spekulant*). Поскольку «wszelka robota ludzka, czy rękami, czy głową człowiek robi, nazywa się pracą»⁶⁷ возможным является выделить и группу тех, кто не умеет трудиться физически (*интеллигент, интеллигентик, интеллигентшица, inteligent, inteligencik*).

⁶⁶ K. Mosiolek-Kłosińska, *Antropocentryzm leksyki „zwierzęcej”*, [w:] *Semantyczna struktura słownictwa i wypowiedzi*, red. R. Grzegorzczkowska, Z. Zaron, Warszawa 1997, s. 76.

⁶⁷ A. Wierzbicka, *Kocha, lubi, szanuje...: medytacje semantyczne*, Warszawa 1971, s. 179.

Глава III. Фразеологические средства характеристики труда в русском и польском языках

В настоящей главе объектом нашего интереса будут ФЕ, направленные своей семантикой на характеристику работы как процесса, ее результата (в конце трудового процесса должен быть результат), а также субъекта труда (работа не совершается сама по себе). Благодаря своей образности и экспрессивности ФЕ помогают раскрыть природу труда с другой, не доступной путем анализа семантики ЛЕ, стороны. Естественно, фразеологический и лексический материалы имеют также немало точек соприкосновения, что позволяет реконструировать более полный фрагмент ЯКМ.

Образные представления о труде, вербализованные в ФЕ, могут быть подразделены по основаниям, одинаковым для русского и польского языков, отраженным в подразделах данной главы.

3.1. Фразеосемантическая группа ‘выполнение тяжелой, изнурительной работы’¹

Обозначенная в заглавии семантическая группа представлена обстоятельно, поскольку в сознании носителей русского и польского языков труд неминуемо сопряжен с тяжестью. Тяжесть труда, в свою очередь, ассоциируется с напряжением, которое требуется для осуществления того или иного действия, а довольно часто и с большим объемом работы. Поэтому нередко семантические признаки, закрепленные за ФЕ, тесно связаны между собой и дополняют друг друга.

В связи с тем, что данная фразеосемантическая группа довольно объемна, она будет подразделена на несколько подгрупп, в целом сходных как в русском, так и в польском языках. Первую из них представляют устойчивые сравнения (далее УС), в которых тяжело, напряженно и много работающий человек уподобляется так же тяжело, напряженно и много работающему животному. В качестве образов-эталонов используются названия разных видов рабочего скота: рус. *вол, ишак, кляча, лошадь* и польск. *wół, osioł, koń* (ср.: *работать (трудиться, вкалывать, пахать)* как

¹ Часть представленного в этом и следующем разделах данной главы материала была опубликована ранее в следующей статье автора: G. Wilk, *Мера труда в ее языковом отражении (на материале русской и польской фразеологии)*, [w:] *Komunikacja międzyludzka. Leksyka. Semantyka. Pragmatyka*. 3, red. E. Komorowska, K. Kondziola-Pich, A. Ochrymowicz, Szczecin 2012, s. 367–376.

вол, как ишак, как водовозная (старая, загнанная, измученная, разбитая) кляча, как [ломовая] лошадь) и *pracować* (*harować, narobić się, orać, tyrać, zasuwać*) *jak wół, jak dziki* (*bury, głupi*) *osioł, jak koń [za plugiem]*).

Если человек работает, как тягловое животное, значит он наделен большой физической силой и выносливостью (подтверждением этому являются и другие УС, напр., *выносливый* и *сильный как лошадь, silny jak koń*, а также термин *лошадиная сила, koń mechaniczny*). Кроме того, за свой тяжелый труд человек часто не получает должного вознаграждения, что ведет к снижению статуса и обесцениванию труда.

Указанные примеры в равной мере используются по отношению к любому лицу, т.е. к мужчине и женщине (ограничения по половому признаку нет). Вместе с тем в УС *работать* (*трудиться, вкалывать, пахать*) как *ломовая лошадь*, в первую очередь, характеризуют именно женский труд. Сильная, выносливая женщина, совмещающая домашнюю работу и трудовую деятельность, сравнивается с *тяжеловозом* ‘рабочей лошадью, используемой для перевозки тяжестей и выполнения других работ, требующих большой физической силы’ (БТС).

Компонентом русских УС, в которых актуализируется признак «тяжело», «напряженно» и «много», является также гипоним по отношению к лексеме *лошадь* – *кляча* ‘плохая (обычно старая) лошадь’ (ТСРЯ), ср.: *работать* (*трудиться*) как *водовозная* (*старая, загнанная, измученная, разбитая*) *кляча*. В этом случае подчеркивается не только то, что кто-то работает очень много, без отдыха, с перенапряжением сил, но и до изнеможения. Подобный эффект достигается вследствие сочетания с прилагательными *загнанная, замученная, измученная, разбитая*, которые еще больше усиливают степень усталости и истощения. Отпричастные прилагательные *загнанная, замученная* образованы от глаголов *загнать* и *замучить* с префиксом *за-*, который привносит значение ‘довести кого-то до нежелательного состояния (негодности, утомления, истощенности) посредством действия, названного мотивирующим глаголом’². В отпричастном прилагательном *измученная* значение интенсивности совершаемого действия передается префиксом *из-* (*измучить* ‘сильно утомить’). В русском языке для характеристики человека, крайне утомленного непосильной и длительной работой, не способного к дальнейшей трудовой деятельности, используется также УС *разбитый* (*измученный, усталый*) как [*старая*] *кляча*. Любопытно отметить, что слово *klacz*

² О значении префиксов см.: *Русская грамматика*, <http://rusgram.narod.ru/850-884.html> (дата обращения: 06.02.2013).

для польского языка используется лишь для обозначения самки лошади или других непарнокопытных, т.е. в сознании поляков *klacz* не предполагает ассоциативных связей с трудовой деятельностью. Эквивалентом русского слова *кляча* является польское слово *szkapa*, однако и оно, по имеющимся у нас данным, не обладает большой фразеологической активностью и не вызывает представления о множественности вкладываемых усилий, а лишь указывает на худощавый вид человека (*chudy jak szkapa*).

Об очень худом, костлявом, изнуренном тяжелой работой человеке (чаще женщине) в русском языке говорится *худой (тощий) как цыганская лошадь*. Как показал анализ материала, подобный образ для польского языкового сознания не характерен. Цыгане ассоциируются в польском языке (в русском также) с отсутствием постоянного места жительства, бродячей жизнью (ср.: *цыганская жизнь, cugańskie życie*).

То, что труд человека приравнивается к труду лошади, можно проиллюстрировать также на примере диалектных и территориально ограниченных вариантов УС, в которых вместо литературного слова *лошадь* встречается *бурка*, *бурко* 'бурая лошадь' (говоры Сибири – *работать как бурка*, говоры Карелии и сопредельных областей – *воротить как бурко*, где *воротить* обозначает 'работать с максимальным напряжением, вкалывать' (БСРНС)), *возовик* 'ломовая лошадь' (говоры Псковской области – *работать как возовик*), *гужевик* 'гужевая лошадь' (говоры Псковской области – *работать как гужевик*). Перечисленные компоненты-зоонимы синонимичны заменяемому, но несколько отличаются от него оттенком значения. Значение слова *лошадь* конкретизируется путем указания на бурый цвет шерсти животного либо на его предназначение (перевозка тяжестей).

Компаративные фразеологизмы основаны не только на сравнении человека с лошадей, но и с другими тягловыми животными. Небезынтересно отметить, что, хотя в русском языке для названия животного семейства лошадиных, небольшого роста, с длинными ушами, обычно серой окраски, употребляются два слова *ишак* и *осел* (ср. польск. только одно слово *osioł*), зооним *ишак*, а не *осел* стал компонентом УС, используемого для характеристики человека, тяжело, напряженно, много работающего. Т.В. Козлова в «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных» приводит наиболее устойчивые характеристики и смысловые аспекты, связанные с интересующими нас зоонимами. Согласно этим определениям, *ишак* – флегматический, смирный, терпеливый,

работающий, а *осел* – тощий, костлявый, глупый, покорный, упрямый, несговорчивый, ленивый, работающий³. Как можно заметить, и ишак, и осел – это животные работающие, с тем отличием, что слово *ишак* вызывает ассоциации с безропотным выполнением самой тяжелой работы, а осел, по-видимому, работает, потому что он глуп (ср. УС *глупый как осел*). То, что ишак в сознании носителей русского языка связывается с тяжелой работой и большим объемом ее, а осел – с глупостью, нашло свое отражение и в значении глаголов, образованных от этих существительных, ср.: *ишачить* ‘много и тяжело работать, выполняя трудную, неблагодарную работу (обычно без пользы или выгоды для себя)’ (БРС) и *ослить* ‘вести себя подобно ослу, делать глупости, глупо острить; недостойно вести себя’ (БРС). Следует также сказать, что осел ассоциируется с ленью, т.е. с противоположностью тяжелой работы, подтверждением чему являются УС *как ленивый осел* и *ленивый как осел*.

С польским словом *osioł* одновременно связано представление о глупости и о готовности покорно выполнять тяжелую работу, ср.: *glupi jak osioł, osioł dardanelski (dardański)*⁴, *osioł do kwadratu (kwadratowy)*, *osioł patentowany, ośła głowa, skończony (wierutny) osioł* и *pracować (harować, narobić się, orać, tyrać, zasuwać) jak dziki (bury, głupi) osioł*. Особого внимания в этом случае заслуживает УС, в составе которого встречается усиленное, своего рода тавтологическое, сочетание *glupi osioł*. Этот сравнительный оборот используется для того, чтобы подчеркнуть, что кто-то много и тяжело работает, хотя в этом особой необходимости нет. Помимо определения *glupi* в польских УС выступают также *bury* и *dziki*, однако дополнительного значения они не передают. В компаративных ФЕ, в которых объект сравнения выражен сочетанием *bury osioł*, основанием сравнения могут быть глаголы широкой семантики ‘заниматься не только физическим, но и умственным трудом’, ср. *wkuwać jak dziki osioł*.

Зоонимам *осел* и *osioł* присуща еще одна важная характеристика «упрямство» (*упрямый как осел* и *uparty jak osioł*), однако она не является предметом нашего рассмотрения из-за отсутствия связи с трудовой активностью.

³ Т.В. Козлова, *Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных (в помощь политикам, менеджерам, лингвистам)*, Москва 2001, с. 9–10. О разных коннотациях слов *ишак* и *осел* см. также: L. Jordanskaja, I. Melczuk, *Konotacja w semantyce lingwistycznej i leksykografii*, [w:] *Konotacja*, red. J. Bartmiński, Lublin 1988, s. 11–17. Ответ на вопрос, в чем разница между *ишаком* и *ослом*, дает также и анекдот: «*осел* – это ученая степень, а *ишак* – должность».

⁴ О мотивации ФЕ *osioł dardanelski (dardański)* см.: A. Spagińska-Pruszk, *Intelekt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwackiej (z problemów językowego obrazu świata)*, Gdańsk 2003, s. 212.

Для передачи значения ‘тяжело, напряженно и очень много работать’ в русском языке используется также сравнительный оборот *работать (вкалывать, пахать) как зверь*. Здесь слово *зверь* лишь отчасти можно толковать как гипероним по отношению к лексемам *вол, ишак, лошадь*, для которых родовым будет (*домашнее*) *животное, скотина, скот*. В русском языковом представлении *зверь* ассоциируется с силой и интенсивностью как таковыми, подчеркивая в данном случае нечеловечность прикладываемых усилий.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что для носителей русского и польского языков очень тяжело, напряженно, много работающие, как правило, сравниваются с животными общего ряда. Объясняется это сходством хозяйственной деятельности обоих народов (рассмотренные примеры появились в крестьянской среде). Кстати, поэтому, кроме указанных зоонимов, компонентами УС выступают слова, непосредственно связанные с сельскохозяйственным бытом (*пахать, orać, pluga*). В случае *пахать* и *orać* мы имеем дело с метафорой: абстрактный процесс отождествляется с конкретным физическим действием, взрыхлением земли сохой, плугом и другими специальными орудиями для посева.

В собранном нами языковом материале встретились русская единица *работать как лев* в значении ‘работать очень много; трудиться до изнеможения, с крайним напряжением’, но она дается с пометой *редко* (СФСРЯ). Это является лишним подтверждением тому, что человек ищет аналогии между собой и животным, которое играет важную роль в его жизни. Кроме того, лев, считающийся царем зверей, как в русской, так и в польской ЯКМ является олицетворением силы, смелости и храбрости (ср.: *сильный (могучий, мощный) как лев, сражаться (бороться, драться) с кем-то как лев, храбрый (мужественный, отважный, смелый) как лев* и *walczyć jak lew, odważny jak lew, silny jak lew*). Лев сотворен ради более высокой цели, чем обычная трудовая деятельность.

Следующую подгруппу составляют УС с различными наименованиями лиц. В сознании представителей русской и польской лингвокультур выполнение очень тяжелой работы ассоциируется не только с трудом животных, но и с трудом каторжников, крепостных, невольников, негров, рабов, ср: *работать (вкалывать, пахать) как каторжник (каторжница, каторжный, каторжная, каторжанин, каторжанка), как крепостной, как невольник (невольница), как негр [на плантации], как раб (раба, рабыня) и pracować (harować, tyrać) jak galernik, jak Murzyn [na plantacji kawy], jak niewolnik (niewolnica)*. В русском фразеологическом фонде

встречаем также такие УС, как *работа (жизнь) как каторга* ‘о жизни, наполненной постоянным подневольным, непосильно тяжелым трудом’ (ССРЯ), *не жизнь (житье), а каторга* в том же значении, *работать (жить) как на каторге* ‘о человеке, живущем и работающем в невыносимо тяжелых условиях’ (ССРЯ) и ФЕ *египетская работа (египетский труд)* ‘очень тяжелый, доводящий до изнеможения труд’ (ТСРЯ). Асимметричной польской ФЕ является *odrabiać / odrobić pańszczyznę*. Однако в ее значении на первый план выдвигаются признаки «принудительно» и «неохотно», признак «тяжело» лишь дополняет значение основных признаков. Во всех примерах образно запечатлен богатый человеческий опыт: трудом и жизнью людей, по разным причинам несвободных, распоряжался кто-то другой: заключенные бывали гребцами на многовесельных военных судах, часть крестьян принадлежала помещикам на правах частной собственности, негры были лишены всех прав и средств производства и полностью зависели от их владельца. В русском и польском УС с расширенным компонентным составом *работать (вкалывать, пахать) как негр [на плантации]* и *pracować jak Murzyn [na plantacji kawy]* содержится также ссылка на конкретное место, где негры принудительно работали. ФЕ *египетская работа (египетский труд)*, в отличие от рассмотренных УС, не обладает прозрачной внутренней формой. Ее источником является библейский рассказ о рабском труде иудеев в Египте. Однако, независимо от того, является ли мотивация той или иной единицы затемненной или нет, во всех примерах данной подгруппы обнаруживаем концептуальную метафору ТРУД – ЭТО НЕВОЛЯ.

Следует отметить, что не во всех УС возможным является употребление вариантных форм существительных (лицо мужского либо женского пола). Это можно рассматривать как следствие гендерного стереотипа, т.е. сформировавшихся в культуре представлений о том, что физической эксплуатации подвергались в основном мужчины.

С рассмотренными фразеологизмами связывается также русское УС *работать (трудиться, вкалывать) как батрак* ‘о человеке, работающем много, с предельным напряжением сил и не получающем за свой труд должного вознаграждения’ (УСРЯ). Однако в нем, в отличие от предыдущих примеров, признак «подневольно» не актуализируется столь непосредственно (ср. также значение образованного от существительного *батрак* глагола *батрачить* ‘работать на кого-то много, не щадя сил’ (БТС)). Поскольку батрак – это все же работник по найму.

Человека, не знающего усталости, выносливого, сильного русские называют *двужильным* (от *два* + *жила* разг. ‘кровеносный сосуд, сухожилие’ (БТС)⁵). За чрезвычайную выносливость и силу такого человека отвечает удвоение важного жизненного образования, несущего кровь по всему организму. Так о двужильных людях писал в конце XIX в. Г.И. Попов, «это такие люди, у которых кровь идет не по одной жиле, а двум: оттого у них силы и здоровья в 2 раза больше»⁶. Лексема *двужильный* послужила толчком для образования в русском языке УС *работать* (*вкалывать, пахать*) как *двужильный* ‘работать с чрезмерной напряженностью, тяжело, без отдыха, не зная усталости’.

Эталонами тяжелого труда, помимо разных представителей животного мира и разных категорий людей, в русских УС выступает и сказочный персонаж *папа Карло*. Сравнительный оборот *работать* (*вкалывать, пахать, трудиться*) как *папа Карло* ‘тяжело, напряженно, терпеливо работать’ (БРС) появился в русском языке благодаря сказке А.Н. Толстого «Золотой ключик, или приключения Буратино», в которой папа Карло, бедный шарманщик, воспринимается как трудяга. В данном случае ассоциации опираются на знание прецедентного текста⁷.

В польском языке не отмечены УС с антропонимами-именами собственными, ставшими эталонами тяжелого труда.

Помимо проанализированных УС признак тяжести, напряженности трудового действия и большого объема работы актуализируется также в других ФЕ.

В составе фразеосемантической группы ‘выполнение тяжелой, изнурительной работы’ выделилась подгруппа ФЕ, в основе которых лежит образное представление о том, что если человек слишком много работает, то причиняет вред своему организму. Повреждены могут быть внутренние органы, в основном сердечно-

⁵ Следует здесь отметить, что это одна из возможных мотиваций слова *двужильный*. Подробнее об этом см.: А.Ф. Журавлев, *Рус. двужильный*, [в:] *Этимология: материалы исследования по индоевропейским и другим языкам 1985*, Москва 1988, с. 78–80; Е.В. Шабалина, *Двужильный*, «Русская речь» 2009, № 6, с. 106–109.

⁶ Г. Попов, *Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева*, Санкт-Петербург 1903, с. 14, цит. по: А.Ф. Журавлев, *Рус. двужильный...*, с. 78.

⁷ То, что прецедентный текст вызывает определенные ассоциации лишь в сознании носителей того или иного языка, можно проиллюстрировать следующим образом: в переводе на польский язык одной из пьес современного украинского драматурга А.И. Крыма, написанной на русском языке, находим предложение: «Там tyrałeś za sto rubli, jak tata Karol, a tu nikt się nie schyli po tysiąc dolców» (А. Крым, *Sekret żydowskiego szczęścia*, przeł. М. Wawrzkiwicz, [w:] Idem, *Testament cnotliwego rozpusznika*, Toruń 2009, s. 53). Читатель сразу же задает себе вопрос, кто такой tata Karol, если в комедии три действующих лица – Вера, Гриша и Иван Петрович, а о таком персонаже, как tata Karol, никто из героев не упоминал. Получается, что выражение *tyrać jak tata Karol* – это фразеологическая калька, буквальный перевод фразеологизма *работать* (*вкалывать, пахать, трудиться*) как *папа Карло*, источником которого является произведение А.Н. Толстого, польским читателям, воспитанным на сказке «Пиноккио» К. Коллоди, как правило, не известное.

сосудистой системы (*вытягивать (тянуть, выматывать) жилы из кого-то, рвать жилы, wupruwać z siebie (z kogoś) żyły* (ср. также глагол *żyłować się* ‘ciężko pracując, eksploatować nadmiernie swoje siły, zamęczać się’ (SWJP) и пищеварительной (*надрывать пуп (пупок), пупок развязывается / развяжется у кого-то, рвать / порвать кишки, wupruwać sobie (z siebie) bebechy (flaki, kichy)*). Отметим, что пуп не является органом пищеварительной системы, однако ФЕ *надрывать пуп (пупок)* и *пупок развязывается / развяжется у кого-то* мы отнесли к этой группе, поскольку они употребляются для характеристики непосильного труда, который ведет к грыже, повреждению органов, расположенных в брюшной полости. Примечательно, что этот рубец посреди живота, остающийся после отпадения пуповины, вызывает у носителей русского и польского языков разные ассоциации (ср.: *leżeć do góry perkiet* ‘бездельничать’ и рус. *лежать брюхом (пузом, животом) кверху* в том же значении). *Flaki, bebechy, kichy*, т.е. разг.-сниж. лексемы, обозначающие внутренности, кишки, связываются с крайне утомляющим трудом, прежде всего, в сознании носителей польского языка. Подобная им русская ФЕ *вымотать (измотать) себе или кому-то [все] кишки* употребляется в более широком значении ‘известить, измучить себя или кого-то чем-то (работой возможно также, но не в основном)’. В польском языке ФЕ *flaki sobie wupruwać* обозначает также ‘стараться изо всех сил’ (ср. обладающие схожей семантикой рус. ФЕ *рвать (надрывать) [себе] пупок* и глагол *жилиться* (от *всеми жилами*)). *Flaki wupruwać* можно еще *kotuić*, однако значение этой ФЕ не связано уже с трудовой деятельностью. Она употребляется для характеристики человека, который надоедает кому-то, замучивает кого-то назойливыми вопросами, жалобами. Особая образность ФЕ данной подгруппы достигается также путем использования глаголов, обозначающих деструктивные действия (*рвать, wupruwać*).

Человек, тяжело и много работающий, часто принимает дугообразную, изогнутую или склоненную позу, что нашло свое отражение в русских ФЕ *гнуть (ломать) спину (спины, горб, горбы, хребет), не разгибать спины, работать (трудиться, вкалывать) не разгибая спины (горба), работать не разгибаясь, работать без разгибу, работать не поднимая головы*. В ФЕ с глагольными компонентами *гнуть, разгибать* и именным *разгиб* находит свое отражение изменение осанки, а с глагольным компонентом *ломать* – получение травмы, так как слово *ломать* обозначает ‘сгибая или ударяя с силой, разделять надвое, на куски, на части, отделять части чего-то’ (ТСРЯ), а также ‘калечить, увечить’ (БТС). *Гнуть*

(ломать) спину (спины, горб, горбы, хребет) можно не только себе, но и на кого-то, для кого-то, у кого-то (действие, направленное на субъект (на самого себя) либо на другое лицо). Таким образом, тяжелый, изнурительный труд не только нарушает нормальную работу органов сердечно-сосудистой и пищеварительной систем, но и причиняет вред костной системе. *Горб, спина, хребет* становятся в этом случае знаком тяжелого труда (ср. также дериваты от *горб* – *горбатить* и *горбатиться на кого-то, что-то* ‘тяжело с большим напряжением в течение длительного времени работать (обычно за небольшую плату)’ (БТС)). В ФЕ *не разгибать спины, работать не разгибая спины (горба), работать не разгибаясь, работать без разгибу* и *не поднимая головы* подчеркивается также непрерывность процесса трудовой деятельности (значение непрерывности несут деепричастия несовершенного вида).

К этой подгруппе мы можем причислить еще ФЕ *хребтом (горбом) наживать что-то*. Употребление лексем *горб* и *хребет* подразумевает, что кто-то добился определенного результата тяжелым физическим трудом. *Горб* и *хребет* приобретают в данном случае метонимическое значение ‘весь организм человека’.

Как видим, русский язык имеет исключительно богатый репертуар средств образного описания изменения положения тела во время тяжелой физической работы. Что интересно, для польского языкового сознания образ человека, трудящегося много и до изнеможения в изогнутой позе, не характерен. Склоненную позу принимает, напр., покорный человек, ср.: *zginać / zgiąć kark przed kimś* ‘pokornieć, stawać się uległym, ulegać komuś’ (SWJP), *nie zgiąć (nie ugiąć) karku przed kimś* ‘nie stać się wobec kogoś uległym, *podnosić (prostować) kark* ‘przestawać być wobec kogoś uległym’ (ISJP).

Помимо внутренних органов, повреждены могут быть также руки, т.е. само орудие труда. На натруженных руках возникают мозоли, и это находит свое отражение в ФЕ *работать до (кровавых) мозолей, мозолить руки, натирать / натереть мозоли, ręce zgrubiałe [od pracy]*. То, что труд связывается с мозолями зафиксировано и в шутовском или насмешливом сочетании, являющимся ярким примером фразеологической энантиосемии, *трудовая мозоль* ‘о чрезмерно большом животе (нередко от лени)’ (БРС).

Изнурительный труд, как известно, негативно сказывается на физическом состоянии человека. Следствием подобного рода работы становятся истощенность, усталость, упадок сил, изнеможение, потеря сознания. Человек работает до границ

выносливости (*wybиваться / выбиться из сил, работать до потери пульса, работать до упаду (upada), работать на износ, ktoś sterany pracą, opadać / opaść z sił, padać (upadać) na twarz (nos, pysk), pracować do upadłego, pracować do utraty tchu*), а также до смерти (*работать до самой смерти, ktoś zarżnięty pracą, pracować do [usranej] śmierci, śmiertelny pot (śmiertelne poty), wycisnąć z kogoś ostatni dech (ostatnią parę), wyciskać / wycisnąć z siebie (z kogoś) ostatnie poty, zabijać się pracą, zapracować się na śmierć*). В ФЕ *работать до потери пульса, работать до упаду (upada), работать до самой смерти* и *pracować do upadłego, pracować do utraty tchu, pracować do [usranej] śmierci* граница определяется при помощи предлога *до / do*, так как он в своем основном значении указывает на предел чего-н. и на степень, которую достигает действие, состояние, качество⁸. Примечательно, что в русском языковом сознании предпочтение отдается потери пульса (*работать до потери пульса*), а в польском – дыхания (*pracować do utraty tchu, wycisnąć z kogoś ostatni dech (ostatnią parę)*).

Употребление названия части тела животного (*pysk*) вместо названия соответствующей части тела человека указывает на пренебрежительное отношение к работе сверх своих сил.

Отметим, что многие ФЕ рассматриваемой подгруппы обладают широкой семантикой. К примеру, *śmiertelny pot (śmiertelne poty)* обозначает потение не только от тяжелого труда, но и от страха и боли (непроизвольная реакция организма на сильные раздражители). *Do upadłego* можно *pracować, bawić się, pić, walczyć*, а *do utraty tchu* – *pracować, kochać, szaleć, tańczyć* и др. (выбираются глаголы активного действия). Такой же довольно широкой сочетаемостью обладает русское *до упаду (upada)*. Оно сочетается с глаголами типа *работать, плясать, смеяться* и т.п.

Анализ семантики ФЕ *работать на износ* позволяет заключить, что человек, работающий тяжело, много, с повышенным либо предельным напряжением, в русской ЯКМ сравнивается с машиной, тем самым, можно провести параллель между болезненным состоянием организма вообще либо какого-то его органа, вызванным перенапряжением, и состоянием машины, подвергшейся длительной эксплуатации.

⁸ О.Е. Иванова, *Плясать до упаду, а работать без усталости. О разграничении наречия и существительного с предлогом*, «Русская речь» 2008, № 3, с. 54–55.

Устать может весь организм человека либо конкретный его орган, в частности руки (*руки у кого-то как (будто) каменные, руки отваливаются у кого-то, ręce komuś odpadają, nie czuć rąk*) и голова (*голова трещит у кого-то, głowa komuś cięży, głowa (łeb) komuś pęka (puchnie)*). В этих примерах указывается причина усталости: человек тяжело и долго работал руками либо он долгое время занимался умственным трудом. В них, помимо признаков «много», «тяжело», актуализируется еще признак «долго». ФЕ *голова трещит у кого-то, głowa cięży komuś, głowa (łeb) komuś pęka (puchnie)* обладают более широкой семантикой, поскольку устать можно как от длительной работы, избытка дел, так и от шума либо причина головной боли совсем другая.

Кроме рук и головы могут утомиться ноги, ср.: ФЕ *валиться (падать) с ног, еле (едва) волочить ноги, ноги отваливаются у кого-то, ноги подкашиваются у кого-то, ledwo powłóczyć nogami, na ostatnich nogach, walić się (lecieć, padać) z nóg* с общим значением ‘с трудом держаться на ногах (от тяжелой и длительной работы, ходьбы, болезни и т.п.)’. В ней, в отличие от фразеологических оборотов с именными компонентами *руки* и *голова*, не указано, вызвано ли сильное утомление организма физическим или умственным трудом.

Близкой к рассмотренным примерам является русская ФЕ *не щадя живота [своего]*, в которой слово *живот* употребляется в значении ‘жизнь’. Человек работает (или бьется, воюет и пр.), невзирая на все возможные негативные для жизни последствия. Аналогичная единица есть и в польском языке – *nie szcędząc trudu (wysiłku)*, однако в русском примере на первый план выдвигается то, что человек не бережет свое здоровье и жизнь, а в польском то, что он прикладывает столько усилий, сколько только может.

В ФЕ *работать (трудиться) до седьмого пота (поту), семь потов сойдет (сошло) с кого-то, согнать семь потов с кого-то, pracować do siódmego potu (do siódmych potów), siódme poty biją na kogoś, wyciskać / wycisnąć z siebie (z kogoś) siódme poty* пот ‘бесцветная жидкость, выделяемая подкожными железами’ (БТС) вызывает прочные ассоциации с физическими усилиями и, тем самым, становится своего рода мерой труда. Стоит заметить, что в этих ФЕ последовательно используется числительное *семь*. Согласно «Большому фразеологическому словарю

русского языка» под ред. В.Н. Телия, «число семь является эталоном крайнего предела, а также выражает обобщенное понятие множества»⁹.

С компонентом *пот* встречаются и другие ФЕ: *вогнать в пот кого-то*, *выгонять пот*, *наживать своим потом*, *потеть кровавым потом*, *пот проливать*, *умываться кровавым (соленым) потом*, *пóтом и кровью добывать (зарабатывать) что-то*, *nie szczędzić potu*, *pot się z kogoś leje*, *pracować w krwawym pocie*, *spływać potem*, *wyciskać / wycisnąć z siebie (z kogoś) ostatnie poty*. Внутренняя форма ФЕ проста и представляет собой образ реальной ситуации. То, что последствием труда является пот, отражено и в значении глаголов *потеть* и *пocić się* ‘трудиться над чем-то долго и упорно’ (ТСРЯ), а также выражения *потогонная система труда* ‘об отнимающей все силы, физически обременительной системе’. Увеличение количества затрачиваемых усилий происходит за счет глагольных компонентов, таких, как, напр., *умываться*, *spływać*. Крайнее утомление подчеркивается еще словом *кровь*, так как кровь является символом жизни. Соответственно, потеря крови приводит к потере жизненных сил. В приведенных примерах акцент делается на процессе, за исключением ФЕ *семь потов сойдет (сошло) с кого-то*. В данном случае акцент смещается с процесса на результат.

Человек может выступать в роли каузатора, исполнителем действия в этом случае становится кто-то другой. Так, значение ‘заставить кого-то тяжело и напряженно трудиться’ закреплено в следующих ФЕ: *вогнать в пот кого-то*, *выгонять пот*, *согнать семь потов с кого-то*, *wyciskać / wycisnąć z kogoś siódme (ostatnie) poty*.

В ФЕ *наживать своим потом*, похоже как в рассмотренном уже примере *горбом (хребтом) наживать*, перенос значения основан на отношениях части и целого (‘пот’ ⇒ ‘весь организм’).

ФЕ, характеризующие последствия трудной, тяжелой работы, с потом могут быть связаны и опосредованно, что зафиксировано в примере [*весь*] *в мыле* или *задавать / задать (давать / дать, поддавать / поддать) жару кому-то*. В последнем фразеологизме замучивание кого-то множеством дел, заданий напоминает паренье в жаркой русской бане.

Как показал анализ языкового материала, тяжелый труд забирает силы у каждого, ухудшает его физическое состояние независимо от того, в каком бы

⁹ *Большой фразеологический словарь русского языка*, ред. В.Н. Телия, Москва 2009, с. 187.

обществе он ни жил. В рассмотренных ФЕ с отрицательным знаком оценки труда благодаря компонентам-соматизмам особенно ярко отражен антропоцентрический принцип в языке.

И в русской, и в польской фразеологии находит также выражение мысль о том, что человек ощущает на себе всю тяжесть работы, дела, обязанностей, и в связи с этим труд сам по себе имеет образ чего-то отяжеляющего (концептуальная метафора ТРУД – ЭТО ТЯЖЕЛЫЙ ПРЕДМЕТ). Примером этого могут служить русские ФЕ *воз на себе тащить (тянуть)*, *на себе (на своих плечах) вывезти (вынести)*. В них подчеркивается, что кто-то один, возможно за всех, за других, справляется с самой тяжелой работой, на что указывает употребление возвратного местоимения *себя* и притяжательного *свой*. В польском фразеологическом фонде находим ФЕ со значением тяжести *ktoś przygnieciony (przybity) ciężarem pracy (obowiązków)*.

Тяжесть труда закрепляется и в следующих ФЕ, источником которых является древнегреческий миф: *подвиги (труд) Геракла (Геркулеса), геркулесов труд, геркулесова работа, геркулесовы подвиги, praca herkulesowa* ‘работа, требующая невероятных, нечеловеческих усилий’. Одним из подвигов Геракла было очищение нечищенных 30 лет конюшен царя Авгия, что отражено и в польской ФЕ *czyścić / oczyścić (wyczyścić), sprzątać (uprzątać) stajnię Augiasza (stajnię augiaszową, stajnie augiaszowe)* ‘mozolić się nad czymś, ciężko pracować nad uporządkowaniem czegoś’ (WSFJP). Русская ФЕ *Авгиевы конюшни*, по сравнению с польской, обладает более узкой семантикой и применяется в значении ‘крайне запущенное помещение, а также дела, находящиеся в крайнем беспорядке’ (ТСРЯ).

К данной семантической группе можно также отнести ФЕ *лямку тянуть* ‘постоянно заниматься тяжелым или неприятным однообразным делом’ (БТС). Это выражение отражает русские реалии XVI – конца XIX веков. Оно связывается с бурлаками, которые с помощью лямок, т.е. широких ремней или веревок, перекидываемых через плечо, тянули против течения лодки и баржи (ср. также переносное значение глагола *бурлачить* ‘тяжело работать (обычно на кого-то)’). Еще одной единицей, в основе которой лежит образ трудящихся бурлаков, является *впрягаться / впрячься в лямку* ‘браться / взяться за длительную и трудоемкую работу’. Во фразеологическом фонде польского языка встречаем УС *chodzić jak [koń (bydlę, muł, osioł)] w kieracie* в том же значении, что *лямку тянуть*. Однако образы, положенные в основу формирования значения русского и польского примеров,

не совпадают. Во-первых, польский сравнительный оборот не связан лишь с польскими историческими реалиями, так как *kierat*, т.е. привод, устройство для приведения в движение машин, был известен во многих странах. Во-вторых, он восходит к образам животного мира (привод действовал, в частности, конной тягой, но в качестве тяги могла также использоваться сила других упряжных животных). Несмотря на отличия в плане выражения, как в русском, так и в польском фразеологизмах актуализируется не только признак «тяжело», но и «однообразно», «скучно» и «утомительно».

3.2. Фразеосемантическая группа ‘большой объем работы’

ФЕ данной группы обладают общим и одновременно основным семантическим признаком «много». Нередко они фиксируют явное отклонение от нормы (работы больше, чем нужно, чем следует, чем хотелось бы), и поэтому они выражают негативную оценку. В отличие от ФЕ предыдущей группы, в подавляющем большинстве из них не актуализируется признак «тяжело», зато выделяются другие признаки.

Так, в русской и польской ЯКМ представление о количестве работы часто содержит также представление об интенсивности ее выполнения. В значении ‘очень много и интенсивно работать’ употребляются ФЕ *работать за двоих (за троих, за десятерых)*, *pracować za dwóch (za trzech, za dziesięciu)*, *dwoić się i troić*. Здесь кратность (2-х, 3-х, 10-х) предполагает усиление действия: работать одному так, как могут только двое, трое или десять. Следует также добавить, что в обоих языках *за двоих, за троих* и *за десятерых* можно не только *работать*, но и *есть*, т.е. устанавливается явная ассоциативная связь между концептами «труда» и «еды».

Значение ‘один вместо многих’ заключено еще в русской ФЕ *работать за себя и за того парня*, источником которой является песня «За того парня» (1970 г.). Песня эта, слова к которой написал Р.И. Рождественский, известна из кинофильмов «В бой идут одни старики», «Минута молчания». Для того чтобы раскрыть семантику этой ФЕ, требуется знание лингвокультурного контекста, и поэтому она является национально-маркированной. Речь идет о погибшем во время Отечественной войны. Местоименный компонент *тот* и именной *парень* вносят дополнительный оттенок в значение ФЕ: субъект выполняет не только свою работу, но и берет на себя обязанности другого.

Признаки «много» и «интенсивно» закреплены также в польской ФЕ *urabiać / urobić sobie ręce po same łokcie*. В данном случае часть руки от кисти до локтевого сустава является некоторой мерой количества выполняемой работы.

Такой же мерой в польском языковом сознании являются и *uszu*, что находит подтверждение в ФЕ *pogrążyć się w pracy po uszu* и *tkwić po uszu w robocie*. *Uszu* выражают также степень погружения в работу. *Po uszu* обозначает всецельно, полностью, целиком предаваться чему-то. В свою очередь, в ФЕ *mieć czegoś (np. pracy, roboty) po [same] uszu (powyżej uszu)* соматизм *uszu* передает значение предела. Здесь признак «много» не является обязательным, поскольку данная ФЕ употребляется для характеристики человека, который устал от работы вообще или ему просто надоело работать. В русском языке значение ‘полностью, целиком отдаться чему-то (напр. работе)’ эксплицитно реализуется в ФЕ *погрузиться в работу по уши, с головой погрузиться (окунуться, уйти) в работу*. Отметим, что для актуализации этого значения выбираются не случайные соматизмы, а маркирующие, в силу расположения соответствующих органов, верхние границы человеческого тела.

На основе образного представления о том, что человек, работающий много и интенсивно, отдается вращательным движениям воды или ветра, возникла польская ФЕ *rzucić / rzucić się w wir pracy*. В ней подчеркивается, что человек теряет над собой контроль, а труд представлен силой, способной вызвать у него эту потерю контроля.

Кроме того, признак «много» реализуется в польском языке через ФЕ *odwalać / odwalić kawał (dobrej, solidnej) roboty*. На ее семантику существенно влияет именной компонент *kawał*, используемый в переносном значении как ‘*duża ilość budząca uznanie*’ (ISJP) (ср.: *odwalać / odwalić robotę* ‘*robić, wykonywać coś niestarannie, byle jak, chcąc mieć to jak najszybciej za sobą*’ (SWJP)).

В русском фразеологическом фонде, в свою очередь, замечаем единицу *воротить / своротить (сдвинуть) горы (гору)* ‘*делать очень много (обычно о деле, требующем огромных усилий, энергии, об огромном объеме работы)*’. В ней выделяется основой признак «много», дополнительным является «невозможное». Чрезвычайно большое количество работы метафорически уподобляется горе (то, что поднимается высоко вверх), к тому же гора предстает здесь как нечто тяжелое, которое с места не сдвинешь.

На ту же ориентационную метафору опираются и устойчивые сочетания *гора работы* (дел), *куча дел*, *kupa pracy* (roboty), *sterta pracy* (roboty). Последний польский пример относится преимущественно к канцелярской работе.

Следующая подгруппа, в которой основным семантическим признаком является «много», а дополнительным «разное», представлена УС *вертеться* (*кружиться, крутиться*) как *белка в колесе* и *kręcić się jak w kołowrotku*, употребляемыми в том же значении 'быть в постоянных хлопотах, заботах, работе, делать без передышки много дел'. В их семантике содержится указание на замкнутое пространство (круг), в котором постоянно вынужден пребывать человек. Русский сравнительный оборот, в отличие от польского, требует дополнительных объяснений. Во-первых, в нем используется название животного, которое должно постоянно находиться в движении. Во-вторых, источником УС *вертеться* (*кружиться, крутиться*) как *белка в колесе* послужила басня И.А. Крылова «Белка». В-третьих, образ белки в колесе, согласно авторам «Большого фразеологического словаря русского языка», может символически осмысляться еще как «движение без движения» и, тем самым, формировать представление о бесполезном и ни к чему не приводящем труде¹⁰.

Схожей семантикой обладают русские УС *вертеться* (*крутиться*) как *бобик* и *работать как бобик*. Человек, находящийся в постоянных хлопотах, много работающий, сравнивается с собакой. В силу своего широкого применения собачья кличка *Бобик* превратилась в обозначение любой дворовой собаки¹¹ (кстати, она функционирует не только в составе указанного выражения, но и в ФЕ *бобик сдох* 1. 'об окончании какого-то дела, чаще неблагоприятном'; 2. 'о какой-то необычной, удивляющей ситуации' (БРС)).

Как показывает языковой материал, человек-работник может уподобляться также нечистому, что нашло свое отражение в УС *работать как дьявол*, *работать* (*трудиться, вкалывать*) как *черт* (*сто, тысяча, сорок тысяч чертей*), *pracować jak szatan*. В русском языковом сознании много, напряженно и в крайне тяжелых условиях работает *дьявол*, много, напряженно и увлеченно – *черт*. В польском языке в значении 'работать очень много и быстро' применяется УС *pracować jak szatan*.

¹⁰ Ibidem, с. 110.

¹¹ С. Вархол обращает внимание на то, что *бобик*, представляющий собой ботанический апеллатив от *боб* либо зоонимический оним, функционирует в русском языке (и не только) в качестве популярной клички собаки (S. Warchoń, *Słownik etymologiczno-motywacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej. Słowiańskie nazwy własne zwierząt domowych i udomowionych zwierząt dzikich w środowiskach wiejskich*. Т. 3: *Koty. Psy*, Lublin 2011, s. 203).

Основой формирования семантики всех этих УС служат соответствующие мифологемы. Увеличение масштаба трудовой деятельности, количества затраченных при этом усилий, а также степени напряженности и интенсивности действия в УС *работать (трудиться, вкалывать) как черт (сто, тысяча, сорок тысяч чертей)* подчеркивается за счет числительных. Примечательно, что у носителей русского и польского языков, разные представители нечистой силы вызывают ассоциации с трудовой деятельностью. У русскоязычных таких ассоциаций не вызывает сатана, а у поляков *czort* и *diabeł*, так как они ассоциируются преимущественно, как правило, как и все нечистые, со злостью (ср.: *злой как [сам] сатана* и *смотреть (глядеть) сатаной (как сатана)*, *diabeł siedzi w kimś, mieć diabła za skórą (za pazuchą)* и др.).

К семантической группе ‘большой объем работы’ принадлежит еще одно русское УС *работать (трудиться, вкалывать) как проклятый* ‘работать много, напряженно, без отдыха’ (СУСРЯ) и одно польское *harować jak wściekły* ‘pracować dużo i zawzięcie’ (SP). В обоих примерах подчеркивается неконтролируемость совершаемых действий.

Почти во всех рассмотренных нами ФЕ отражено представление об активном участии человека в работе, вовлечении его в процесс трудовой активности. В обоих языках имеются также ФЕ, в значении которых только констатируется наличие большого объема работы, не обязательно предполагающее ее самое: *завалить кого-то работой, масса дел (работы), непочатый край работы (дел), работы по горло, работы у кого-то выше головы, руки не доходят до чего-то, уйма дел, хлопот (забот) полон рот, być zawalonym pracą, huk roboty, masa pracy (roboty), mieć pełne ręce roboty, mieć roboty po pachy, mieć roboty po same łokcie, mieć urwanie głowy, natłok pracy (spraw, obowiązków), nawał pracy, nie wiedzieć w co ręce wsadzić (włożyć), roboty od groma, roboty od metra, zawalić kogoś pracą.*

ФЕ *работы по горло, работы у кого-то выше головы, и mieć roboty po same łokcie, roboty po pachy* опираются на представление, согласно которому, «чем выше что-то доходит, тем больше его»¹². В русском языковом сознании *горло* и *голова*, а в польском *łokieć* и *pachy* становятся своего рода мерой количества ожидающего или осуществляемого труда. Для поляков *pachy* являются не только эталоном измерения труда. В польском языке существует выражение *ubaw po pachy*,

¹² А. Pajdzińska, *Antropocentryzm frazeologii potocznej*, „Etnolingwistyka” Т. 3 (1990), s. 66.

обозначающее, что кто-то очень весело проводит время. Стоит также заметить, что в ФЕ *работы у кого-то выше головы* содержится указание на превышение нормы: работы у кого-то не просто очень много, а слишком много.

В русском и польском языковом представлении большое количество работы, множество различных дел воспринимается как нечто, не имеющее четко очерченных границ, ср.: *масса дел (работы)* и *masa pracy (roboty)*.

Большое количество работы, как будто войска, толпа людей может также напирать на человека, что отразилось в польских ФЕ *nawał pracy* и *natłok pracy (spraw, obowiązków)*.

Значение ФЕ *непочатый край работы (дел)* мотивировано, в свою очередь, семантикой слов *непочатый* от устар. *починать / почать* 'приступать к делу, браться за что, стать делать, положить чему начало'¹³ и *край* в третьем значении, указанном В.И. Далем, 'земля, область и народ'¹⁴. Данное выражение употребляется с целью подчеркнуть, что кому-то предстоит огромное количество работы.

Имеющая эвфонический характер ФЕ *хлопот (забот) полон рот*, которая применяется для характеристики очень занятого человека, лишь посредственно связана с трудовой деятельностью. Хлопоты и заботы может причинять, но не в основном, большой объем работы. Здесь на большое количество хлопот, забот указывает наполненный до предела рот, выполняющий функцию своего рода вместилища. В таком вместилище, «функционально сконструированном и эффективно эксплуатируемом, вся ограничивающая поверхность используется для хранения содержания»¹⁵. Содержание рта в ФЕ репрезентировано лексемами *хлопоты* и *заботы*. В польском языке в похожем значении употребляется ФЕ *mieć urwanie głowy*.

Последним примером этой фразеосемантической группы, на который следует обратить внимание, является *roboty od metra*. В этом устойчивом сочетании значение большого количества вносит именной компонент, обозначающий единицу измерения длины и расстояния либо единицу веса. В польском языке *metr* – это также еще одно, разговорное, обозначение центнера, децитонны (100 кг), используемое, в основном, в сельском хозяйстве для отмеривания зерновых, картофеля и пр.

¹³В.И. Даль, *Словарь живого великорусского языка*, <http://dal.sci-lib.com/> (дата обращения: 15.01.2013).

¹⁴Ibidem.

¹⁵Дж. Лакофф, М. Джонсон, *Метафоры, которыми мы живем*, пер. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой, Москва 2004, с. 126.

3.3. Фразеосемантическая группа ‘усердное выполнение работы’

Следующую семантическую группу образуют ФЕ, объединенные признаком «усердно». Они характеризуют трудовую деятельность с положительной стороны.

Признак усердия и одновременно энергичности в выполнении работы присущ ФЕ *работать (трудиться) засучив рукава* и *pracować z zakasanyimi rękawami (zakasawszy rękawy)*. Мотивирующей идеей, определившей образность русского примера, послужило то, что представители высших социальных слоев на Руси носили верхнюю одежду с очень длинными, до колен или даже до земли, рукавами (у мужчин они достигали 95 см, у женщин 130-140 см). Чтобы работать, надо было засучить рукава, потому что с такими длинными рукавами заниматься каким-то делом было трудно или даже невозможно¹⁶. Польская ФЕ, в свою очередь, не отсылает к историческим реалиям, однако она опирается на то же действие – заворачивание кверху краев одежды. В русском и польском фразеологическом фонде встречаем еще выражения *засучивать / засучить рукава* и *zakasać rękawy* в значении ‘энергично приняться за дело, работу’ (ТСРЯ).

Значение ‘работать с большим усердием, напряжением, прилагая все силы’ реализуют ФЕ *трудиться (работать) в поте лица [своего], добывать свой хлеб в поте лица*, *pracować (zarabiać) w pocie czoła*, восходящие к библейскому тексту: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:19). Кроме того, и русские, и польские примеры представляют собой соматические фразеологизмы и находятся в метонимическом отношении, поскольку *czoło* – это ‘верхняя часть лица человека’.

К данной семантической группе относится также ФЕ *работать (трудиться) не покладая (не покладывая, не покладаячи) рук*. Признаком, мотивирующим ее значение, помимо «усердно», является «непрерывно». Этот пример имеет прозрачную внутреннюю форму.

Кроме рассмотренных примеров, семантическую группу ‘усердное выполнение работы’ составляют единицы *муравьиная работа, работать (трудиться) как муравей (мурашка), работать (трудиться) как пчела (пчелка)* и *mrówcza praca, pracować jak mrówka, pracować jak pszczoła (pszczołka)*. Усердие непосредственно связано с трудолюбием, и отсюда в русском и польском языках

¹⁶ В.П. Фельцына, В.М. Мокиенко, *Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь*, ред. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Москва 1990, с. 123; Н.Ф. Алефиренко, *Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики*, Москва 2008, с. 333.

появились УС *трудолюбивый (прилежный) как муравей (мураш, мурашка), трудолюбивый (прилежный) как пчела (пчелка), pracowity jak mrówka, pracowity jak pszczoła (pszczołka)*. Мотивировка данных сравнительных оборотов связана с реальными наблюдениями над этими насекомыми. Трудолюбие является качеством, поощряемым в ценностной картине мира носителей как русского, так и польского языков, и в связи с этим указанные УС носят ярко выраженный положительно-оценочный характер. В них маркером положительной оценки выступают зоонимы *муравей / mrówka, пчела / pszczoła* и их производные. Эксплицитная мелиоративная коннотация особенно ярко выражается лексемами *пчелка / pszczołka* – диминутивной формой объекта сравнения. Пчела в русской и польской лингвокультурах работает с радостью, а муравей упорно. Кстати, поэтому мелкого торговца, привозящего небольшие партии товаров массового спроса из-за рубежа, поляки называют *mrówka (mrówa)* (ср. также глагол *mrówkować*, мотивированный этим существительным). Русские такого торговца именуют *челнок (челночник)* (слово *челнок* в основе метафорического переноса предполагает представление о быстрых, однообразных, снующих движениях туда и обратно детали ткацкого станка или швейной машины).

Отметим, что одобрительную оценку чьей-то деятельности содержат также УС *трудолюбивый как вол* и *pracowity jak wół*. В них раскрываются такие характеристики вола, как выносливость и трудолюбие. Таким образом, в языковом сознании представителей обоих народов не только муравей и пчела олицетворяют трудолюбие, но также и вол.

Эталоном трудолюбия лишь в русском УС является сказочная героиня Золушка (*как Золушка*). Этот сравнительный оборот, помимо общего признака «усердно», объективирует также признаки «много» и «работа во благо другому» и в связи с этим одновременно несет в себе положительную и отрицательную коннотации.

Если кто-то взялся за интенсивную работу, начал усердно работать, учиться, в польском языке используется ФЕ *przysiąść faldów*. Данная ФЕ относится к умственному труду.

3.4. Фразеосемантическая группа ‘быстрое выполнение работы’

Как в русской, так и в польской лингвокультурах трудовая деятельность рассматривается как процесс, протекающий с разной скоростью. В сознании носителей обоих языков отражена оценочная шкала темпа выполняемой работы с полярными понятиями «быстро» – «медленно».

Так, ускоренный темп работы нашел свое отражение во многих ФЕ русского и польского языков, выражающих либо положительную, либо отрицательную оценку. Признак «быстро» может актуализироваться в ФЕ вместе с совокупностью других признаков, таких, как, напр., «интенсивно» и «эффективно». Благодаря семантическому признаку «эффективно» ФЕ данной группы содержат положительную оценку.

Большая интенсивность трудовой деятельности и одновременно ее эффективность нашла свое отражение в ФЕ *дело (работа и т.п.) горит в руках у кого-то* и *robota pali się komuś w rękach*. Как горючий материал поддается действию огня, так и работа «поддается» рукам человека и идет хорошо, быстро. В русском фразеологическом фонде встречаем еще выражение *(с)гореть на работе* ‘полностью, не жалея сил, отдаваться работе’, с приставкой *с-* – до болезни и смерти. С польским фразеологическим оборотом *robota pali się komuś w rękach*, в свою очередь, связана ФЕ *(nie) palić się do pracy (roboty)*, употребляемая для характеристики человека, который (не) рвется к работе. Связывающим звеном тут выступает метафора огня.

В русской и польской ЯКМ быстрая, интенсивная, эффективная работа мыслится как горячая жидкость в сосуде, подтверждением чему являются ФЕ *работа кипит* и *praca wrze*. В их основе лежит концептуальная метафора РАБОТА – ЭТО ЖИДКОСТЬ. Кроме того, указанные примеры вызывают у носителей русского и польского языков прочные ассоциации с процессом приготовления пищи. На ту же концептуальную метафору опирается и ФЕ *как в котле кипеть (вариться)* ‘об интенсивно работающем, находящемся в постоянных хлопотах и заботах человеке’ (ССРЯ).

С данными примерами связывается еще одна русская ФЕ [*работать, трудиться и т.п.*] *так, что кого (от чьей спины) пар идет* ‘в полную силу, в полную меру, прилагая все усилия’. В польском языковом сознании, в свою очередь, не закрепился образ человеческого тела, исходящего паром от быстрой и

интенсивной работы. Газообразные вещества могут выделяться, напр., из организма пьяного человека, а конкретно из его головы, ср.: *kotniś dymi (kurzy się) z czuba (czupryny)*.

С процессом приготовления пищи, кроме ФЕ *как в котле кипеть (вариться), работа кипит* и *praca wre*, ассоциируется также русское УС *печь как блины* ‘делать что-то быстро и в большом количестве’ (ТСРЯ). Этот сравнительный оборот носит ярко выраженный национальный характер, поскольку в нем используется лексема *блины*, обозначающая ставшие национальным русским кушаньем тонкие лепешки из жидкого теста, испеченные на сковороде. Оценка трудовой активности довольно часто связана с ее результативностью: в данном случае быстрое выполнение большого объема работы дает плохого качества результат. Такая деятельность в целом оценивается негативно.

Выполнить работу быстро подразумевает не только выполнить ее с большой скоростью, но также в короткий промежуток времени. Молниеносность действия образно выражают следующие ФЕ: *в два счета, в мгновение ока, в один миг, в (за) один присест, одним (единым) махом, с одного (единого) маха (маху), раз-два (раз-раз) и готово, migiem, na chybcika, rach-ciach (rachu-ciachu), raz-dwa (raz, dwa), raz, dwa, trzy, szast-prast, w mgnieniu oka (w okamgnieniu), w try miga* (менее правильная форма *w trymiga*). Быстро не всегда обозначает небрежно (ср.: основанную на фонетической симметрии ФЕ *robić coś rach-ciach (rachu-ciachu)* ‘wykonać coś szybko i sprawnie’).

Остановимся подробнее на ФЕ *сделать что-то в мгновение ока, в один миг, robić coś migiem, w mgnieniu oka (w okamgnieniu), w try miga*. В них действие, совершенное в кратчайший отрезок времени, сравнивается с миганием глаза либо мерцанием (в русском языке *миг* происходит от *мигать* 1. ‘моргать’; 2. ‘мелькать, мерцая’ (ТСРЯ), в польском *mig* от *migać* ‘na przemian świecić i gasnąć lub świecić raz silniej, raz słabiej’ (ISJP)). Небезынтересно заметить, что ФЕ *w try miga* представляет собой заимствование из русского языка (*try* ‘три’ + *miga* от *миг*; числительное три управляет формой родительного падежа единственного числа).

Все указанные единицы сочетаются с целым рядом других слов, в значении которых необязательно возникают ассоциативные связи с трудовой деятельностью.

В обеих лингвокультурах человек регулярно сравнивается с артефактами, т.е. созданиями человеческой деятельности. В основе русских и польских УС, таких, как *работать (делать что-то) как автомат, как заведенный (заводной), как*

(заведенная) машина, как робот, *pracować (robić coś) jak automat, jak maszyna*, лежит метафорическое сходство человека, работающего быстро, с устройством (автоматизированным или заводным). В них подчеркивается несамостоятельность субъекта действия, управляемость им извне, отсутствие творческого подхода. В УС, кроме признака «быстро», актуализируются и другие признаки, такие, как «бесперывно», «механически», «монотонно», «напряженно», «размеренно». (К примеру, УС *работать (делать что-то) как автомат* употребляется в трех значениях: 1. 'механически, без участия мысли, воли'; 2. 'четко, быстро, сноровисто'; 3 'напряженно, бесперебойно' (СУСРЯ)). В польском фразеологическом фонде встречаем также следующие сравнительные обороты: *zasiwać jak mały samochódzik* (относится также к человеку, который идет очень быстро – возможен также вариант *zachrzaniać jak mały samochódzik*) и *zasiwać jak mały parowózik*. Ассоциацию быстроты и ловкости подкрепляют именные компоненты с уменьшительными суффиксами.

Человек в процессе трудовой деятельности может максимально использовать все свои силы, способности, работать быстро, ср.: ФЕ *работать на всех парах, pracować pełną (całą) parą, pracować na pełnych (wysokich, najwyższych, maksymalnych) obrotach*. В основе образной структуры данных фразеологических оборотов также лежит метафора, уподобляющая человека машине.

Иную картину наблюдаем в УС, в которых в качестве образа-эталона выступают наименования людей. В языковом сознании представителей обоих народов человек, энергично, горячо, быстро и порывисто работающий, мыслится как человек, лишенный здравого смысла, имеющий психические отклонения, ср.: *работать как ненормальный, работать (вкалывать) как дурак (дура), harować jak głupi*. Последние русский и польский примеры содержат также и дополнительное значение 'работать, не думая о вознаграждении'. Человеком, который потерял рассудок, является и одержимый. О безостановочно, предельно интенсивно и энергично, фанатично и с максимальным интересом работающем человеке носители русского языка говорят, что он *работает как одержимый*. Данное УС, в отличие от предыдущих, не обладает ярко выраженной отрицательной коннотацией (одержимый слишком увлекся делом и невольно отдается во власть своей страсти).

К семантической группе 'быстрое выполнение работы' можно также отнести полисемичную ФЕ *во всю ивановскую* 1. 'очень громко'; 2. 'очень быстро, со всей

силой и т.п. (делать что-то)' (ФС). Эта ФЕ не обладает прозрачной внутренней формой, существуют по крайней мере три версии ее происхождения¹⁷. Две из них, это «колокольная» и «площадная» версии; здесь определение *ивановская* относится к Ивановской колокольне, т.е. колокольне Ивана Великого в Москве либо к Ивановской площади в Москве, где оглашали царские указы. В.М. Мокиенко подчеркивает, что это лишь вторичные мотивации ФЕ, которые наслоились на исходный ее образ: *ивановская* – это определение к словам *мочь, мощь, сила, силушка* (ср.: *во всю мощь, во всю силу*). Первоначально фразеологизм использовался для выражения высшей степени проявления какого-то действия.

Быстрота выполняемой работы нашла еще свое отражение в польском УС *zwiąć się (ruszać się, kręcić się, uwijać się) jak mucha w ukropie (rosole)*. Здесь основанием сравнения являются разные глаголы движения. Кроме того, движение происходит в горячей жидкости, что усиливает ассоциацию со скоростью.

Значение 'заставить кого-то интенсивно трудиться' закреплено в польской ФЕ *brać / wziąć kogoś do galopu*. В ней четко прослеживается ассоциативная связь работы человека с работой лошади. Подобно лошади человек подчиняется кому-то другому. Скорость работы подчеркивается лексемой *galop* (быстрее галопа только карьер, являющийся по сути ускоренным галопом). Сюда же можно отнести и ФЕ *zaprzągać / zaprząć kogoś do pracy (roboty)*, однако в ней не обязательно актуализируется признак «быстро». В русском материале также имеется ФЕ *запрячь кого-то в работу*.

Признак «быстро» актуализируется и в ФЕ *гоняться / гнаться (погнаться) за двумя зайцами* 'бессмысленно преследовать две цели одновременно' (редукция пословицы *за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*). В данном случае реализуется негативная оценка действий такого деятеля. В польских ФЕ с аналогичным значением *dwie sroki (kilka srok) za ogon chwytać (łapać, trzymać, ciągnąć), upiec dwie pieczenie przy (na) jednym ogniu* упор делается лишь на выполнении одновременно двух разных дел, умалчивая о быстроте совершаемых действий.

¹⁷ В.М. Мокиенко, *Во всю ивановскую: площадь или мощь?* «Русская речь» 1986, № 1, с. 125–132; Н.В. Халикова, *Что делают «во все лопатки» и «во всю ивановскую»?* «Русская речь» 2004, № 5, с. 52–56.

3.5. Фразеосемантическая группа ‘медленное выполнение работы’

Отличительной чертой польского языка является то, что в нем встречаются коррелятивные пары ФЕ по признаку «быстро» – «медленно». Так, ФЕ *pracować na małych (niskich, wolnych) obrotach* выражает противоположное значение *pracować na pełnych (wysokich, najwyższych, maksymalnych) obrotach*. В свою очередь, сравнительный оборот *zwiąć się jak mucha w ukropie* имеет антонимическую пару *ruszać się (poruszać się) jak mucha w smole (mazi, miodzie)* ‘делать что-то очень медленно, вяло’.

В русском языковом сознании медлительность совершаемых действий нашла свое отражение в образе сонной мухи (*двигаться (работать) как сонная муха*), жука (*копаться (возиться, копошиться) как жук в навозе (навозный жук)*) либо воробья (*копаться (возиться, копошиться) как воробей в навозной куче (мусоре)*). УС с компонентом-зоонимом *жук* и *воробей* применяются не только в значении ‘медленно выполнять какую-то работу’, но также и ‘заниматься ненужным делом’.

Значение ‘работать медленно’ заключается в такой русской ФЕ, как *тянуть (разводить) канитель*. Здесь образно отражен монотонный процесс, требующий времени и терпения. Следует обратить внимание также на то, что в русском языке встречаются и дериваты от *канитель*, одновременно передающие семантику ФЕ *тянуть (разводить) канитель*, глагол *канителить* ‘медлить, тянуть, задерживать, действуя бестолково’ (БРС) и *канителиться*, употребляющийся в том же значении, что *канителить*, а также в значении ‘заниматься каким-то малоприятным делом, требующим много времени и хлопот; возиться’ (БРС).

Схожей семантикой обладает ФЕ *тянуть волюнку*. Данная ФЕ также имеет свое соответствие на лексическом уровне – *волюнить, волюниться* ‘медлить в работе; нарочно затягивать выполнение какого-то дела’, ‘долго собираться, тянуть, приступая к чему-либо’.

К семантической группе «медленное выполнение работы» можно еще отнести ФЕ *ни тпру ни ну* ‘о деле, работе, которые никак не продвигаются вперед, а также о человеке, который не способен принимать самостоятельные решения, беззащитен, беспомощен’. Данная ФЕ построена на параллельном отрицании двух элементов (возгласом *тпру!* возница останавливает лошадь, *ну!* – погоняет ее). ФЕ, построенные по такой модели, обладают значением ‘нечто среднее, неопределенное, ни в какую сторону, ни туда ни сюда’.

О том, кто выполняет работу, не торопясь, вяло, без большого усердия русские говорят также, что он *работает с прохладцей*. *Прохладца* – это производное от температурного прилагательного *прохладный*, имеющего переносное значение ‘безразличный, равнодушный’ (ТСРЯ).

В польском языке для характеристики работы, которая продвигается вперед очень медленно, к тому же ее результаты ничтожны, используются ФЕ *praca idzie komuś jak krew z nosa* и *praca idzie komuś jak po grudzie (z kamienia)*. Здесь *gruda* используется в значении ‘nierówna powierzchnia zamarzłej ziemi’.

Во фразеологическом фонде польского языка зафиксирован очень интересный, хотя и необщеупотребительный, пример: *pracować jak żółw* ‘работать медленно’ (SP). Рисунок черепахи сопутствовал лозунгу «Работай медленно», распространяемому в Генеральном губернаторстве с призывом пренебрегать трудом, сопротивляясь, тем самым, политике немецкого оккупанта. Это выражение активизировалось в языке в период военного положения в начале 80-х гг. XX в.¹⁸. В современном польском языке более употребительными являются *robić coś wolno jak żółw*, *robić coś w żółwym tempie*. В русском языковом сознании (в польском, кстати, тоже) черепаха ассоциируется скорее с медленным передвижением, т.е. является эталоном низких скоростей ходьбы, ср.: *идти (брести, плестись, ползти, таскаться, тащиться) как черепаха, идти черепашьим шагом, черепашьим ходом, iść jak żółw, iść (wlec się itp.) żółwim krokiem*.

Все рассмотренные ФЕ обладают значением ‘работать, делать что-то медленно’, однако в их основе лежат не сходные образы для русского и польского языков.

3.6. Фразеосемантическая группа ‘непрерывное выполнение работы’

На основании ФЕ можно раскрыть фазы трудовой деятельности: активное ее начало (*брать / взять (схватить) быка за рога, wziąć (chwycić, złapać) byka za rogi*), завершающий этап работы (*выходить / выйти на финишную прямую, wychodzić / wyjść na ostatnią prostą*). Однако в языковом сознании русских и поляков нашло отражение преимущественно то, что работа выполняется беспрерывно.

¹⁸ М. Bańko, *Słownik porównań*, Warszawa 2004, s. 123.

Для характеристики долговременных и непрерывных усилий в русском языке используются такие ФЕ, как *день деньской, денно и ноцно, свету [белого] не видать (видеть), от зари до зари, от темна до темна, от петухов до петухов, с утра до ночи*, а в польском – *cały boży dzień, dniem i nocą (dniami i nocami), nie śpiąc, nie jedząc, od rana (świtu) do nocy, piątek – (czy) świętek (świętek czy (i) piątek)*. Временная протяженность трудовой активности передается словами с темпоральной семантикой (*день, ночь, зоря* и др.). Временное значение приобретает также лексема *петух*: пение петухов является признаком раннего утра. Многие ФЕ, в частности русские, построены по модели *от (с) чего-то до чего-то*, указывающей на начальный и конечный моменты трудовой деятельности. Для обозначения временных отрезков применяются те же лексеммы (*от зари до зари*) либо лексеммы с противоположным значением (*с утра до ночи, od rana (świtu) do nocy*). Указание на начало и конец работы содержат также конструкции с творительным падежом существительных, находящихся в антонимических отношениях (*dniam i nocą (dniami i nocami)*). Бывает, что в качестве компонентов ФЕ выбираются те слова, которые выражают взаимодополняющиеся промежутки времени, напр., *денно и ноцно* и *dniam i nocą (dniami i nocami)*. В указанных примерах отражено увеличение продолжительности трудовой деятельности, то, что человек раздвигает границы своего рабочего дня. Увеличение этой продолжительности происходит также за счет отказа от физиологических действий (еды, сна), что закреплено в польской ФЕ *nie śpiąc, nie jedząc*.

Отметим, что в ФЕ *piątek – (czy) świętek (świętek czy (i) piątek)*, слово *piątek*, помимо того, что это название буднего дня, употребленное с целью подчеркнуть, что работать надо каждый день, это также рифма, подобранная к слову *świętek (świętek – это устаревшее обозначение праздничного дня)*.

Сюда можно отнести и ФЕ *работать от гимна до гимна*, происхождение которой связано с реалиями прошлой эпохи (советского времени), когда радиотрансляция начиналась и завершалась «Гимном Советского Союза». Хотя этот фразеологизм уже не является общеупотребительным в современном русском языке, он наглядно выражает интересующее нас значение непрерывности, при этом заметим, что в данном случае указывается на более короткий, по сравнению с предыдущими примерами, отрезок времени.

Признак «непрерывно» закреплен и в ФЕ *работать без прорыва (прорыву), не давать прорыва (прорыву), pracować bez wytchnienia* ‘работать, не отдыхая’.

Слово *продых* употребляется лишь в составе фразеологизма, в остальных случаях используется синонимичное ему слово *роздых* ‘кратковременный отдых, перерыв в работе, пути и т.п.; передышка’ (БТС). В таком же значении функционирует польское слово *wytchnienie*.

С данными ФЕ связывается еще польская ФЕ *kamieniem siedzieć (przesiadywać) gdzieś (nad czymś)* ‘быć, przebywać, siedzieć, przesiadywać itp. stale, wytrwale w jednym miejscu, przez długi czas, bez przerwy; pracować nad czymś wytrwale, bez przerwy’ (SPLP 4), образованная метафорой, уподобляющей человека камню. В основу уподобления легло представление об отсутствии какого-либо движения.

Помимо рассмотренных примеров, к фразеосемантической группе ‘непрерывное выполнение работы’ относится восходящая к поэме «Одиссея» Гомера ФЕ *работа Пенелопы, praca Penelopy* ‘продолжительная, нескончаемая работа’. Помимо признака «непрерывно», здесь актуализируется признак «нерезультативно», поскольку результаты проделанного постоянно уничтожаются (кстати, поэтому и в русском языке используется выражение *ткань Пенелопы* ‘ловкая хитрость’).

3.7. Фразеосемантическая группа ‘выполнение легкой работы’

Работа по мере затрачиваемых усилий и степени интенсивности может варьироваться от предельно тяжелой, утомляющей, до легкой, выполняемой без затруднений.

Легко справиться с каким-то делом, какой-то работой – это *раз плюнуть (чихнуть)*. Здесь образ ФЕ создается метафорическим уподоблением легкой работы плевку или чиханию. Особенно в ФЕ *раз плюнуть кому-то* передается пренебрежительное отношение к выполняемой работе (ср. также ФЕ *левое дело* ‘очень простое, нетрудное дело’).

Легкость выполнения работы нашла свое отражение и в ФЕ *пара пустяков кому-то что-то, проще простого что-то*. В основе возникновения последнего примера лежит тавтологическое сочетание; слово *простой* употребляется здесь в своем основном значении ‘несложный, нетрудный, легко доступный для понимания, выполнения, разрешения и т.п.’ (БТС).

Затемненной внутренней формой обладает ФЕ русского языка *проще пареной репы*. Репа до появления картофеля была самым распространенным овощем

в России, и блюда из репы делались очень просто. В польском языке схожей семантикой обладает ФЕ *bulka z masłem, jak dla kogoś bułkę z masłem zjeść*, однако она, по сравнению с русской, не отсылает к историческим реалиям.

О работе, деле, не требующем усилий в процессе их выполнения, носители русского языка говорят также *работа не бей лежачего*, а о не желающем прилагать никаких усилий, никуда не годном человеке *работник не бей лежачего*. Мотивация ФЕ объясняется следующим образом: согласно правилам кулачного боя лежачего, т.е. пострадавшего противника, не били. В данном случае работа уподобляется ситуации, не требующей от человека каких-нибудь действий, а работник человеку слабому, незащищенному, при этом пользующемуся ситуацией и намеренно бездействующему¹⁹.

Легкие занятия выполняются быстро, что зафиксировано в ФЕ *щелкать как орехи (семечки)*. Здесь одновременно актуализируются два признака «легко» и «быстро».

Работа не обязательно должна быть легкой, но человек может легко с ней справиться. К примеру, если кто-то легко, ловко, свободно и непринужденно выполняет трудную работу, он это делает *словно (как бы, точно) играючи (играя)*. ФЕ реализует концептуальную метафору РАБОТА – ЭТО ИГРА.

Еще одним примером ФЕ, образующей семантическую группу ‘выполнение легкой работы’, является *легкая рука у кого-то*, используемая в значениях 1. ‘о том, кто приносит удачу, счастье’; 2. ‘о том, кто удачно, счастливо начинает и ведет что-то, какое-то дело’ (БТС). В польском фразеологическом фонде встречаем ФЕ *mieć lekką rękę, robić coś lekką ręką* 1. ‘делать что-то без труда’; 2. ‘не подумав, делать что-то, быть расточительным’. Получается, что в русском языковом сознании выполнение без затруднений какой-то работы ассоциируется с удачей, в то время как для поляков такое представление не характерно.

С ФЕ данной семантической группы связываются также русский и польский примеры *идти / пойти по линии (пути) наименьшего сопротивления, iść / pójść po linii najmniejszego oporu*. Эти ФЕ дают отрицательную оценку тому, кто выбирает самый легкий способ действий, уклоняясь от трудностей, избегая препятствий.

Как видим, по сравнению с русскими, польских ФЕ, в которых актуализируется признак «легко», оказалось немного. Это может свидетельствовать

¹⁹ *Большой фразеологический словарь...*, с. 459.

о том, что для польского языкового сознания не характерны ассоциации трудовой деятельности с чем-то, дающимся без затруднений.

3.8. Фразеосемантическая группа ‘старательное выполнение работы’

В ФЕ русского и польского языков трудовая деятельность получает не только количественную, но и качественную характеристику. Оцениваются как качество труда (его результат), так и качества, умения, способности того, кто трудится, т.е. работника.

ФЕ, объединенные общим значением ‘старательное выполнение работы’, содержат элемент положительной оценки. Однако хорошую оценку результат труда получает лишь в немногочисленных ФЕ.

Если к работе трудно придаться, в русском языке используется выражение *комар носу (носа) не подточит*, а в польском – *mucha nie siada*. Получается, что комариный нос и мушиные ножки являются своего рода показателем качества работы. Следует отметить, что глагол *подточить* скорее всего употребляется здесь в значении ‘всунуть, пропихнуть, с силой протолкнуть’ (менее вероятные версии его происхождения – ‘кусать’ и ‘повредить’)²⁰.

Положительную оценку проделанного выражает жест рукой с четырьмя сжатыми пальцами и поднятым большим пальцем. Отсюда в русском языке появилась жестовая ФЕ *делать / сделать что-то на большой палец*.

Признак хорошего качества работы, добросовестного ее выполнения закрепляется также за двумя русскими национально-маркированными ФЕ *сделать на ять* и *блоху подковать*. *Ять* – название буквы «ѣ» в церковнославянской и старой русской азбуке, обозначающей особый звук, впоследствии совпавший с «е». Буква существовала в русском алфавите вплоть до орфографической реформы 1917-1918 гг. Как можно прочесть в «Словаре русской фразеологии. Историко-этимологическом справочнике», правила «на ять» служили мерилем орфографических знаний (сама буква в речи учащихся носила название «буквы-пугала», «буквы-страшилища»). Со временем выражение *на ять* перешло из школьного и гимназического жаргона в литературный язык и расширило свое

²⁰ Н.Ф. Алефиренко, *Фразеологический словарь...*, с. 177–178.

значение, начав обозначать ‘знать что-то очень хорошо, назубок’, а также ‘делать что-то как следует’²¹.

ФЕ *блоху подковать* ‘выполнить мастерски, виртуозно очень тонкую и сложную работу’ (ТСРЯ), в свою очередь, восходит к рассказу Н.С. Лескова «Левша».

В польском языке в значении ‘что-то сделано отлично’, кроме *tucha nie siada*, употребляется представляющая собой пространственную метафору ФЕ *coś zrobione na tip-top* (из англ. *tip* ‘конец, кончик’, *top* ‘верх, вершина’). Она обладает довольно широким значением, так как относится к любой деятельности, необязательно трудовой.

Как в русском, так и в польском языковом сознании нашло свое отражение то, что работа выполняется старательно благодаря качествам самого работника. Так, субъект действия положительно оценивается в следующих ФЕ: *у кого-то золотые руки, из кожи (вон) лезть, приложить руку к чему-то, mieć złote ręce, przykladać się / przyłożyć się do pracy (roboty, nauki i in.)*. В ФЕ *из кожи (вон) лезть, приложить руку к чему-то* и *przykladać się / przyłożyć się do pracy (roboty, nauki i in.)* подчеркивается, что человек проявляет усердие к совершаемому действию.

3.9. Фразеосемантическая группа ‘небрежное выполнение работы’

В русской и польской лингвокультурах сложился образ человека как плохого, небрежного работника. Небрежное выполнение работы непосредственно связано с ускоренным темпом осуществляемой деятельности. В значении ‘делать что-то кое-как, наспех’ используются ФЕ *делать что-то левой ногой (пяткой), robić coś na kolanie*. В польском языковом сознании левая нога не ассоциируется с недобросовестно совершаемой работой, хотя в обоих языках левая нога имеет негативные коннотации (ср. *встать с левой ноги, wstać z lewej nogi* ‘с утра быть в плохом настроении’, а также *głupi jak but z lewej nogi* ‘очень глупый’). ФЕ *делать что-то левой ногой* и *robić coś na kolanie*, так же, как *трудиться в поте лица* и *pracować w pocie czoła*, находятся в метонимической связи, поскольку *kolano* – ‘часть ноги, в которой находится сустав, соединяющий бедро и голень’. Заметим еще, что в русском языке функционирует ФЕ *сделать что-то на коленке* ‘сделать

²¹ А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, *Словарь русской фразеологии...*, с. 652–653.

что-то спешно, быстро, примитивно', однако поскольку это фразеологический неологизм, он имеет ограниченную сферу употребления.

Язык фиксирует то, что отступает от нормы, и в связи с этим в языковом сознании русских и поляков отразилось убеждение, что неправильное, нетипичное расположение рук на теле человека является фактором, влияющим на качество работы, в том числе и на плохое ее качество, ср. русские ФЕ со сниженной окраской *руки из не оттуда (задницы, жопы, попы) растут у кого-то, руки к заду (заднице, не к тому месту) пришиты (приделаны) у кого-то* и нейтральный польский фразеологизм *mieć dwie lewe ręce*. Люди преимущественно пользуются правой рукой, и отсюда у слова *левый* возникло значение 'не имеющий мануальных способностей, не умеющий ничего сделать'.

Значение 'небрежно, кое-как делать что-то' актуализируется также в ФЕ *работать спустя рукава*, являющейся антонимом фразеологизма *работать засучив рукава*.

Небрежно выполненная работа может быть следствием того, что человек работал вполсилы (*pracować na pół gwizdka*) или он приложил еще меньше усилий (*pracować na ćwierć gwizdka*).

Если кто-то выполняет свои трудовые обязанности недобросовестно, лишь бы отделаться, руководствуясь принципом наименьшего достаточного усилия, он *работает, делает что-то и вкривь и вкось, на живую нитку, на живую руку* (контаминация ФЕ *на живую нитку* и *на скорую руку*), *на фуфу, с пятого на десятое, через пятое на десятое, тьяп-ляп (тяп да ляп), через пень колоду* и *pracuje, robi coś aby-aby, aby dalej, aby zbyć, byle Polska nie zginęła, na hura, na łap-sari (na łari, sari, na łariscari, na łap-sap), na odtrąbiono, po łebkach, na patataj*. Рассмотрим некоторые примеры более подробно.

В основе ФЕ *делает что-то и вкривь и вкось, с пятого на десятое, через пятое на десятое* лежат хаотические движения, которые впоследствии негативно сказываются на результате работы. ФЕ *сделать что-то на живую нитку* связывается непосредственно с портняжным делом, потому что шить на живую нитку обозначает шить так, чтобы лишь держалось, напр., без наметки. В ФЕ *через пень колоду* отразилось представление о сплошной рубке леса (рубке как попало) и ее результате (лесные завалы)²².

²² См.: В.Л. Васильев, *Через пень колоду*, «Русская речь» 2004, № 6, с. 108–114.

Тяп и *ляп* – это звукоподражательные слова (слова *тяпать* и *ляпать* обозначают в народной речи обтесывание топором бревна, полена)²³. Звукоподражание входит в состав и ФЕ *на фуфу* (*фу* ‘короткий звук, издаваемый при тушении или охлаждении чего-то’). В польском языке ономотопеическую метафору представляет собой *na patataj* (‘возглас, сопровождающий верховную езду’) и *na odtrąbiono* (*odtrąbić* – это издать звук, напр. завершения работы, какого-то действия). Отметим, что в русском языке употребляется глагол *оттрубить*, однако он, в отличие от польского *odtrąbić* обозначает ‘провести какое-то время, занимаясь трудной, малоинтересной, надоедливой и т.п. работой’ (БТС).

Поскольку *lebek* является выступающей вперед оконченностью чего-то, ФЕ *robić coś po lebkach* обозначает не просто ‘делать что-то кое-как’, а ‘поверхностно’. Признак «поверхностно» актуализируется также в ФЕ *скользить по поверхности* и *ślizgać się po powierzchni czegoś* ‘nie wnikać w istotę czegoś, traktować coś bardzo powierzchownie’ (SWJP), а также *скользить по верхам* ‘о неглубоких знаниях’ (БТС), которые лишь опосредованно связаны с трудом.

В свою очередь, в ФЕ *na hura* и *na łapi-sapi* (*na łapi, sapi, na łapisapi, na łap-sap*) небрежность в выполнении работы связана с тем, что она выполняется лишь бы успеть, наспех, необдуманно.

В польском фразеологическом фонде встречаем также устойчивое выражение *robić coś od niechcenia*, в котором на первый план выдвигается то, что кто-то не проявляет должного внимания к выполняемой задаче, не уделяет ей достаточно времени.

К фразеосемантической группе ‘небрежное выполнение работы’ можно отнести также УС *делать что-то как сапожник* ‘выполнять какую-то работу плохо, неумело, на уровне грубого ремесла’ (СУСРЯ).

О никудышном работнике, неумелом, неловком в работе в русском языке говорится *из кого-то работник как из чего-то пуля* (эвфемистический вариант *как из говна пуля*). В польском языке встречаем вульгарную ФЕ *z kogoś [jest] (ktoś) jak z koziej dupy trąba*. Человек уподобляется здесь несуществующему объекту.

²³ *Большой фразеологический словарь...*, с. 704.

3.10. Фразеосемантическая группа ‘отсутствие заработка’

Положительно оценивается трудовая деятельность, осуществляемая ради финансового вознаграждения, так как труд является средством зарабатывания на жизнь (*жить трудом своих рук, zdobyć coś dziesięcioma (pięcioma) palcami, żyć z pracy własnych rąk*). В ФЕ как русского, так и польского языков осуждается ситуация, когда человек за свой труд не получает денежного вознаграждения. Сюда можно отнести следующие ФЕ: *за [одно] спасибо работать (сделать что-то), за так, за палочки работать, robić coś za [jedynę] Bóg zapłać (za Panie Boże zapłać)*.

Следует обратить внимание на то, что ФЕ *за палочки работать* ‘работать даром, без оплаты труда’ (ТСРЯ) является национально-маркированной. Для того чтобы установить ее мотивацию, требуется знание специфики советской действительности – в колхозах было принято вертикальной черточкой отмечать в ведомости каждый трудодень (результатом работы были не деньги, а лишь палочки-трудодни).

Судя по небольшому количеству ФЕ этой группы, признак «заработок» находится на периферии семантического поля «труд» в обоих языках.

3.11. Фразеосемантическая группа ‘присвоение результатов чужого труда’

Во многих русских и польских ФЕ подчеркивается, что не тот, кто работает, будет пользоваться результатами своего труда, он лишь средство реализации целей кого-то другого.

Проиллюстрируем сказанное конкретными примерами. В ФЕ обоих языков появляется компонент *чужой*, т.е. не свой: *жить за чужой спиной, сидеть (жить, быть) на чужой шее, на чужом горбу (хребте, на чужих горбах) в рай въезжать (въехать, ехать), на чужом горбу прокатиться (прокататься), чужими руками делать что-то, чужими руками жар загребать, [даром] есть чужой хлеб* и *[darmo] jeść czyjś chleb* (роль определения *чужой* выполняет здесь местоимение *czyjś*), *na cudzych plecach, cudzymi rękami żar grzebać, wyciągać (wybierać, wyjmować) kasztany z ognia cudzymi rękami*. В этих примерах содержится образное представление о безвозмездном и недобросовестном использовании чужого, т.е. не своего труда в интересах кого-то другого. Чужой горб, спина, хребет и чужие руки, являющиеся в данном случае объектами, с помощью которых осуществляется та или иная

трудовая деятельность, обозначают человека как исполнителя действия. Чужой хлеб, в свою очередь, предстает как результат труда, что отражено в приведенных уже ФЕ [даром] *есть чужой хлеб*, [darmo] *jeść czyjś chleb*, а также в ФЕ *być (żyć) u kogoś na laskawym chlebie, jeść u kogoś (gdzieś) laskawy chleb*. Стоит добавить, что последний русский и польский примеры выявляют отраженный в их образной структуре архетип хлеба как символа жизни, благополучия, материального достатка²⁴. В прежнее время хлебопашество было главным занятием русских и поляков (кстати, как и представителей многих народов), а хлеб особо почитался ими.

Человек, которого использовали ради целей другого, лишен чего-то ценного, без которого его организм не в состоянии функционировать, т.е. крови или, пользуясь метафорой, соков (ФЕ *высасывать / высосать (всю, последнюю) кровь из кого-то, выжимать (жать, тянуть, сосать и т.п.) сок ([все, последние] соки) из кого-то, пить (сосать) кровь чью, wysysać krew z kogoś, wyciskać z kogoś wszystkie (ostatnie) soki*).

В русской и польской лингвокультурах даже указано, кто может лишать человека крови. Живущий за счет другого сравнивается носителями русского языка с гематофагами, т.е. с питающимися кровью человека насекомыми, клещом, клопом, а также с пиявкой (*впиваться в кого-то (присасываться к кому-то, сосать (пить) кровь из кого-то) как клещ (клоп, пиявка)*). В польском языковом представлении такой человек уподобляется лишь пиявке (*ssać kogoś jak pijawka*).

Помимо крови, человек может быть лишен еще пота (*согнать семь потов с кого-то, wycisnąć z kogoś siódme (ostatnie) poty*) либо дыхания (*wycisnąć z kogoś ostatni dech (ostatnią parę)*), что является отличительной чертой польского языкового сознания.

Подвергнутый эксплуатации человек, у которого не осталось сил, чтобы продолжать заниматься трудовой деятельностью, напоминает лимон, из которого выжали сок (*выжатый лимон, выжать кого-то как лимон, wyciskać / wycisnąć kogoś jak cytrynę*) либо губку, из которой выжали воду (*выжимать / выжать кого-то как губку, wycisnąć kogoś jak gąbkę*). В составе этих УС находим глаголы физического воздействия на объект.

В русском и польском языковом сознании человек, которого используют, уподобляется также корове (*доить кого-то как корову, doić kogoś jak mleczną krowę*),

²⁴ *Славянские древности*. Т. 2: Д-К, ред. Н.И. Толстой, Москва 1999, с. 191–196.

лошади (*ездить на ком-то как на лошади, orać w kogoś jak w łysego konia*), а точнее самке лошади (*jechać / jeździć na kimś jak na łysej kobyle*). Отметим, что в первом русском и польском примерах результатом труда, «молоком», чаще всего бывают деньги, а способ эксплуатации является особенно бесстыдным (*doimь* в переносном смысле обозначает 'неограниченно пользоваться чьими-то материальными средствами, извлекать из кого-то, чего-то максимальную выгоду для себя' (БТС)). Определение *łusy* 'без шерсти, облезлый от старости' в УС *jechać / jeździć na kimś jak na łysej kobyle* и *orać w kogoś jak w łysego konia* используется не случайно. С его помощью создается некий образ: сверх своих сил принуждают работать животное старое, а следовательно, слабое и непригодное. Поэтому эти УС содержат усиленно негативную оценку. Однако эта оценка зависит и от того, кто оценивается (тот, кто присваивает себе результаты чужого труда, либо тот, кого так используют). К объекту, который подвергается эксплуатации, посредством определения *łusy* выражается сочувственное отношение (ср. также: *wsiąść na kogoś jak na łusą kobyłę 'zacząć kogoś ostro krytykować, często bez powodu'* (ISJP)). Еще другой любопытный пример. Преимущественно о жене, которая паразитически эксплуатирует мужа, русские говорят, что она *оседлала его как лошадь*.

Семантическую группу 'присвоение результатов чужого труда' образуют еще ФЕ *снимать / снять пенки (пенку) с чего-то* и *spijać śmietankę*. В их образе заложено, что тот, кто будет пользоваться плодами чужого труда, заинтересован не в чем попало, а отбирает себе самое лучшее.

В ФЕ *на [чужого] дядю (для дяди) работать, для дяди делать что-то 'работать, делать что-то без выгоды для себя'* (БТС), в свою очередь, особенно подчеркивается, что лицо, которое будет пользоваться результатами чужого труда, неизвестно.

Стоит обратить внимание на то, что в русской и польской лингвокультурах человек используется для осуществления конкретной тяжелой обыденной работы (напр., упомянутая уже ФЕ *чужими руками жар загребать*, а также [*заставить*] *таскать (доставать) каштаны из огня для кого-то, воду возить на ком-то* (редукция поговорки *na serditych воду возят*), *wyciągać (wybierać, wyjmować) kasztany z ognia cudzymi rękami*), т.е. абстрактная деятельность осмысливается через конкретную.

Отметим, что ФЕ [*заставить*] *таскать (доставать) каштаны из огня для кого-то* и *wyciągać (wybierać, wyjmować) kasztany z ognia cudzymi rękami* – это

примеры ФЕ, восходящих к произведениям мировой литературы, в данном случае к басне Ж. Лафонтена «Обезьяна и Кот». Источником еще одной ФЕ этой группы (*и*) *мы пахали* 'о тех, кто приписывает себе результаты чужого труда' (ТСРЯ) является, в свою очередь, произведение русской литературы, басня И.И. Дмитриева «Муха». Сюда же можно отнести и русскую ФЕ библейского происхождения *жнет, где не сеял*, употребляемую в том же значении («Ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал» (Мат. 25:24), «...берешь, чего не клал, и жнешь, чего не сеял» (Лук. 19:21)).

К данной группе можно отнести также ФЕ *перекладывать / переложить* (*сваливать / свалить, взваливать / взвалить*) *что-то на плечи кого-то (чьи-то, кому-то)* и *przerzucić / przerzucić (składać / złożyć, zwałać / zwalić) coś na czyjeś barki* в значении 'освобождая себя или кого-то (от работы, ответственности, заботы и т.п.), обременять этим другого'. Во всех примерах труд ассоциируется с предметом, обременяющим человека.

Рассмотренные русские и польские ФЕ подтверждают, что человек, ведущий паразитический образ жизни, подвергается общественному осуждению.

3.12. Фразеосемантическая группа 'выполнение ненужной, лишённой смысла работы'

Любая работа должна иметь смысл, т.е. какое-то разумное основание, назначение, определенную цель, должна приносить желаемый, видимый результат. Поэтому обратная ситуация, бессмысленность и безрезультативность выполняемой работы, оценивается резко негативно носителями русского и польского языков. Это нашло свое отражение в следующих ФЕ: *бег на месте, бочка (работа) Данаид, возить воду в колодец, возить дрова в лес, ездить в Тулу со своим самоваром (в Тулу со своим самоваром не ездят), мартышкин труд, носить (таскать) воду в решете, переливать (пересыпать) из пустого в порожнее, разгонять облака руками, решетом воду носить (таскать, черпать), сизифов труд, сизифова работа, толочь воду [в ступе] и *beczka (praca) Danaid, Danaidowy trud (wysilek), kręcić bicz (bicie) z piasku, lać wodę do dziurawego naczynia (do naczynia bez dna), młócić sieczkę, nie jeździ się z samowarem do Tuły, przelewać z pustego w próżne, czerpać (nosić) wodę sitem (rzeszotem, przetakiem), wozić drewno (drzewo, szyszki) do lasu, wozić wodę do studni (do morza), zawracać kijem Wisłę*. Как видим, в ФЕ подчеркивается факт, что*

кто-то доставляет что-то (воду, дрова, самовар) туда, где того и без этого достаточно много, либо предпринимает действия, заведомо обреченные на неудачу (из-за несоответствия действия и объекта, т.е. использования предмета, непригодного для данной работы, напр., дырявого, без дна или сыпучего материала). К подобному выводу, анализируя ФЕ *решетом воду носить*, приходят А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский. По их мнению, «с семантической точки зрения совершенно несущественно, какую воду и какое решето представляют себе при этом те или иные носители русского языка и представляют ли они себе что-либо вообще. Важно общее для всех знание о том, что решето является непригодным для ношения воды инструментом»²⁵. Любопытно отметить, что все указанные примеры выражают прагматизм и реализм человеческого мышления²⁶.

В основе многих ФЕ лежат обыденные бытовые действия, такие, как наливание воды в сосуд, равно как и менее в настоящее время типичные – ношение воды в ведрах, толчение зерен в ступе, молотьба сечки.

В ФЕ *młócić sieczkę* подчеркивается относительно невысокая ценность осуществляемой работы, поскольку *sieczka* ‘мелко нарубленные сухие стебли злаков, оставшиеся после обмолота зерна’ особенно ценной не представляется. Данная ФЕ относится как к бесплодной и бесцельной трудовой активности, так и к бессмысленному говорению, нудному повторению одного и того же (ср. рус. ФЕ *перезевывать жвачку* в том же значении). Таким образом, тесная ассоциативная связь объединяет болтовню с бесполезной работой.

Остановимся подробнее на ФЕ *переливать (пересыпать) из пустого в порожнее* и *przelewać z pustego w próżne*. Эти единицы, так же как *młócić sieczkę*, используются не только для характеристики бестолкового процесса работы, но и для обозначения бессодержательных разговоров. В них представление о бесполезном деле либо болтовне эксплицируется через синонимические слова *пустой* и *порожний*, обозначающие ‘ничем не наполненный, не заполненный’. Значение бессмысленности усиливает еще и то, что действие совершается над несуществующим объектом.

На основании приведенных примеров можно прийти к заключению, что данная фразеосемантическая группа содержит немало национально маркированных

²⁵ А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, *Аспекты теории фразеологии*, Москва 2008, с. 112–113.

²⁶ А. Pajdzińska, *Głową muru nie przebijesz, czyli „filozofia życia” utrwalona w polskiej frazeologii*, „Przegląd Humanistyczny” 1994, nr 2 (323), s. 89.

единиц. Чтобы раскрыть их смысл, требуется знание реалий, типичных для той или иной страны, либо знание литературных произведений.

Примером такой национально маркированной ФЕ для русского языка является *ездить в Тулу со своим самоваром* (*в Тулу со своим самоваром не ездят*) с компонентом-астионимом *Тула* (город в России, в котором производят лучшие самовары) и названием бытового предмета, этнографической реалии *самовар* (ср. также ФЕ английского языка с астионимом *Ньюкасл* (английский город, богатый углем) *to carry (take) coals to Newcastle* (букв. везти уголь в Ньюкасл) и испанского языка с астионимом *Милагро* (эквадорский город, где выращивают ананасы) *para que llevar pinas a Milagro* (букв. везти ананасы в Милагро)). В польском фразеологическом фонде встречаем заимствованную из русского языка ФЕ *nie jeździ się z samowarem do Tuły*, однако из-за того, что она содержит компоненты, специфические для России, а не для Польши, многим современным носителям польского языка она покажется непонятной.

Помимо ФЕ *ездить в Тулу со своим самоваром* (*в Тулу со своим самоваром не ездят*) и *nie jeździ się z samowarem do Tuły*, для обозначения бесплодной, к тому же не имеющей конца работы, употребляются также ФЕ мифологического происхождения, такие, как *бочка (работа) Данаид*, *beczka (praca) Danaid, Danaidowy trud (wysilek)* (вечное наполнение бездонной бочки в аду) и *сизифов труд*, *сизифова работа*, *syzyfowa praca* (вечное вкатывание тяжелого камня на гору)²⁷.

К данной семантической группе относятся также ФЕ *мартышкин труд* (катание большого чурбана) ‘совершенно бесполезная и ненужная работа’, источником которой является басня И.А. Крылова «Обезьяна», и получившая распространение благодаря песни В.С. Высоцкого «Утренняя гимнастика» ФЕ *бег на месте* ‘о деятельности, не приносящей результатов’ (БТС) (ср. *топтание на месте*). Литературное происхождение имеет также упомянутая уже ФЕ *kręcić bicz (bicie) z piasku*, которая восходит к балладе А. Мицкевича «Пани Твардовская».

Бессмысленность выполняемой работы проявляется также в том, что человек пытается сделать то, что уже сделано. Здесь примером могут послужить ФЕ

²⁷ Интересные замечания относительно труда Сизифа делает российский историк-медиевист А. Гуревич: «Wizja Syzyfa wtaczającego bez przerwy swój kamień na szczyt góry po to, aby ten natychmiast stoczył się z powrotem, mogła powstać tylko w społeczeństwie, dla którego praca była jedynie karą» (А. Гуревич, *Kategorie kultury średniowiecznej*, przeł. J. Dancygier, Warszawa, 1976, s. 218 cyt za: W. Korcz, *Problem pracy a miejsce człowieka w społeczeństwie. Poglądy na pracę w polskim Oświeceniu*, Warszawa–Poznań 1983, s. 18).

wydumywać perpetuum-mobile, ломиться в открытую дверь и wymyślać perpetuum mobile, wywazać otwarte drzwi.

3.13. Фразеосемантическая группа ‘отсутствие желания трудиться, пребывание в праздности’

Очень большая группа ФЕ, раскрывающих содержание концепта «труд», в русском и польском языках представлена значением ‘отсутствие желания трудиться, пребывание в праздности’. В силу своей многочисленности данная группа может восприниматься не только как одна из составляющих интересующего нас концепта «труд» (по количеству прилагаемых усилий), но и как отдельный концепт, находящийся к нему в оппозиции.

ФЕ, содержащие в своей семантике характеристику человека по его желанию / нежеланию трудиться, могут быть разделены на две подгруппы. Первую из них образуют ФЕ, характеризующие активного бездельника. Активный бездельник делает только вид, что работает, однако такая имитация трудовой деятельности требует от него немалой активности. Во всех ФЕ этой подгруппы актуализируется негативное, пренебрежительное отношение к труду. Во второй подгруппе презирается и осуждается пассивный бездельник, которому трудно сделать даже малейшее усилие.

В ФЕ, характеризующих бездельника, пытающегося создать видимость работы, реализуется пресуппозиция «мог бы работать, однако не работает», т.е. активность бездельника не проявляется в должном виде (в работе), он тратит лишь свои силы и время впустую. Сказанное можно проиллюстрировать на примере следующих ФЕ, в которых:

- псевдодеятельность требует затраты физических сил: *gruши [с дерева] околачивать, голубей гонять, лодыря гонять, мух ловить, плевать (поплевывать) в потолок, слонов гонять, собакам сено косить, łapać muchy, pluć i łapać, zbijać bąki;*
- псевдодеятельность требует затраты умственных сил, в частности выполнения математических действий: *считать ворон (галок, мух), считать звезды, liczyć muchy na suficie.*

Приведенные ФЕ, за исключением *лодыря гонять* и *zbijać bąki*, обладают прозрачной внутренней формой. По одной из версий, ФЕ *лодыря гонять* возникла

на основе исторического анекдота о московском враче Х.И. Лодере, лечившем от ожирения утомительными прогулками по своему саду²⁸. Затемненную внутреннюю форму ФЕ *zbijać bąki* можем пояснить отсылкой к речи охотников, в которой *bąk* – это вид цапли, мясо и перья которой не имеют никакой ценности, к тому же трудно к этой птице подкрасться, и поэтому незачем по ней стрелять²⁹. Отметим также, что ФЕ *считать ворон (галок, мух)* в своей семантике содержат не только характеристику бездельника, но и рассеянного, невнимательного человека. А ФЕ *считать звезды*, помимо значения ‘бездельничать’, обозначает ‘беспочвенно мечтать о чем-то’ (БТС).

Русский бездельник к тому же старается скрыть свое пустое времяпрепровождение с помощью какого-то развлекательного занятия:

- забавы с детской игрушкой-неваляшкой (ванькой-встанькой): *валять (ломать) дурака (дурочку, ваньку)*;
- игры в бабки: *собак гонять* (здесь *собака* обозначает бабку ‘палку, коею гоняют сучку, т.е. шар в игре’³⁰);
- игры в бирюльки: *играть в бирюльки*;
- игры в городки: *бить баклуши* (здесь *баклуша* в значении ‘чурка для игры в городки, которую сбивали другой деревянной палкой’).

Необходимо отметить, что первоначально ФЕ *бить баклуши* не употреблялась в значении ‘праздно проводить время, бездельничать’, а обозначала ‘заниматься легким, пустячным делом, не требующим особого умения’. Баклуши, т.е. чурки, болваны, приготовленные для токарной выделки щепеной посуды, чашки, стояка, ложки, били (разрезали) лесники и подмастерья, в то время как опытные мастера выполняли более сложную работу³¹.

Псевдодеятельностью является и болтовня, которая в силу своей бесполезности также может в некоторой степени приравниваться к безделью (ср. ФЕ *лясы (балясы) точить*, в основе которой лежит несложная работа; *балясина* ‘точеный столбик перил, ограды’ (ТСРЯ) и *mówić (pleść) koszalki-opalki; koszalka* является синонимом *opalki* и в старопольском языке они обозначали корзину,

²⁸ В.М. Мокиенко, *Славянская фразеология*, Москва 1980, с. 139.

²⁹ J. Krzyżanowski, *Mądrej głowie dość dwie słowie. Pięć centuruj przysłów polskich i diabelski tuzin*. Т. 1: *od Abrahama do kleryka*, Warszawa 1975, s. 81.

³⁰ А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, *Словарь русской фразеологии...*, с. 536.

³¹ Подробнее о разных историко-этимологических интерпретациях ФЕ *бить баклуши* см.: А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, *Словарь русской фразеологии...*, с. 39–40; А.М. Молдован, «...Вот рыскают по свету, бьют баклуши...», «Русская речь» 2007, № 2, с. 113–116.

короб, лукошко). В том же значении, что *mówić (pleść) koszalki-opalki* употребляется и ФЕ *pleść androny*, история возникновения которой является весьма интересной. Она вошла в языковой обиход благодаря стихотворению Я. Бжехвы «Androny», в котором *androny* – это корзины из луба. Пустой разговор может также являться лишь простым подражанием речи, что отразилось в русской ФЕ *разводить тары-бары*.

Активным бездельником является и ходящий туда-сюда без видимого дела человек, что нашло отражение в таких ФЕ, как *гранить мостовую, слоны (слонов) слонять, протирать [зря] штаны, lazić (chodzić, wałęsać się) z kąta w kąt, szlifować (zbijać, obijać) bruki, obijać się po bruki*. Глаголы, входящие в состав этих ФЕ, предусматривают движение, а движение непосредственно связано с деятельностью, однако в данном случае деятельность направлена на несоответствующий объект. *Слоны (слонов) слонять* представляет собой тавтологическую ФЕ, так как *слон* является дериватом от глагола *слоняться* ‘ходить, бродить взад и вперед, обычно без цели, без дела’ (БТС). Стоит также обратить внимание на то, что *chodzić z kąta w kąt* можно и от лени, и от волнения.

Результатом долгого пребывания в лежачем положении является ожирение (ФЕ *лопаться / лопнуть от (с) жиру, с жиру беситься*). Стереотипный бездельник – это, прежде всего, ожиревший, ведущий малоактивный образ жизни, атрибутом которого выступает большой живот. В то же время справедливо здесь заметить, что подобная мотивация является в некоторой степени упрощенной. Обращение к этимологическим данным позволяет установить, что слово *жир* используется в данном случае не в общеупотребительном значении ‘сало’, а в значении, в котором оно функционировало в старославянском и древнерусском (*жирь* ‘богатство, достаток, избыток, роскошь’). Накопление жира в организме может быть результатом чрезмерного поглощения пищи, а еда, как известно, всегда служила характеристикой, говорящей о степени материального достатка.

Для определения человека, долгое время пребывающего в праздности, в русском языке используется также тавтологическое сочетание *лежнем лежать*, ФЕ *лежать кверху пузом (брюхом, животом), лежать как байбак, лежать (развалиться) как корова (коровой)*, а в польском – *leżeć do góry brzuchem (pępkim), leżeć [martwym (obojętnym)] bykiem*. Польский пример *leżeć [martwym] bykiem*, на наш взгляд, особенно интересен благодаря факультативному компоненту *martwy*, так как в семантике этого слова уже заложено отсутствие возможности осуществить даже

малейшее усилие, неспособность работать. Зооним *krowa* актуализирует значение ‘лениться’ лишь в ненормативном компаративном фразеологизме *leżeć jak krowa na wusiągu*.

Помимо лежачего положения, пассивный бездельник принимает также сидячее положение, что нашло свое отражение в ФЕ *просиживать [зря] штаны, сидеть как именинник (именинником, именинница, именинницей, как (у тети) на именинах), сидеть сложа руки* и *siedzieć z założonymi rękami (rękoма)*. Последний русский и польский примеры представляют собой жестовые ФЕ, в них оказывается более важным не то, что человек сидит, а то, что он делает (не делает) со своими руками. Значение рассматриваемых ФЕ мотивировано позицией рук, обозначающей отказ, нежелание работать. Руки неподвижны, что также указывает на безделье. В русском фразеологическом фонде встречаются варианты ФЕ *сидеть сложа руки – ждать сложа руки*, а польском для *siedzieć z założonymi rękami – czekać z założonymi rękami* и *przyglądać się z założonymi rękami*.

В ФЕ русского языка зафиксирована также другая поза, в которой невозможно работать. О человеке, ничем не занятом, бездельнике, т.е. не использующем своих рук в качестве орудия какого-то действия, говорится (*заложил*) *руки в брюки (в карманах, в карманы)*. Отметим также, что компоненты ФЕ *руки в брюки* связаны рифмой.

Польский бездельник, в свою очередь, не в состоянии работать, потому что его рукам что-то мешает, ср.: *mieć (nosić) piasek (piach) w rękawach, mieć ręce palcami zajęte*.

Согласно толковому словарю русского языка, *рука* – это ‘верхняя конечность человека от плечевого сустава до кончиков пальцев’ (БТС). В состав интересующих нас ФЕ, вербализующих концепт «труд», вошел не только соматизм *рука* как таковая, но и соматизмы, обозначающие ее составные части – *плечо, локоть, палец*. Как замечает Г.В. Токарев, плечо представляется тем местом, куда «забирается» работа, локоть характеризует стандарт хорошего выполнения работы, достаточной меры сил, направленных на ее осуществление, а палец, в свою очередь, указывает на полное бездействие, наименьшие физические затраты³².

В сознании носителей как русского, так и польского языков палец является символом отсутствия трудовой деятельности, о чем свидетельствуют следующие

³² Г.В. Токарев, *О базовых образах выражения трудовой деятельности*, «Русский язык в школе» 2003, № 4, с. 77.

ФЕ: [u] палец (пальца, пальцем) о палец не ударить, [u] пальцем не двинуть (не шевелить, не пошевелить, не шевельнуть, не пошевелинуть), *nie kiwnąć (ruszyć) palcem [w bucie], palcem niczego nie tknąć, palcem o palec nie stuknąć (nie ruszyć)*. Основой образования приведенных примеров послужила многоступенчатая метонимия: палец – рука – движение – деятельность³³. Исключением является польская ФЕ с факультативным элементом *w bucie*, в которой этот компонент еще больше усиливает состояние ничегонеделания, поскольку человеку лень сделать малейшее усилие не только пальцем руки, являющейся органом труда, но и ноги. В польском языке ФЕ *nie kiwnąć palcem w bucie* функционирует и без отрицания, обозначая в этом случае псевдодеятельность, от которой нет никакой пользы (ср. пример употребления ФЕ *kiwnąć palcem w bucie* в «Słowniku leksemów potocznych» под ред. В. Лубаśа: «... Ależ zauważ, że ja jednak kiwam palcem w bucie, a dopiero niekiwanie jest symbolem lenistwa ...»³⁴).

Значение ‘избегать труда’, мотивированное отсутствием ненужного, по мнению субъекта деятельности, движения конечностей, развивается и у ФЕ *лишнего шагу не делать / не сделать*. Человек старается *лишнего шагу не делать / не сделать* не только из лени, но и из эгоизма, корыстолюбия.

В польском языковом представлении труд – это также (хотя и иронически) что-то, приносящее стыд, позор. Бездельником является тот, кто не осквернил себя работой (*nie hańbić / zhańbić się [nigdy] pracą, nie splamić się [nigdy] pracą*).

Только в польском языке лень воспринимается также как болезнь, причем эта болезнь является несуществующей, мнимой (*być chorym na lenia, chorować na lenia*). Болезнь становится своего рода отговоркой, чтобы не работать.

Еще одним показательным примером УС, в которых находим оправдание безделью могут служить такие сравнительные обороты, как *быть (сидеть, стоять) как в гостях* и *urodzić się w niedzielę*. Оправдание своему поступку, а скорее его отсутствию нашло свое отражение и в упомянутом уже УС *сидеть как именинник (именинником, именинница, именинницей)*. Именины – это праздник, отмечаемый раз в году, воскресенье – выходной, свободный от работы день, в гостях также никто не работает.

³³ Большой фразеологический словарь..., с. 252.

³⁴ Słownik leksemów potocznych. T. 4: K-L, red. W. Lubaś, Kraków 2006, s. 139.

Работать не обязан также барин, поэтому в русском языке появились УС *лежать* (*развалиться, разлечься, рассестся, сидеть*) как *барин* (*барыня*) или *барином* (*барыней*). Как *барин* (*барыня*) сочетается также с глаголом *жить*.

В состав фразеосемантической группы ‘отсутствие желания трудиться, пребывание в безделье’ входят также УС с названиями целого ряда животных. В русском языковом сознании ленивый человек уподобляется борову (*ленивый как боров*), корове (*ленивая как корова*), мерину (*ленив* (*ленивый*) *как сивый мерин*), ослу (*ленив(ый) как осел, как ленивый осел*), тюленю (*ленив* (*ленивый*) *как тюлень*). Отметим, что в сознании носителей русского языка мерин, кастрированный жеребец, ассоциируется не только с ленью, а может быть и в первую очередь, с беззастенчивым враньем и глупостью (*врет, глуп как сивый мерин*). Человек может быть не только *ленив(ый) как тюлень*, но и *неповоротлив(ый) как тюлень* ‘о малоподвижном, неуклюжем и полном человеке’ (ССРЯ). Как *боров* человек может быть также *большой* (*громадный*) ‘о массивном, чрезмерно большом человеке’, *жирный* ‘об очень жирном, тучном, чрезмерно раскормленном человеке’, *толстый* ‘о непомерно толстом, раскормленном человеке’ (ССРЯ). В русском фразеологическом фонде встречается еще УС с компонентом-орнитонимом *клуша* (*клуша* – народн.-разг. обозначение курицы-наседки) ‘о неуклюжей, неповоротливой, нерасторопной, часто ленивой и полной женщине’ (ССРЯ). На основании этих примеров можно сделать вывод о том, что между ленью и ожирением, полнотой, неповоротливостью существует ассоциативная связь.

В польском материале мы не обнаружили УС с компонентом *foka, kwoka, osioł, walach, wieprz*, реализующих значение, связанное с отсутствием трудовой деятельности. *Osiol*, как было уже показано, выступает эталоном глупости и упрямства, *kwoka* поляки говорят о слишком заботливой, надоедливой, брюзгливой женщине, *wieprz* стереотипно связывается с полнотой (*gruby jak wieprz, najeść się jak wieprz, utuć jak wieprz*). Остальные зоонимы в УС вообще не используются, они вызывают скорее ассоциации с миром природы.

Для передачи нежелания работать носители польского языка используют УС *chce się komuś robić jak psu orać* или *jak psu tańczyć*. Иначе говоря, выполнять действия, совершенно не свойственные собаке. Собаке в языковом сознании поляков свойственна лень, подтверждением чему может служить устаревшее уже обозначение лентяя, бездельника *pies na robotę*.

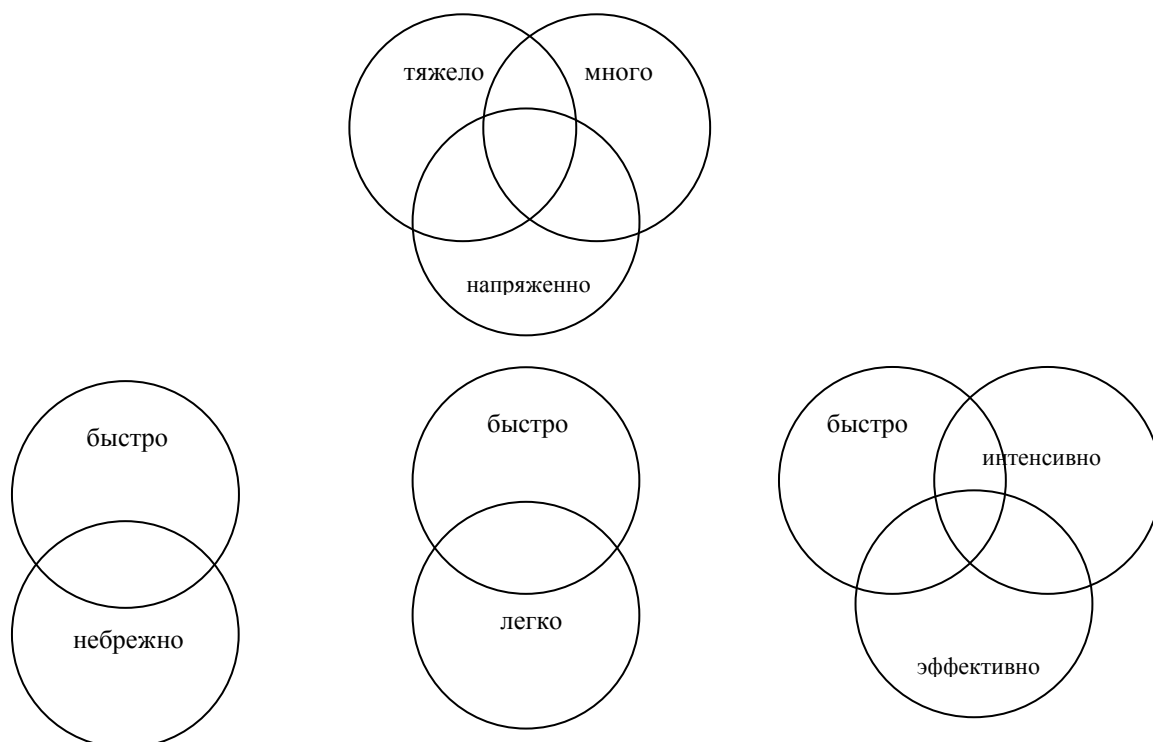
В сознании носителей русского и польского языков активный бездельник отождествляется также с машиной на холостом ходу (ФЕ *wrzucić jałowy bieg*, *работать на холостом ходу*).

Рассмотрим еще один пример, принадлежащий к фразеосемантической группе 'отсутствие желания трудиться, пребывание в праздности'. Русская ФЕ *небо коптит* интересна тем, что в ее основе лежит противопоставление «жизни – горения» и «смерти – угасания». Тот, кто ведет праздный, пассивный образ жизни, тускло и смрадно тлеет, и, наоборот, горит тот, у кого есть цель в жизни, кто активно действует, принося пользу другим³⁵. В этом фразеологизме содержится оценка всей жизнедеятельности человека (лень – постоянное его свойство), в отличие от ранее проанализированных примеров, в которых оценке подвергается поведение человека в конкретной ситуации.

Анализ языкового материала позволяет прийти к следующим выводам:

1. В обоих рассматриваемых языках выделяются те же самые фразеосемантические группы, что, несомненно, свидетельствует об универсальности труда. Преобладающее большинство сходств в способах его восприятия уходит корнями в универсальную базу человеческого опыта. В языковом сознании носителей русского и польского языков находят свое отражение общие характеристики трудовой деятельности: ее темп (быстро – медленно), качество (хорошо – плохо), количество вкладываемых усилий (много – мало – ничего). Среди фразеосемантических групп самыми многочисленными в русском и польском языках оказались 'выполнение тяжелой изнурительной работы', 'большой объем работы', 'отсутствие желания трудиться, пребывание в праздности'.
2. Многие ФЕ изучаемых языков находятся в зонах пересечения семантических групп, провести четкую границу между этими группами иногда трудно. Признаки, закрепленные за той или иной ФЕ, выступают не изолированно, а дополняют друг друга. Наглядно это можно показать на рисунке:

³⁵ *Большой фразеологический словарь...*, с. 476–477.

3. В качестве зависимых компонентов наибольшей фразообразовательной активностью отличаются соматизмы, поскольку «человек по свойству тела изображает себя в языке своем»³⁶ и опирает свои ассоциации на то, что ему хорошо знакомо и постоянно при нем. Как в русском, так и в польском языках обнаруживается немало ФЕ с соматизмами, прежде всего с компонентом *рука / ręka*. Все инструменты, устройства, машины изобретались в ходе развития цивилизации с целью удлинить, усовершенствовать либо заменить руку человека³⁷. Именно руку можно считать ведущим орудием труда (прежде всего физического). Помимо руки, компонентом ФЕ являются практически одни и те же соматизмы. Это вполне объяснимо, ведь анатомия носителей русского языка ничем не отличается от анатомии говорящих на польском языке. Кроме соматизмов, компонентами ФЕ довольно часто выступают зоонимы. (Не)трудящийся человек регулярно сравнивается с животными. При этом отдается предпочтение тем представителям животного мира, которые находятся в непосредственном окружении человека. Эталонами в русской и польской лингвокультурах при этом могут быть животные разные (напр., *осел*).

4. Исследование образных составляющих в семантике ФЕ дает возможность выделить помимо общего, интернационального, и национально-индивидуальное

³⁶ Цит. по: М. Алекеенко, М. Хорды, *Фразеосемантическая группа с соматизмом голова / głowa в современных русском и польском языках*, [w:] *Słowotwórstwo, semantyka i składnia języków słowiańskich*. Т. 1, red. М. Blicharski, Н. Fontański, Katowice 1999, s.167.

³⁷ А. Кравczyk-Турпа, *Frazeologia somatyczna w gwarach polskich: związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała*, Wrocław [etc.] 1987, s. 98.

в представлениях о трудовой деятельности у носителей русского и польского языков. В языковом материале нашло также свое подтверждение то, что «во фразеологии обнаруживаем россыпи элементов самых различных жанров словесного творчества»³⁸. Семантические группы образуют многие ФЕ библейского, мифологического происхождения. Встречаются также ФЕ, восходящие к произведениям русской и, соответственно, польской литературы. Многие ФЕ оказываются национально маркированными также и потому, что чтобы понять их семантику, необходимо знать историю данной страны. Такие ФЕ довольно часто не обладают прозрачной внутренней формой. Как замечает С. Бомба, «dzisiejsza frazeologia to swoisty lamus językowy, rupieciarnia języka, w której znalazły schronienie wszelkie przeżytki odporne na dokonujące się przeobrażenia w strukturze języka, nie poddające się ewolucji języka, zastygłe w tej postaci, w jakiej się utrwaliły z chwilą pojawienia się w obiegu»³⁹ (*баклуши, koszalki, opalki*). Семантика ФЕ как нельзя ярче отражает национально обусловленную специфику.

³⁸ М. Алексеенко, *Типы русско-украинских фразеологических соответствий (транслатологический аспект)*, [w:] *Z badań nad współczesnymi językami wschodniosłowiańskimi i polskim*, red. B. Tichoniuk, Zielona Góra 2001, s. 8.

³⁹ S. Bąba, *Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny*, Poznań 1989, s. 11.

Глава IV. «Труд» в языковом сознании носителей современного русского и польского подстандарта¹

В настоящей главе предметом описания, направленного на выявление общих закономерностей, сходств и различий в восприятии трудовой деятельности в современной русской и польской лингвокультурах, будут лексемы и фразеологизмы, остающиеся за пределами литературной нормы. Последние десятилетия ознаменовались широкой демократизацией речи, падением общего культурного уровня как в России, так и в Польше. Стала возрастать роль молодого поколения в современном обществе. Ненормативные единицы начали активно употребляться в средствах массовой информации (преимущественно в Интернете), кинофильмах, произведениях художественной литературы, составляя немалую часть лексикона современного человека. Ощущая необходимость целостного и объективного описания интересующего нас фрагмента ЯКМ, постараемся показать, что подстандарт, в частности общий и молодежный сленг, определенным образом отражает мировоззрение (менталитет) современного социума, систему ценностных приоритетов носителей русского и польского языков. К общему сленгу мы относим слова и фразеологизмы, узнаваемые и/или употребляемые не только представителями той или иной субкультуры (напр., языком молодежной субкультуры пользуются и те, кого в силу их возраста молодежью назвать нельзя). Здесь еще раз в нашем исследовании подчеркнем, что граница между разговорной речью, просторечием и сленгом довольно тонка, и подобное деление в определенном смысле условно, потому что нередко разговорная речь, просторечие и сленг пересекаются, накладываясь друг на друга. В речи старшего поколения, к примеру, уже прочно закрепилось широко распространенное среди молодежи слово *халява*, которое, согласно В.М. Мокиенко, представляет собой украинский

¹ Часть материала, представленного в данной главе, была опубликована ранее в следующих статьях автора: Г. Вильк, *Концепт труда в сленговой фразеологии современного русского языка*, [w:] *Świat Słowian w języku i kulturze*. IX: *Językoznawstwo. Wybrane zagadnienia z gramatyki języków słowiańskich i innych języków europejskich*, red. D. Dziadosz, E. Komorowska, Szczecin 2008, s. 233–238; *Сленговые названия лиц, отражающие отношение к труду (на материале польского и русского языков)*, [in:] *Studii de limbă, literatură și metodică. Lucrările simpozionului internațional „Tendințe actuale în studierea limbilor, literaturilor și culturilor slave” Cluj-Napoca, 19-20 iunie 2008*. XIII, ed. K. Balátz, Cluj-Napoca 2010, p. 60–65; *Сленговая фразеология как неотъемлемая часть фразеологической неологии и ее использование в процессе обучения русскому языку*, [в:] *Русский язык в польской аудитории*. Т. 3, ред. А. Зых, Катовице 2011, с. 62–70.

по происхождению жаргонизм, имеющий польские этимологические корни, который в дальнейшем развивался в языковой стихии русского жаргона².

Привлекаемый к исследованию материал неоднороден не только с точки зрения принадлежности той или иной языковой единицы к определенной разновидности речи. Ненормативные лексемы и фразеологизмы, характеризующие трудовую деятельность, нередко выходят за границы этой тематической группы. Бывает также, что они одновременно являются средством объективации концепта «учеба».

Включение такой «учебной» лексики и фразеологии в круг изучения требует пояснений. Молодежным сленгом, в первую очередь, пользуются учащиеся средних и высших учебных заведений, т.е. школьники и студенты, в связи с этим, учеба для них отождествляется с работой. К примеру, в русскоязычной молодежной среде под выражением *ходить на работу* подразумевается не только процесс зарабатывания денег вне дома, но и посещение учебных занятий. Слово *каторга*, выражение *принудительные работы*, в литературном языке употребляемые в значении ‘тяжелый, изнурительный, подневольный труд’, в молодежном сленге используются для обозначения учебного предмета труд, трудовое обучение. Общеупотребительными словами *трудяга* и *труженик*, обозначающими трудолюбивого работника, школьники, в свою очередь, называют того, кто обучает ремеслу, учителя труда (синонимичны с корнем *труд-* слова *трудила*, *трудило*, *трудовик*). Учителя труда называют также *батраком*, *белоручкой*, *мастером*, *папой Карлом*, *трутнем* и пр. Тем самым, выбираются слова и выражения, которые в литературном языке ассоциируются с трудом как деятельностью. В свою очередь, *truteń* в речи польских школьников воспринимается и коннотируется иначе, это тот, кто списывает домашнее задание, списывает также на контрольных, т.е. пользуется результатами чужого интеллектуального труда. В польском молодежном сленге *orać* ‘тяжело работать’ получает значение ‘учиться, заниматься интенсивно особенно перед экзаменом’, *dzień wolny od pracy* – синоним прогула, а *roboty przymusowe* – домашнее задание либо подготовка к урокам. В подтверждение общей тенденции, характерной для учащихся средних школ и студентов, ставить знак равенства между учебой и работой можно добавить упомянутые уже во второй главе слова *kierat*

² В.М. Мокиенко, *К украинско-польско-русским лексическим и фразеологическим взаимодействиям* (укр. *халява* – пол. *cholewa* – рус. *халява*; на *халяву*), [w:] *Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor Teresie Zofii Orłoś*, red. H. Wróbel, Kraków 2000, s. 179.

и *kolowrotek*, обозначающие и тяжелую, монотонную либо интенсивную работу, и учебу в школе, в вузе, которая, как правило, является такой же тяжелой, монотонной и довольно часто интенсивной. Отметим также, что С. Грабяс, Л. Качмарек и Т. Скубаланка в «Słowniku gwary studenckiej» выделяют общую группу ‘*praca, nauka*’.

Прежде чем перейти к непосредственному описанию сленгового материала, систематизированного по группам, необходимо сделать еще одно важное замечание. Изучая такого рода материал, мы неизбежно сталкиваемся с нецензурной и вульгарной лексикой и фразеологией. Некоторые ФЕ представляют собой в этом отношении соответствующие модификации фразеологизмов литературного языка (либо наоборот), напр., русская ФЕ *хуем (членом, хером, хреном) групи околачивать* в общем употреблении имеет соответствие *груши околачивать*, а польская ФЕ *leżeć do góry chujem* и ее «более мягкие» синонимы *leżeć do góry dupą (tyłkiem)* соотносима с общеупотребительным фразеологизмом *leżeć do góry brzuchem (pępkim)* (в русском ненормативном языке также встречаем *лежать кверху задницей (жопой, воронкой)*; *воронка* в значении ‘задний проход, анус и ягодицы’). В нашем материале набралась такие русские и польские единицы, прежде всего со значением ‘бездельничать’, но также ‘тунеядствовать’ и ‘тяжело работать’ (их полный список дается в приложении 3 с пометой *вульг.*). Лишь немногим таким ФЕ присущ какой-то дополнительный оттенок значения. К примеру, в семантике ФЕ *на чужом хую в рай въезжать / въехать* заложено не только то, что кто-то пользуется чужим трудом, использует кого-то для достижения своих целей, как в значении ее литературного эквивалента *на чужом горбу (хребте, на чужих горбах) в рай въезжать / въехать*. В ней отражен конкретный, при этом непристойный, способ осуществления своих замыслов (так говорят о женщине-любовнице влиятельного человека). Для нашего исследования важно то, что такого рода соответствия и модификации характерны не только для случайных и/или отдельных фразеологизмов общелитературного языка, но и для тех, которые следовало бы отнести к разряду наиболее ценных и показательных. Ведь, как уже было сказано в предыдущих главах, ЯКМ распадается на значимые для ее носителя фрагменты.

Вульгарные ФЕ не обязательно являются трансформацией общеупотребительных единиц. Нами было собрано 20 русских вульгарных ФЕ и 23 польские ФЕ, использующиеся для характеристики трудовой деятельности. В них преобладают названия мужского либо женского половых органов, ягодиц и пр.,

отличающиеся степенью грубости. Следовало бы также отметить еще одну особенность: ФЕ, употребляемые молодежью, часто не воспринимаются ею как вульгарные, в чем не последнюю роль играют современные СМИ.

Особенностью вульгарных единиц является то, что они в большей степени, чем их нормативные аналоги, служат средством экспрессивной самореализации их носителей (что объясняется необходимостью по-новому описать конкретный фрагмент окружающей действительности, так как «со временем метафоричность языка тускнеет»³), в меньшей степени они вносят что-то новое в наши представления о способах концептуализации труда. Поэтому в этой главе описываться будут не все единицы, извлеченные нами из словарных источников, а лишь те, которые позволяют выявить общие закономерности и особенности восприятия трудовой деятельности носителями современного русского и польского сленга, главным образом на фоне общеупотребительной лексики и фразеологии. Это замечание касается не только вульгаризмов, но и всего ненормативного материала.

Структура данной главы построена по тому же принципу, что и главы, в которых исследуются единицы литературного языка. Сначала сосредоточим наше внимание на общих наименованиях трудовой деятельности либо ее отсутствия.

4.1. Ненормативные наименования трудовой деятельности либо ее отсутствия

Номинация трудовой активности представлена в русском и польском материале несколькими группами. Для дифференциации собранных нами названий учитывались, прежде всего, существенные признаки самой деятельности, такие, как количество прикладываемых усилий, привлекательность выполняемой работы либо осуществляемой задачи, а также то, как быстро продвигается характеризуемое действие.

Прежде чем перейти к определению отдельных групп, отметим, что сленговых соответствий слов *работа*, *труд* и *praca*, *robota*, *trud*, в семантике которых не заложена дополнительная характеристика трудовой деятельности, нашлось немного. Такими были единичные примеры. В русском ненормативном языке функционирует заимствованное из английского языка слово *ворк* 'работа'.

³ Н.Ф. Алефиренко, *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм*, Москва 2008, с. 211.

Оно имеет наиболее общее значение (ср. производное от *ворк ворковать* ‘работать’ и перифразу русской пословицы *работа не волк, в лес не убежит – работа не волк, работа – ворк, а волк это гулять; волк* здесь от англ. *walk*). Помимо англицизмов, как в русском, так и польском сленге для обозначения трудовой деятельности используются германизмы *арбайт (арбат)* и *arbajt* (от нем. *Arbeit* ‘работа, труд’). Здесь имплицитно может быть заложено значение ‘тяжелый труд, тяжелая работа’, что связано с этимологией немецкой единицы.

Доминантными семантическими признаками, выделяемыми во многих собранных нами сленгизмах, являются «тяжело», «напряженно» и «много». Такие ненормативные единицы образуют первую группу наименований трудовой деятельности в обоих рассматриваемых нами ненормативных языках. Перечисленные признаки актуализируются, напр., в значении русского слова *пахалово* ‘тяжелая, напряженная работа’ (ТСМСЖ). *Пахалово* образовано от глагола *пахать*, являющего артефактной метафорой и очень часто встречаемого в составе рассмотренных нами ранее ФЕ литературного русского языка.

Сюда же можно отнести и грубые польские обозначения *zachrzan*, *zajeb*, *zapieprz*, *zapierdol (zapierdal)*, *zapierdziel*, *zapiżdziej*. Первоначально слова с основой *-jeb-*, *-pierdol-*, *-pierdziel-* относились к сфере секса. С течением времени от этих основ стали образоваться слова с более широким значением⁴; ср., напр., значения глаголов *zapierdalać* ‘robić coś bardzo intensywnie, zwłaszcza ciężko pracować lub szybko dokądś iść lub biec’; *zapierdolić* 1. ‘mocno kogoś uderzyć lub pobić go dotkliwie’; 2. ‘ukraść coś komuś’ (ISJP). В семантике всех указанных примеров, помимо «тяжело», «напряженно» и «много», акцентируется признак «быстро».

С рассмотренными словами связывается вульгаризм *zajob*, однако в его значении на первый план выдвигается то, что работы, учебы очень много. *Zajob* применяется также носителями польского сленга в двух других, метонимически связанных между собой, значениях: ‘obsesja’ и ‘osoba upośledzona, niesprawna umysłowo, posiadająca swój własny kolorowy świat’ (MSSiMP).

В польских источниках зафиксированы также сленгизмы *tyra*, *tyrka* от *tyrać* ‘pracować ciężko, mozolnie, bez wytchnienia; harować, hakować’ (SWJP). Однако их следует признать семантически немотивированными.

⁴ A. Nagórko, M. Łaziński, H. Burkhardt, *Dystynktywny słownik synonimów*, Kraków 2004, s. 344.

В языковом сознании носителей русского сленга напряженная работа, большой ее объем вызывает, в свою очередь, прочные ассоциации с высокой температурой. Об этом свидетельствует сленгизм *жара* ‘обилие дел, работы’ (ССРГ) или ‘спешная работа, аврал’ (ТСНЛРЯ). Отметим, что синонимом *жары* в разговорной речи может служить слово *запарка*, являющееся определением напряженной работы, беготни, суеты, к тому же это также и метафора с исходной семантикой высокой температуры. Данный синоним мы приводим не случайно, поскольку носителями русского сленга используется слово *запара*. Оно выступает в следующих значениях: 1. ‘сложная, практически не разрешимая ситуация’; ‘проблема’; ‘масса не терпящих отлагательства дел’, в речи студентов *запара* обозначает также экзамен, *Великая Запара* – сессию (ТСРШиСЖ).

Помимо названий тяжелой, напряженной работы мы встречаем негативно коннотированные наименования нудной, однообразной работы, занятия. Примером могут послужить обозначения *долбеж*, *долбежка* ‘монотонная работа’ (БСМС) от *долбить*, а также вульгаризм *долбоебизм* от *долбить* + *ебать*. Работа становится скучной из-за многократного повторения одних и тех же действий (в прямом смысле *долбить* имеет значение ‘ударяя чем-то, пробивать отверстие, делать углубление’ (БТС)).

Следующую группу составляют обозначения работы, вызывающей неприятные эмоции. К этой группе относится, напр., слово *геморрой* ‘беспокойство, хлопоты; проблемы, неприятности; сложная, кропотливая работа’ (ТСМСЖ). Здесь основой переноса послужило название болезни, имеющей очень неприятные симптомы. В речи учеников и студентов *геморрой* – это контрольная работа, контрольный опрос, тестовый контроль либо экзамен (ТСРШиСЖ).

В отдельную группу выделяются сленговые наименования отсутствия трудовой активности. В русском сленге данная группа представлена словами *нешевелизм* ‘безделье’ (БСМС) от *шевелить*, т.е. от слова с семантикой движения и *завис* ‘безделье, праздность; возможность увильнуть от работы’ (ТСМСЖ) от *зависать*, т.е. от слова, в значении которого предполагается отсутствие движения.

В польском сленге широко используются такие названия, как *leserka*, *leserstwo*, а также *el-be*, *LB (lb)* от сочетания *leżeć bykiem*. Данные слова не нуждаются в детальном рассмотрении, так как слово *leser*, от которого образовано слова *leserka*, *leserstwo* и выражение *leżeć bykiem* были уже проанализированы нами в предыдущих главах работы. Помимо аббревиатур *el-be*, *LB (lb)*, в словарных

материалах встречаем также *A.B.C.D.C. (ABCDC)* ‘absolutny brak chęci do czegokolwiek’ (MSSiMP). В словаре В.С. Елистратова зафиксировано, в свою очередь, сочетание *система «хго»* ‘безделье, шалопайство и т.п.’ (ТСРС), где *хго* происходит от первых букв вульгарной ФЕ *хуем груши околачивать*. Здесь аббревиатура выполняет эвфемистическую функцию, выступая скрытым заменителем мата. Следует обратить внимание на общую тенденцию среди носителей сленга прибегать к аббревиатурам, поскольку, во-первых, они звучат более серьезно и одновременно, согласно принципу экономии языковых средств, более коротко. А во-вторых, не носители сленга, сталкиваясь с их расшифровкой, не всегда догадываются, в чем дело.

Как видим, все рассмотренные нами ненормативные наименования трудовой деятельности представляют собой единицы с ярко выраженной негативной окраской. В словарях не зафиксировано слов с положительной оценочностью, которые могли бы служить примером похвалы работе, высокого ее качества.

4.2. Ненормативные наименования лиц по отношению к труду

Номинация человека по отношению к труду активно осуществляется не только в литературном языке. Чтобы подтвердить сказанное, обратимся для начала к количественным данным словарей. В третьей части «Большого словаря молодежного сленга» С.И. Левиковой, представляющей собой словарь синонимов, построенный по принципу ‘литературный русский язык’ – ‘молодежный сленг’, зафиксировано 15 интересующих нас литературных обозначений (*бездельник, дармоед, лоботряс, туняедец, халтурщик* и др.), к которым подобрано 32 сленговых эквивалента. В тематико-синонимическом указателе, которым снабжен «Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона» Х. Вальтера, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, к номинациям литературного языка, таким, как *отличник, отстающий, прогульщик*, дано соответственно 57, 21 и 4 синонима. Не все обозначения при этом учеников, студентов связаны с трудом. *Отличником* является не только трудолюбивый, прилежный ученик или студент, который много времени посвящает учебе, работает тяжело, но и тот, у кого есть определенные умения, способности и которому учеба дается легко, а *отстающий* – это необязательно тот, кому лень учиться. Цифры, приведенные лишь из нескольких словарей, дают нам

право утверждать, что сленговых наименований лиц по отношению к физическому и умственному труду достаточно много.

Собранные нами обозначения объединяются в шесть групп по разнообразным признакам, присущим человеку.

4.2.1. Наименования лиц, работающих много и тяжело

Первую группу, довольно объемную, однако и неоднородную, образуют сленговые названия тех, кто работает много и тяжело.

Сюда можно отнести литературное слово *негр*, которое в сленге употребляется в составе шутливо-иронического призыва к работе *работай, негр, солнце еще высоко, а зарплата далеко*, представляющего собой перифразу предложения *солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает* из русской народной сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Кроме того, слово *негр* приобрело в сленге дополнительное значение и стало применяться также для обозначения того, кто выполняет литературную работу по заказу, вместо кого-то, под именем заказчика и без права на авторство (БРС). В данном случае передается негативное отношение к объекту номинации. Польское обозначение *murzyn*, в свою очередь, вызывает прочные ассоциации с трудовой деятельностью только в литературном языке, в сленге оно такой связи лишено. В «Słowniku motywacyjnym antropimów przezwiskowych socjolektu młodzieżowego» Р. Мрузека встречаем словосочетание *biały murzyn*, которое отмечено в следующих значениях: 1. 'ma jasne włosy'; 2. 'ma ciemną karnację'.

Следующим обозначением человека, имеющим положительную оценку, однако нередко в ироническом смысле, является *пахарь*, от *пахать*. В сленге название того, кто пашет землю, земледельца, крестьянина употребляется в значении 'трудолюбивый, много работающий человек; старательный студент, зубрила' (ТСРС).

Если считать учебу работой, в группу наименований лиц, работающих много и тяжело, помимо *пахаря*, могут быть отнесены и другие названия учеников и студентов. Поскольку нашей основной исследовательской задачей является представление фрагмента ЯКМ, касающегося труда, а не учебы, мы решили ограничить количество рассматриваемых нами подобных обозначений.

В русском сленге активно употребляются метафорическое наименование *ботаник* и его производные *ботан*, *ботанка*, *ботанчик*. *Ботаник* – это специалист по ботанике, т.е. согласно В.В. Химику, «науке, представляющей собой далекую от практической жизни, лишней, ненужной» (БРС). Получается, что тот, кто много и тяжело работает, делает это напрасно, усваивая знания, которые могут ему никогда не пригодиться в дальнейшей жизни.

В русском и польском языковом представлении нашло свое отражение то, что тот, кто заучивает учебный материал, делает это в тишине, ср.: *стилл* (от англ. *still* ‘тихий, спокойный’), *cichacz pospolity* (от прил. *cichy*).

Носители польского сленга связывают процесс подготовки к урокам, занятиям с многократно повторяющимися действиями, в частности с ударами, подтверждением чему являются следующие обозначения: *stukacz* от *stukać* ‘uderzając czymś w coś twardego powodować powstanie charakterystycznego dźwięku’ (SWJP), *kujocik*, *kujon*, *kujonek*, *kujonica*, *kujonka*, *kujor pospolity*, *kujot*, *kujus*, *kuty* от *kuć* ‘obrabiać plastycznie metal, formować z niego przedmiot przez zgniatanie uderzeniami’ (SWJP). Со сленговыми производными от *kuć* ассоциативно связывается название *kowal* (*kowal zajmuje się kuciem, wykuwaniem*). Так с пренебрежением говорят об ученике, студенте, который много и прилежно учится. Сюда же можно отнести и сленгизмы *dziobacz*, *dziobak*, *dziobak pospolity*, *dziobas* от *dziobać* ‘o ptakach: stukać, uderzać w coś, kuć dziobem, także wyszarpywać, chwytac, podnosić coś dziobem w trakcie jedzenia’ (SWJP). Интересным, на наш взгляд, является также *dzięcioł* (*dzięciołek*). Ученик, студент, заучивающий материал, сравнивается с дятлом, который упорно клювом стучит по дереву.

Многократным действием является также рытье, что отразилось в названиях *ryjec*, *ryjec pospolity*, *ryjowiec pospolity*, *ryjówka pospolita*, *ryjus tragiczny*, *bolsze ryło* (*bolsze* – заимствование из русского языка) от *ryć* ‘tworzyć doły, zagłębienia w ziemi, kopiać, grzebiąc itp.; rozkopywać, rozgrzebywać, wykopywać’ (SWJP). Отметим, что *ryjówka pospolita* представляет собой зоометафору: отличник отождествляется с маленьким зверьком, который роет землю.

Примечательно, что многие приведенные примеры передают модель научного обозначения растения или животного, в котором, напр. *kujor*, *ryjec*, выступают названием рода, а *pospolity* – вида.

Часть лексем этой группы представляет собой обозначения человека по негативно оцениваемому признаку. Хотя такой ученик или студент серьезно

работает, он занимается заучиванием без отчетливого понимания, т.е. он, тем самым, туп и неспособен. К примеру, польский сленгизм *kollataj* происходит от фамилии общественно-политического деятеля польского Просвещения Г. Коллонтая, принимавшего участие в работах над реформами системы образования. Слово употребляется для обозначения прилежного, трудолюбивого ученика, однако оно развивает и дополнительное значение 'тупой, неспособный'. В польском литературном языке *mrówka (mrówa)* является положительным наименованием человека, работающего с усердием. В сленге оно приобретает негативную окраску, так как трудолюбие принадлежит к отрицательным качествам, которые осуждаются его носителями.

Рассмотрим еще один показательный пример. В собранном нами материале встретилось слово *walkoń*, имеющее три значения: 1. 'uczeń pilny, solidny, dużo uczący się'; 2. 'uczeń niesumienny, nic nie robiący; leń'; 3 'człowiek niemądry; głupiec' (NSGU). В польском сленге, в отличие от литературного языка, это слово имеет два совершенно противоположных значения.

Начиная анализ ненормативных наименований лиц, работающих много и тяжело, мы обратили внимание на неоднородность лексем, входящих в состав этой группы. Неоднородность проявляется также в том, что тот, кто тяжело и много работает, способен это делать хорошо. Примером может здесь послужить русское слово *зубр* 1. 'зубрила, примерный ученик, отличник'; 'знающий специалист, отличный профессионал' (ТСРС) и польские обозначения хорошего студента, книголюбца *kagan* от *nieść kaganek (kaganiec) oświaty* 'krzewić oświatę; uczyć' (SWJP), *konsultant* и др.

4.2.2. Наименования лиц, выполняющих нудную и однообразную работу

Заявленную в заглавии группу составляют лишь два названия, по одному в каждом из рассматриваемых нами ненормативных языков. В русском сленге таким наименованием является *долбежник*, от *долбить*. *Долбежник*, помимо 'человека, выполняющего монотонную работу, обозначает также 'занудного, неинтересного болтуна'. В свою очередь, носители польского сленга того, кто вынужден заниматься нудной и однообразной работой, часто без перспектив на изменение своего положения и повышение по службе, именуют *gibacz* от *gibać (się)* 'przechylać się raz w jedną, raz w drugą stronę' (ISJP).

4.2.3. Наименования лиц, делающих что-либо быстро

Сюда относятся номинации *автоматчик, пулемет, пулеметчик*, основанные на метафорическом переносе (наименование человека по неодушевленному предмету). Человеку приписываются свойства скорострельного автоматического оружия. Приведенные слова обладают широким семантическим потенциалом: в зависимости от контекста они могут обозначать субъекта любого действия, не обязательно выполняющего работу. К примеру, из иллюстрации к словарной статье *автоматчик* следует, что этим словом называют того, кто быстро съедает что-то (ТСРС).

Носители польского сленга человека, который делает что-либо быстро, не прикладывая при этом сколько-нибудь значительных усилий, называют *ślizgacz*. В данном случае мы также имеем дело с метафорой: человек уподобляется судну. В литературном польском языке слово *ślizgacz* функционирует в значении ‘*plaskodenna łódź motorowa przy dużej szybkości ślizgająca się częścią rufową po powierzchni wody*’ (SWJP).

4.2.4. Наименования лиц, выполняющих работу небрежно

В описываемой группе наиболее характерным является то, что работающий человек проявляет свое негативное отношение к выполняемой задаче. Группа имен со значением лица, выполняющего работу небрежно, представлена сленгизмом *кое-какер* ‘тот, кто работает кое-как’. *Кое-какер* применяется также в значении ‘результат нетщательной, безответственной, халтурной работы’ (ТСРС).

Интересным, на наш взгляд, может оказаться замечание по поводу слова *авосьник (авосьница)*. *Авосьником (авосьницей)* является тот, кто халтурит, не прикладывает особых усилий, полагаясь на «авось», т.е. на случайную удачу. В этом наименовании проявляется особая черта русского характера, а именно то, что русские рассчитывают на счастливое стечение обстоятельств, поэтому им незачем работать и стараться⁵.

Плохо и медленно работающий – это также *тормоз, тормозной, тормознутый*. В данном случае метафора строится на сходстве человека

⁵ Подробнее о семантике «русского авось» см.: Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*, Москва 1997, с. 491–492.

с предметом, уменьшающим скорость или вообще останавливающим какую-то машину.

Следующие слова *туфтарь* и *туфтогон* являются производными от существительного *туфта* ‘подделка’, ‘обман, ложь’, ‘подвох, ерунда, чепуха’, ‘показная, фальшивая работа, «липа»»; ‘заведомо ложные, завышенные показатели в официальном отчете’, ‘очковтирательство’⁶. Эти обозначения можно отнести как к группе наименований лиц, делающих что-либо небрежно, так и к группе наименований лиц празднующихся. Одновременно в значении *халтурщик* и *бездельник* используется также слово *порнушник*, от которого, в свою очередь, образуется глагол *порнушничать*, обозначающий в сленге ‘делать что-то некачественно, халтурить; поступать нехорошо, нечестно, подло’ (ТСРС).

Плохого работника носители русского сленга именуют еще *слесарь-унитазник*, *хренодел* (от *хрен* + *делать*), *хреномаз*, *херомаз* (от *хрен*, *хер* + *мазать*). Небезынтересно отметить, вслед за В.С. Елиставовым, что два последних примера, возможно, первоначально употреблялись художниками, живописцами.

Носители польского языка также с неодобрением относятся к людям, которые пренебрегают своими обязанностями и не оказывают должного внимания выполняемой работе. Однако все слова, относящиеся к этой группе, являются общеразговорными (напр. *fuszerant*, *tandeciarz*), хотя и помещены в словарях сленга. Они были поэтому уже рассмотрены нами во второй главе.

4.2.5. Наименования лиц, живущих или пользующихся чужим трудом

Паразитирующими на труде другого являются *аскер* и *аскатель*. Оба наименования употребляются в значении ‘человек, живущий на аске’ и образованы от существительного *аск*, соотносимого с глаголом *аскать*, созданного по модели русского инфинитива от английского *to ask*. Отметим, что заимствовано только одно из значений английского глагола, а именно ‘выпрашивать денег, собирать милостыню’. В словарях зафиксировано еще одно значение слова *аскатель* ‘ученик, запрашивающий хорошие оценки’ (ТСРШИСЖ). В данном случае лексема развивает

⁶ О происхождении и значениях слова *туфта* см.: М.А. Грачев, В.М. Мокиенко, *Русский жаргон. Историко-этимологический словарь*, Москва 2009, с. 246–248.

дополнительный оттенок значения: *аскателем* называют не того, кто живет за счет другого, а того, кто хотел бы жить без труда.

Эту группу образуют и производные от слова *халява*, такие, как *халявист*, *халявник*, *халявщик*. Все эти обозначения применяются в значении ‘бездельник, халтурщик, прощельга, нахлебник; человек, привыкший брать чужое, использовать чужой труд, деньги и т.п.’ (ТСРС), т.е. они обладают довольно широкой семантикой. Это связано с тем, что само слово *халява* имеет несколько значений, а ФЕ, в составе которой оно чаще встречается, т.е. *на халяву*, обозначает: 1. ‘бесплатно, даром, за чужой счет или без особых усилий’; 2. ‘в надежде на счастливую случайность: наудачу, на авось; наобум, наугад, как придется’; 3. ‘небрежно, некачественно, кое-как’⁷. Первоначально слово *халява* применялось в значении ‘выдутый большой стеклянный пузырь вытянутой формы’, т.е. главной его семой была форма предмета, а в советские времена благодаря заключенным ГУЛАГа главной семой *халявы* стало содержание, т.е. воздух и его переносное значение ‘пустота’, ‘ничего’⁸. В результате предложно-падежное сочетание слов *на халяву* стало употребляться в значении ‘даром, бесплатно, без труда’.

4.2.6. Наименования лиц ленивых, бездельничающих

Среди наименований лиц по отношению к труду особое место занимают обозначения лентяев, бездельников.

В русском сленге нашло свое представление то, что такой человек любит отдыхать, приятно проводить время. Это отразилось в слове *балдежник*, образованном от существительного *балдеж*, которое, в свою очередь, происходит от глагола *балдеть* ‘находиться в приятном состоянии, расслабляться, проводить время в бездействии’ (ТСРС). Примечательно, что в речи школьников *балдежник* обозначает также звонок с урока, а *балдеж* перемену (ТСРШИСЖ). Здесь мы имеем дело с изменением иерархии ценностей, смещением акцентов на аксиологической шкале. Труд в данном случае получает отрицательную оценку, в то время как безделье, наоборот, оценивается положительно. Получается, что бездельник как бы живет в Шларaffenланде (стране ленивых обезьян, *krajnie pieczonych gołąbków*), где

⁷ В.М. Мокиенко, *К украинско-польско-русским лексическим и фразеологическим взаимодействиям...*, с. 172–174.

⁸ И.П. Сулова, *Халява, халявщик*, «Русская речь» 2002, № 6, с. 112.

упорный и прилежный труд считается грехом в противоположность добродетели лени и наслаждения.

Наглядным примером названия лица ленивого, бездельничающего, приятно проводящего время, является также слово *турист*, в основе которого лежит представление о том, что турист – это отдыхающий, т.е. тот, кто проводит время, не работая.

Расслабляется и *сачок*. Данное слово имеет затемненную внутреннюю форму. Согласно одной из версий, приведенной В.С. Елистратовым в его словаре, оно выводится из языка моряков, в котором обозначало подвесную койку на корабле и в дальнейшем название койки, т.е. места, на котором человек отдыхает, перешло на самого человека, отлынивающегося от работы⁹. М.А. Грачев и В.М. Мокиенко, в свою очередь, утверждают, что *сачок* диалектного происхождения. В русских говорах это слово функционировало в значении ‘бабка’, ‘положение бабки спинкой кверху’, ‘чурбанчик, которым играют в рюхи’¹⁰. *Сачок* был, таким образом, неотъемлемым предметом в игре. С течением времени игра в бабки стала ассоциироваться с праздным времяпрепровождением, а слово *сачок* употребляться в значении ‘бездельник, любитель отлынивать от работы’. Отметим, что в современном русском сленге слово *сачок* не обозначает только человека, но также и место, где собираются прогульщики (*сачки*) или свободные от занятий студенты (ССРГ).

Следующие обозначения *шланг*, *шланг гофрированный* вошли в общий сленг из уголовного жаргона, в котором они употреблялись также для обозначения бездельника. В сленге находим производное от *шланга* слово *шлангистика* ‘безделье, уклонение от работы’. *Шланг* занимается *шлангистикой*, а бездельника носители русского сленга называют также *мастером по шлангистике*.

В русском сленге нашло свое отражение также то, что бездельник выполняет лишнюю работу. Подтверждением этому служит слово *ерундист* (тот, кто занимается ерундой). По нашему мнению, интересными наименованиями людей, занимающихся имитацией трудовой активности, являются также *пузоглад* и *пузочес*, полученные на основе образных выражений *гладить пузо* и *чесать пузо*, т.е. ничего не делать.

⁹ В.С. Елистратов, *Толковый словарь русского сленга*, Москва 2005, с. 364.

¹⁰ М.А. Грачев, В.М. Мокиенко, *Русский жаргон...*, с. 226–227.

К этой подгруппе можно отнести и слово *сикидэшник*, образованное от аббревиатуры выражения ‘симулянт кипучей деятельности’. К аббревиатурной основе присоединяется суффикс *-шник*.

Бездельника носители русского сленга называют также *раздолбай*, *раздолба*, от *долбаный* ‘ненормальный, глупый, со странностями, неуравновешенный (о человеке)’ (ТСРС). Здесь, согласно В.С. Елистратову, возможно, содержится также намек на нецензурное слово, построенное таким же образом. В словарях встречается также обозначение *расфигай*, преобразованное от *разгильдяй*, ‘неаккуратный, рассеянный человек; лентяй, бездельник’ (ТСРС). Кроме того, оно является производным от существительного *фиг*.

В польском ненормативном языке, по сравнению с русским, наименований лиц ленивых, бездельничающих намного меньше. В словарях зафиксировано слово *gnój*, которое используется для обозначения неряшливого, ленивого человека (человек уподобляется навозной куче). Кроме сленгизма *gnój*, стоит обратить внимание на слово *pasibrzuch*, которое образовано от выражения *paść brzuch*. Это наименование возникло на основе сочетания слов, предполагающих откармливание, питание живота, его своего рода выпас, выгул, ведущий к набиранию веса, жира.

Данную группу пополняют наименования ленивого ученика, в частности *lewis*, *leber*, *lebera*, *leberus pospolitus*, *geniusz*, *jednokomórkowiec*. Некоторые из них обладают не одним значением. *Lewis*, к примеру, используется для обозначения бездельника, ученика или студента, прогуливающего уроки, занятия, а также человека, который не может справиться с простейшей задачей. То же самое относится и к словам *geniusz* и *jednokomórkowiec*.

Сленгизм *leberus pospolitus* напоминает латинское обозначение растения или животного, в котором *leberus* является названием рода, а *pospolitus* – вида. Слово *leberus* в этом случае используется в значении ‘лентяй’.

Носителями польского сленга употребляется еще очень интересное выражение *katedra lenia hodowanego* ‘o zorganizowanej grupie leniwych studentów, nieuczęszczających na zajęcia (SPLP 4).

В словарях зафиксированы сленгизмы, которые не относятся ни к одной из выделенных групп, однако с темой труда имеют много общего. Примером здесь может послужить слово *подснежник*, которое используется для обозначения пустой фигуры – лица, за которое кто-то, работая, получает зарплату. *Подснежник* по

документам считается не тунеядцем, а где-то работающим. В русском языковом сознании нашло свое отображение то, что человек, числящийся на том или ином производстве, предприятии, однако там не работающий, находится как бы под снегом.

4.3. «Труд» в ненормативной фразеологии

Сленговая фразеология обладает значительным синонимическим потенциалом. ФЕ подразделяются на группы, которые характеризуют человека, его действия и характер.

4.3.1. Фразеосемантическая группа ‘выполнение тяжелой, изнурительной работы’

Значительную по числу примеров группу составляют в наших материалах ФЕ, характеризующие выполнение тяжелой, изнурительной работы.

Здесь относятся УС *вкалывать как сто китайцев, вкалывать как тысяча негров, как бешеный слон делать что-то*, в которых человек сравнивается с разными категориями людей либо животным. Способность выстраивать ассоциативные связи между словами поистине неограниченна. С одной стороны, *китайцы* ассоциируются с массой безропотно, много и без оплаты работающих людей. С другой, *китаец* в молодежном сленге – это шутовое обозначение негра. В польском языке встречаем вульгарное УС *jebać jak beduini*. Выбор бедуинов в качестве объекта сравнения представляется неожиданным, однако не лишенным смысла. Бедуины занимаются разведением верблюдов (а верблюд ассоциируется с тяжелым трудом), к тому же поскольку они живут в пустыне, их жизнь и работа, несомненно, тяжела и изнурительна.

Для подстандарта характерно то, что в нем, как в литературном языке, зафиксированы негативные последствия тяжелого труда для здоровья человека, ср., напр., ФЕ *пахать до красной (кровоавой) каки, рвать задницу*. Еще менее приличным примером является *(как) в жопу ебанный* ‘доведенный до состояния крайнего физического истощения и/или морального унижения тяжелой и изнурительной работой’ (БРС).

Похожим значением обладают ФЕ *гнуть позвонок, до потери импульса и в поте морды*, представляющиеся трансформацией традиционных единиц. В сленге слово *позвонок* употребляется в значении позвоночника, спины. Таким образом, мы имеем дело с синекдохой, или названием части, т.е. отдельного элемента, для обозначения всего позвоночника. ФЕ *до потери импульса* представляет собой модификацию фразеологизма *до потери пульса*, т.е. до совершенного изнеможения, а сленговая ФЕ *в поте морды* возникла в результате субституции компонента *лицо* в общеязыковом фразеологизме *в поте лица*.

В состав фразеосемантической группы 'выполнение тяжелой, изнурительной работы' входит также ФЕ *(быть) в замоте* от разговорного глагола *замотаться* 'утомиться, измучиться от хлопот, работы и т.п.' (БТС). *Замотать* представляет собой метафору, уподобляющую интенсивное выполнение работы, суету закручиванию чего-то вокруг чего-то.

Не все сленговые фразеологизмы этой группы обладают прозрачной внутренней формой, и поэтому установить их мотивацию затруднительно. Обратим внимание на ФЕ *крутить увертюру*. Как замечает В.С. Елистратов, возможно, что в данном случае мы имеем дело с окказиональным наложением английского слова *overtime* ('работа, длящаяся дольше установленного времени') (ТСРС).

Значение 'выполнять тяжелую, изнурительную работу' присуще и ФЕ *арбайтен унд копайтен*, которая является макаронической имитацией немецкой речи. Глагол *арбайтен* представляет собой транслитерацию немецкого *arbeiten* ('работать'), а *копайтен* образован при помощи характерного для немецкого языка суффикса *-en*, с немизированным уподоблением финали *-айт(en)*.

Человек может заниматься не только тяжелым физическим трудом, но и умственным, что образно отразилось в польской ФЕ *kłaść w głowę* и неприличной русской *заниматься онанизмом головного мозга*.

4.3.2. Фразеосемантическая группа 'выполнение легкой работы'

Как в русском, так и в польском ненормативных языках закрепилось убеждение, что работа может выполняться легко, без труда. Таким значением обладают ФЕ, часть из которых является вульгарными: *как два байта переслать, как два пальца об асфальт, как два пальца обоссать (обписать), на пук (на два пука,*

на три пука) сделать что-то (пук ‘звук, издаваемый при выходе газов из кишечника’ (БТС)), *z palcem w nosie, z palcem w dupie, lekkim chujem*.

4.3.3. Фразеосемантическая группа ‘медленное выполнение работы’

Носители как русского, так и польского сленга не уделяют особого внимания темпу выполняемой работы. В словарях зафиксированы лишь единичные примеры. Если кто-то очень медленно делает что-то, в русском сленге используется для обозначения этого неприличная ФЕ *ковырять(ся) (колупать(ся)) в заднице (заднем проходе, жопе, пизде)*, обладающая прозрачной внутренней формой.

4.3.4. Фразеосемантическая группа ‘быстрое выполнение работы’

Высокая степень быстроты совершаемых действий нашла свое отражение в ФЕ *срать, копать и пылесосить*. В данном случае ускоренный темп работы связан с тем, что человек пытается сразу выполнить три разных дела, которые друг с другом не имеют ничего общего. В польском ненормативном языке ФЕ со значением ‘работать, делать что-то очень быстро и энергично’ являются *mieć motorek w dupie, zachrzaniać (zapieprzać, zapierdalać) jak mały samochodzik*.

4.3.5. Фразеосемантическая группа ‘небрежное выполнение работы’

Качественная характеристика работы отражена в ФЕ *закладывать / заложить (лепить / залепить, химичить / захимичить) туфту* ‘притворяться работающим, работать для видимости, обманывать’ (здесь *химичить* обозначает ‘промышлять обманным путем’) (НРФ), *заряжать / зарядить (заправлять / заправить) туфту* ‘делать работу (обычно – недоброкачественную, халтурную) лишь для видимости, для отчета’ (НРФ). Помимо ФЕ с компонентом *туфта*, в русском ненормативном языке находим еще *гнать лажу, гнать левак(а), лепить (гнать, садить) чернуху, делать что-то через жопу*. *Лажу* в сленге имеет значение ‘ерунда, чушь, безделица; ложь, подделка; что-то нежелательное; блеф’ (ТСРС), *левак* ‘что-то плохое, низкопробное, низкокачественное’ (БСМС).

В польских словарях отмечены ФЕ *robić coś na odwal (się), na odpieprz (się), na odpierdol (się), robić coś od dupy strony, odstawiąć / odstawić kit* (kit от нем. Kitt), *odstawiać / odstawić lipę* (в варшавском говоре *lipa* обозначает что-то плохое).

4.3.6. Фразеосемантическая группа ‘старательное выполнение работы’

Эта группа, по нашим данным, представлена лишь одной русской ФЕ: *поймать (словить) микрон (или микроны)*, что может свидетельствовать о том, что качеству работы в сознании носителей сленга отводится значительно меньше внимания, чем другим характеристикам. Мотивация внутренней формы приведенного фразеологизма связана с тем, что качество работы определяется ее тщательностью. Зависимым компонентом в ФЕ является лексема *микрон*, обладающая значением ‘миллионная часть метра’. В польском материале также встречаем только один пример: *ani mucha nie porucha*, являющийся модификацией ФЕ литературного языка *ani mucha nie siada*.

4.3.7. Фразеосемантическая группа ‘зарабатывание денег’

Фразеосемантическая группа ‘зарабатывание денег’ (что неслучайно) оказалась в подстандарте более разработанной, чем в литературном языке. Процесс этот уподобляется уходу за капустой: *капусту окучиваем, стрижем, рубим. Капуста* в данном случае используется не в литературном значении ‘огородное растение семьи крестоцветных, растущее обычно кочаном’, а в значении сленговом ‘деньги’. Первоначально *капустой* называли доллары, по признаку цвета: как и капуста, эти купюры зеленого цвета, откуда еще одно их сленговое название – *зеленые*. Впоследствии наступило расширение значения.

В русском сленге наблюдается также ассоциативная связь между зарабатыванием денег и работой по дереву (рубкой, струганием, сколачиванием). Это нашло свое отражение в ФЕ *заколачивать бабки, срубить (нарубать) бабки, стругать бабульки (башельки)*. Слова *бабульки, башельки* представляют собой производные от слова *бабки*, которое, в свою очередь, восходит к литературному названию игры, заключающейся в выбивании надкопытной костью животного таких

же костей, установленных на расстоянии; после чего проигравший может выкупить бабки, т.е. кости, у выигравшего¹¹. В сленге все эти три слова обозначают деньги.

Семантическая группа ‘зарабатывание денег’ представлена также ФЕ *заколачивать деньгу*, *ковать монету*, *сколачивать фанеру*. В составе ФЕ *заколачивать деньгу* для обозначения денег используется слово, которое можно воспринимать как просторечную форму единственного числа, совпадающую с историзмом *деньга* (старинная русская монета). В ФЕ *ковать монету* образно отражен процесс создания денег: с помощью молота или пресса, обрабатывая раскаленный металл и придавая ему нужную форму, бить монету, т.е. получать платежные средства. Мотивация последнего примера – *сколачивать фанеру* – не прозрачна. Возможно, слово *фанера* вошло в сленг из уголовного жаргона.

В польском ненормативном языке для обозначения денег применяются следующие слова: *kapusta*, *kapucha*, *salata*, *zielone*, *miedziaki*, *talary*, *żetony* и др., однако в составе ФЕ они не встретились.

В свою очередь, в польском языковом представлении отобразилась нечто противоположное: в вульгарной ФЕ *za damski chuj* закрепилось убеждение, что человек за свой труд не получает вознаграждения.

4.3.8. Фразеосемантическая группа ‘присвоение результатов чужого труда’

Данную семантическую группу образуют ФЕ *жить (сидеть) на аске*, *на дурика*, *намутить лошину*, *на халяву (на халявинку, на халявку, на халяву и уксус сладкий)*, *на шарика*, *на шару*.

ФЕ *на дурика* и *намутить лошину* содержат характеристику субъекта-исполнителя действия. Слово *дурик* используется в значении ‘дурак, бездарь’, а *лошина* образовано от слова *лох*, *лохом*, в свою очередь, принято в сленге называть мало сообразительного, излишне доверчивого человека, которого легко надуть.

Признак тунеядства, паразитического существования заложен в ФЕ *na krzywyj* и *na sępa (sęp ‘człowiek łakomiący się na cudze, chętnie korzystający z darmowego poczęstunku’ (SWJP))*.

¹¹ В.М. Мокиенко, *Новая русская фразеология*, Ополе 2003, с. 4.

4.3.9. Фразеосемантическая группа ‘выполнение ненужной, лишённой смысла работы’

Напрасная трата времени находит фиксацию в языке не только на уровне стандарта. Работу, ненужную, лишённую смысла, принято характеризовать при помощи ФЕ *пылесосить пустыню (тайгу)*. Как пустыня, так и тайга представляют собой далеко простирающееся, открытое и пустое пространство, обширную территорию, которую не пропылесосишь. Помимо ФЕ *пылесосить пустыню (тайгу)*, значение ‘заниматься ерундой, пустым делом’ реализуется в следующих русских примерах: *в пизду воду лить, искать кобылу (у татарина, у цыгана), копить на паровоз, парить мозги, слону яйца качать, страдать геморроем, тянуть (тащить) нищего (нищих) за хер, фигней страдать*. В польском сленге, в свою очередь, функционируют ФЕ *rzeźbić w gównie, wiosłować po piasku*.

4.3.10. Фразеосемантическая группа ‘отсутствие желания трудиться, пребывание в праздности’

В сленговой фразеологии, как и в нормативной, отражены два типа бездельника – активный и пассивный. Общее представление об активном безделье реализуется через образ человека, занимающего псевдодеятельностью, делающего только вид, что работает, ср. ФЕ *вафли сушить, дурочку делать, ежей (ежиков) пасти, играть в [карманный] бильярд, катать бананы, косить изюм, курить бамбук, ловить гавов (мн. ч. от междометия гав), сачка давить, чесать нагрудный плюш, шнуровать валенки, kręcić się jak gówno w przerebłu*. Мотивация всех ФЕ очевидна. Создавать иллюзию трудовой активности бессмысленно: зачем, напр., вафли сушить, если они, сами по себе являются тонким сухим печением или какую пользу можно извлечь от того, что кто-нибудь станет пасти ежей? К тому же это и невозможно.

Стоит еще обратить внимание на ФЕ *Муму пасти*. Основой фразеологизма *Муму пасти* послужил рассказ И.С. Тургенева «Муму». Поведение главного героя Герасима ассоциируется, по-видимому, с занятием, лишённым какого-либо смысла.

Пассивный бездельник принимает горизонтальное положение. Помимо указанных ранее вульгарных модификаций ФЕ *лежать кверху брюхом (пузом, животом), leżeć do góry brzuchem (perkiem)*, встречаем также *gnić w wyrze, leżeć jak*

krowa na wyciągu, leżeć betką, leżeć kołami do góry, leżeć palnikiem do góry. В ФЕ *leżeć kołami do góry* сленговое слово *koło* употребляется в значении ‘нога’, в *leżeć palnikiem do góry* сленгизм *palnik* обозначает ‘голова’, а в *leżeć betką* слово *betka*, по-видимому, происходит от *bet* ‘постель’. Сюда же относятся ФЕ *robić / zrobić el-be, uprawiać el-be, skutecznieć el-be* и *zaliczać el-be* и *wyciągnąć kopyta*. Последняя ФЕ, помимо значения ‘ничего не делать, лениться’, обладает значением ‘умереть’.

Стоит отметить, что то, что бездельник любит лежать, зафиксировано в целом ряде сленгизмов. В речи школьников и студентов производные от глагола *leżeć* *лежак* и *лежанка* функционируют в значении ‘парта, стол в учебной аудитории’ (ТСРШиСЖ). Иными словами, это места отдыха во время лекции, урока (ср. также значение слова *пляж* в том же словаре).

Бездельник может пребывать и в сидячем положении (*zreć (свой) зад, задницей стул протирать, просиживать жопу (задницу), сидеть на попе ровно, pierdzieć w stolek*).

Помимо значения ‘бездельничать’ ФЕ могут реализовать значение ‘не справляться со своими прямыми обязанностями’ (*mysz (мух) nie łowić*). Могут также использоваться для характеристики отдыха, перерыва в работе (*stierać noski*).

Наше исследование осталось бы неполным без сопоставления восприятия трудовой деятельности в сознании носителей нормативного и ненормативного языков, как русского, так и польского. На основе сказанного можно сделать такие выводы:

1. Наблюдается общее снижение и огрубление речи, о чем свидетельствует появление многих единиц, тяготеющих к вульгарной окраске. Как утверждает Я. Либрек, современная польская фразеология становится «*coraz mniej obrazowo złożona, plastyczna i symboliczna, a więc traci na komunikatywnej sprawności i wielofunkcyjności, zyskuje natomiast na niefinezyjnej mocy ekspresywnej („sile rażenia”)*»¹². Большая часть сленговых фразеологизмов располагается на шкале эмоциональных оценок от шутливо-иронических до грубо-вульгарных. То же самое можно сказать и о русской фразеологической неологии. Поэтому в обоих

¹² J. Liberek, *Zmiany w zasobie frazeologicznym współczesnej polszczyzny*, [w:] *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Teoria. Zagadnienia ogólne*, red. S. Bąba, K. Skibski, M. Szczyszek, Poznań 2010, s. 56.

ненормативных языках мы имеем дело с менее разнообразными, чем в литературном языке, способами концептуализации труда. Это проявляется в меньшем количестве семантических групп.

2. Для носителей современного русского и польского сленга характерен специфический взгляд на мир. Слова и фразеологизмы, которыми они пользуются, довольно часто отражают насмешливо-пренебрежительное отношение к трудовой деятельности, тем самым, придавая соответствующую оценочность и колорит повседневному языку, поскольку сленг, как известно, выполняет людическую (игровую) функцию (от лат. *ludus* 'игра'). При этом следовало бы отметить, что в собранном нами материале встретилось немало и случайного, поскольку здесь мы имеем дело с живой, спонтанно звучащей и непостоянной, легко и быстро изменяющейся речью.

3. Для большинства сленговых лексем и фразеологизмов характерно то, что труд воспринимается в них негативно, лишая человека сил, а его результаты часто несоизмеримы с прикладываемыми усилиями, поскольку бывает так, что работа бессмысленна, не дает удовлетворения и не приносит ожидаемых эффектов. Работа имеет смысл только в случае, если ее итогом является заработок, получение большой суммы денег или если ее выполняет кто-то другой, не мы, а мы лишь присваиваем результаты его труда.

4. Категория оценки находит отражение в бинарных семантических оппозициях «быстро» / «медленно», «хорошо», «старательно» / «плохо», «небрежно». Нормативный и ненормативный материалы в этом отношении представляют картину во многом подобную.

5. В подстандарте наблюдаем перевес в сторону утилитарности. Целью человеческой жизни становится зарабатывание денег. Отсюда появилась фразеосемантическая группа, в которой труд воспринимается только как средство, ведущее к такому результату.

6. Отличие русского и польского материалов проявляет себя в непропорциональном количестве как лексем, так и фразеологизмов, характеризующих трудовую деятельность: в русском ненормативном языке их довольно много по сравнению с польским. В польском языковом подстандарте подобные единицы могут отсутствовать, по-видимому, из-за того, что, скажем, носители польского сленга по сравнению с носителями русского уделяют меньшее внимание труду, более интересуясь другими сторонами жизни. Это может также

свидетельствовать о несоотнесенности фиксирующих русский и польский сленги словарей. Более полное и точное представление о сходствах и отличиях ненормативной лексики и фразеологии двух сопоставляемых языков требует самостоятельного и более подробного исследования, что не входило в поставленную нами перед собой задачу.

Заключение

Настоящее диссертационное исследование было посвящено многоаспектному изучению семантики труда в русском и польском языках. Посредством семантического анализа лексем и фразеологизмов мы пытались проникнуть в сферу концептов. В этой сфере концепт «труд» представляет фрагмент действительности, особенно важный для обеих славянских лингвокультур. Проведенный анализ позволяет суммировать особенности восприятия трудовой деятельности следующим образом.

Исследование показывает, что взгляды русского и польского этносов на труд во многом совпадают, так как было обнаружено значительное преобладание общих черт трудовой деятельности над отличительными. Анализ языкового материала позволил выделить доминантные признаки труда универсального характера. Ведущее место среди них занимают признаки «тяжело», «напряженно», «много» и «нежелание». Поэтому в русском и польском языках наблюдается значительное количество слов, семантика которых подразумевает, с одной стороны, большое количество потраченных сил на тяжелую работу, с другой, то, что вкладываемые усилия оказываются пустыми. Это относится как к общим наименованиям трудовой деятельности (либо ее отсутствия), так к наименованиям лиц по отношению к труду. В обоих языках наиболее обстоятельно представлены фразеосемантические группы 'выполнение тяжелой, изнурительной работы', 'большой объем работы' и 'отсутствие желания трудиться, пребывание в праздности'. Универсальными для обеих лингвокультур являются также признаки, образующие на лексическом и фразеологическом уровнях семантические бинарные оппозиции в отношении темпа осуществляемого действия («быстро» – «медленно») либо качества выполняемой работы («хорошо», «старательно» – «плохо», «небрежно»).

В обеих лингвокультурах трудящийся тяжело, напряженно и много описывается посредством утомленного, изнуренного, находящегося в болезненном состоянии человека, а внешним проявлением его невероятных усилий является обильное выделение пота. Он уподобляется животному, используемому в хозяйственной деятельности. И, наконец, он работает так, как если бы был подневольным.

Опираясь на полученные данные, можно с уверенностью говорить, что стереотипные представления носителей русского и польского языков о ленивом,

бездельничающем человеке также содержат в себе много общего. Такой человек ведет малоподвижный образ жизни, принимает в основном лежачую или сидячую позу, его руки находятся в пассивном положении, а если он и проявляет какую-либо активность, то либо бесцельно передвигается туда-сюда, либо развлекается, либо предпринимает бессмысленные действия с показной занятостью, тратя при этом время впустую. Кроме того, он живет и питается за чужой счет.

Как показал анализ, подобное восприятие трудовой деятельности свойственно всем представителям разбираемых лингвокультур, независимо от того, носителями какой формы речи они являются. Поэтому возможным стало выделение в основном общих семантических групп в нормативном и ненормативном лексическом и фразеологическом материалах. На основе этого мы убеждаемся в том, что действительно «труд» является универсальным концептом.

Язык по своей природе антропоцентричен, что хорошо было видно на каждом этапе проводившегося нами исследования. Как утверждал древнегреческий философ Протагор, человек является мерой всех вещей. Многие части человеческого тела становятся мерой труда.

Обнаруженные в ходе анализа различия не позволяют говорить о полном совпадении представлений о труде в сознании носителей русского и польского языков. Однако нельзя упускать из виду, что национальное своеобразие проявляется лишь в неодинаковом словесном наполнении отдельных семантических групп, а не в общем восприятии трудовой деятельности русскими и поляками.

Специфика фразеологизмов обнаруживается, например, в выборе того или иного эталона труда (эталонном тяжелого труда для русских является литературный персонаж папа Карло, лени определенные виды животных – байбак, боров, сивый мерин, тюлень; в польском языковом сознании олицетворением лени является бык). Были выделены ФЕ, для раскрытия семантики которых требуются знания многовековой истории данной страны (напр., батрачество, бурлачество, *pańszczyzna*), типичных реалий (типа баклуши, репа, самовар), литературных произведений (басни И.А. Крылова «Белка» и «Обезьяна», баллада А. Мицкевича «*Pani Twardowska*», стихотворение Я. Бжехвы «*Androny*» и др.). В этом особенно ярко проявляется связь между языком и культурой. Такие языковые единицы отражают русский и польский национальный колорит, создают уникальность и неповторимость русской и польской ЯКМ. О различном словесном наполнении той или иной семантической группы свидетельствует также и то, что некоторые

образы являются нетипичными для польского языкового сознания, в то время как в русском языке наблюдается бóльшая распространенность фразеологизмов, описывающих, напр., человека, работающего в склоненной или изогнутой позе. Русские охотнее, чем поляки притворяются трудягой. Лишь носителями польского языка лень воспринимается как болезнь. Таких примеров в ходе анализа встретилось довольно много, но они не укладываются в группы.

Положительные стороны трудовой активности как в русском, так и в польском языках отражены незначительно. Отрицательная оценочность свойственна большинству лексем и фразеологизмов, характеризующих трудовую деятельность. Однако отношение человека к труду, закрепившееся в языковом сознании русских и поляков, нельзя расценивать как однозначно негативное. Представители обоих лингвокультурных сообществ ценят усердное, эффективное, старательное выполнение работы, что нашло свое подтверждение на лексическом и фразеологическом уровнях. Такое отношение к труду выработало человечество на всем протяжении своего развития. При этом следует заметить, что языковые единицы, в значении которых заключена положительная оценка труда, обнаруживаются лишь в языке нормативном. Трудолюбие, являющееся качеством, одобряемым в ценностной картине мира русскими и поляками, осуждается, высмеивается носителями сленга, о чем свидетельствуют многие обозначения трудолюбивого, прилежного ученика, студента с явно негативными коннотациями.

В результате проведенного описания лексических и фразеологических репрезентантов концепта «труд» в русском и польском ненормативных языках было установлено, что существует прямая зависимость труда и учебы.

Основываясь на анализе материала, можно также констатировать, что под воздействием социальных факторов важной целью трудовой деятельности в ЯКМ стало зарабатывание денег. Это нашло свое отражение преимущественно в сленговом материале современного русского языка.

К сказанному можно добавить, что для носителей русского сленга, по сравнению с носителями польского сленга, характерен более широкий взгляд на труд. В связи с этим реконструированный фрагмент русской ЯКМ оказался более прорисованным.

Хотелось бы также отметить, что данное диссертационное исследование не исчерпывает всего содержания рассматриваемой проблемы. Полученные результаты открывают широкие перспективы для дальнейшего научного поиска,

связанного с изучением семантики труда в русско-польском языковом сопоставлении. Интересным представляется анализ других репрезентантов концепта «труд» и реконструкция данного фрагмента ЯКМ на более широком эмпирическом материале, в частности текстовом. В перспективе настоящая работа предполагает также уточнение с помощью анкет актуальности той или иной языковой единицы для носителя русского и польского языков и, соответственно, смысла, стоящего за ней. В первую очередь это относится к ненормативному, особенно к сленговому, материалу, который, как известно, весьма динамичен.

Литература

1. Алексеев А.В., *Труд: деятельность или печаль?* «Русская речь» 1998, № 4, с. 117–123.
2. Алексеенко М., *Типы русско-украинских фразеологических соответствий (транслатологический аспект)*, [w:] *Z badań nad współczesnymi językami wschodniosłowiańskimi i polskim*, red. B. Tichoniuk, Zielona Góra 2001, s. 7–14.
3. Алексеенко М., Хорды М., *Фразеосемантическая группа с соматизмом голова / głowa в современных русском и польском языках*, [w:] *Słowotwórstwo, semantyka i składnia języków słowiańskich*. Т. 1, red. M. Blicharski, H. Fontański, Katowice 1999, s. 164–175.
4. Алефиренко Н.Ф., *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм*, Москва 2008.
5. Алефиренко Н.Ф., *Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка*, Москва 2010.
6. Алефиренко Н.Ф., *Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства*, „Przegląd Wschodnioeuropejski” Т. 1 (2010), s. 405–424.
7. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н., *Фразеология и паремология*, Москва 2009.
8. Апресян Ю.Д., *Основания системной лексикографии*, [в:] *Языковая картина мира и системная лексикография*, ред. Ю.Д. Апресян, Москва 2006, с. 33–160.
9. Арутюнова Н.Д., *Введение*, [в:] *Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке*, ред. Н.Д. Арутюнова, И.В. Левонтина, Москва 1999, с. 3–10.
10. Бабушкин А.П., *Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка*, Воронеж 1996.
11. Байрамова Л., *Общезыковые и окказиональные неофразеологизмы ФСП «Наркомания»*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas VI: nowa frazeologia w nowej Europie: materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6-7 września 2001 r., Greifswald, 8-9 września 2001 r.)*, red. M. Aleksiejenko, W. Mokijenko, H. Walter, Szczecin 2004, s. 226–230.
12. Баранов А.Н., Добровольский Д.О., *Аспекты теории фразеологии*, Москва 2008.
13. Бартминьский Е., *Некоторые спорные проблемы этнолингвистики*, пер. Р. Левицкого, [в:] *Idem, Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005, с. 33–38.

14. Бартми́нский Е., *Чем занимается этнолингвистика?* пер. Е.Л. Березович, [в:] Idem, *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005, с. 23–32.
15. Бартми́нский Е., Небжеговская С., *Профили и субъективная картина мира*, пер. М.В. Ясинской, [в:] Е. Бартми́нский, *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005, с. 105–114.
16. Бартми́нский Е., Панасюк И., *Языковые стереотипы*, пер. М.Э. Рут, [в:] Е. Бартми́нский, *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005, с. 158–187.
17. Березович Е.Л., *К этнолингвистической интерпретации семантических полей*, «Вопросы языкознания» 2004, № 6, с. 3–24.
18. Болдырев Н.Н., *Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии*, Тамбов 2002.
19. Брутян Г.А., *Языковая картина мира и ее роль в познании. Методологические проблемы анализа языка*, Ереван 1976.
20. Будагов Р.А., *Что такое развитие и совершенствование языка?* Москва 2004.
21. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д., *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*, Москва 1997.
22. Вальтер Х., *Жаргонная фразеология как объект неологии*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas VI: nowa frazeologia w nowej Europie: materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6-7 września 2001 r., Greifswald, 8-9 września 2001 r.)*, red. M. Aleksiejenko, W. Mokijenko, H. Walter, Szczecin 2002, s. 535–541.
23. Васильев, *Через пень колоду*, «Русская речь» 2004, № 6, с. 108–114.
24. Вахитов С., *Сленговая фразеология и пути ее пополнения*, [w:] *Frazeologia słowiańska i inne płaszczyzny systemu językowego*, red. J. Bartoszevska, W. Mokijenko, H. Walter, Gdańsk 2004, s. 147–152.
25. Вильк Г., *Фразеологизмы, вербализирующие концепт «труд» в русском языке, и их польские соответствия*, [in:] *Daugavpils Universitātes 50. starptautiskās zinātniskās konferences materiāli = Proceedings of the 50th International Scientific Conference of Daugavpils University. Law and Humanities*, ed. D. Oļehnovičs, Daugavpils 2009, p. 334–338.
26. Вильк Г., *Наименование лиц по отношению к труду в польском и русском языках (семантика и словообразование)*, [in:] *DU 51. starptautiskās zinātniskās konferences materiāli. Vol. 1*, ed. D. Oļehnovičs, Daugavpils 2010, p. 135–139.

27. Вильк Г., *Сленговые названия лиц, отражающие отношение к труду (на материале польского и русского языков)*, [in:] *Studii de limbă, literatură și metodică. Lucrările simpozionului internațional „Tendințe actuale în studierea limbilor, literaturilor și culturilor slave” Cluj-Napoca, 19-20 iunie 2008. XIII*, red. K. Balátz, Cluj-Napoca 2010, p. 60–65.
28. Вильк Г., *Национальная маркированность фразеологизмов в польском и русском языках (на основании семантического поля «трудовая деятельность»)*, [в:] *Русистика и современность. 13-я международная научная конференция. Сборник научных статей*, ред. Э. Архангельская, Л. Игнатьева, О. Романова, Рига 2011, с. 82–86; «CommunicatoR» 2011, № 2, с. 19–23.
29. Вильк Г., *Сленговая фразеология как неотъемлемая часть фразеологической неологии и ее использование в процессе обучения русскому языку*, [w:] *Русский язык в польской аудитории. Т. 3*, ред. А. Zych, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2011, s. 62–70.
30. Вильк Г., *Характеристика лексем концепта «труд» в русском и польском языках*, [в:] *Русистика и современность: материалы XIV международной научно-практической конференции 29 сентября – 1 октября 2011. Том 1: Лингвокультурология и межкультурная коммуникация*, ред. И.П. Лысакова, Санкт-Петербург 2011, с. 84–89.
31. Воркачев С.Г., *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании*, «Филологические науки» 2001, № 1, с. 64–72, <http://lincon.narod.ru/lingvocult.htm> (дата обращения: 25.01.2012).
32. Воркачев С.Г., *Методологические основания лингвоконцептологии*, [в:] *Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности*, ред. В.Б.Кашкин, Воронеж 2002, с. 79–95, http://tp11999.narod.ru/teoreticheskaya_i_prikladnaya_lingvistika/vipusk_3_2000/sgvorkachyov_metodologicheskie_osnovaniya_lingvokontseptologii/ (дата обращения: 31.03.2012).
33. Воркачев С.Г., *Концепт как «зонтиковый» термин*, [в:] *Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24*, ред. В.В. Красных, А.И. Изотов, Москва 2003.
34. Ганапольская Е.В., *Фразеосемантическое поле «Труд» в русском языке в сопоставлении с английским. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Санкт-Петербург 1995.

35. Глазкова И.В., *Труженик – тунеядец*, «Русская речь» 2005, № 1, с. 76–78.
36. Голованова А., *Категория ценности и ее репрезентация в польской языковой картине мира*, [w:] *Język w kręgu wartości. Studia semantyczne*, red. J. Bartmiński, Lublin 2003, s. 163–169.
37. Гоннова Т.В., *Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Волгоград 2003.
38. Гоннова Т.В., *Труд-1*, [в:] *Антология концептов*, ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин, Москва 2007, с. 475–483.
39. Горды М., *Проблемы систематизации фразеологических номинаций с соматическим компонентом в современных русском и польском языках*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas VII: nowe środki nominacji językowej w nowej Europie: materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 21-23 listopada 2003 r.)*, red. M. Aleksiejenko, M. Kuczyńska, Szczecin 2004, s. 213–219.
40. Горды М., *Соматическая фразеология современных русского и польских языков*, Щецин 2010.
41. Гумбольдт фон В., *О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (извлечения)*, <http://philologos.narod.ru/classics/humboldt.htm> (дата обращения: 31.03.2012).
42. Добровольский Д.О., *Национально-культурная специфика во фразеологии (I)*, «Вопросы языкознания» 1997, № 6, с. 37–48.
43. Дубичинский В.В., Самойлов А.Н., *Словари русского языка: учебное пособие*, Харьков 2000.
44. Елистратов В.С., *Московское аргю*, Москва 1994.
45. Еремина М.А., *К реконструкции традиционных представлений о труде по данным языка (на материале лексико-семантического поля «Отношение человека к труду» в русских народных говорах)*, „Etnolingwistyka” Т. 18 (2006), s. 221–235.
46. Журавлев А.Ф., *Рус. двужильный*, [в:] *Этимология: материалы исследования по индоевропейским и другим языкам 1985*, Москва 1988, с. 78–81.
47. Журавлев А., *Славянская этнолингвистика в работах Н.И. Толстого (Предисловие редактора)*, [в:] Н.И. Толстой, *Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва 1995, с. 8–12.

48. Журек М., *Фразеологизмы с компонентом – наименованием животного, характеризующие человека, в русском и польском языках*, [в:] *Systemy zoologiczne w językach słowiańskich*, red. S. Warchoń, Lublin 1996, s. 327–334.
49. Залевская А.А., *Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию*, [в:] *Языковое сознание и образ мира: сборник статей*, ред. Н.В. Уфимцева, Москва 2000, с. 39–54.
50. Зализняк А.А., *Многозначность в языке и способы ее представления*, Москва 2006.
51. Звегинцев В.А., *О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта*, [в:] В. Гумбольдт, *Избранные труды по языкознанию*, Москва 1984, с. 356–362.
52. Зеленин А.В., *Русская лень*, «Русский язык за рубежом» 2004, № 1, с. 24–32.
53. Зеленин А.В., *Русская лень. Лень в языке*, «Русский язык за рубежом» 2004, № 2, с. 18–24.
54. Земская Е.А., *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*, Москва 2004.
55. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е., *Лингвокультурология: теория и практика*, Санкт-Петербург 2009.
56. Иванова Е.В., *Мир в английских и русских пословицах*, Санкт-Петербург 2006.
57. Иванова О.Е., *Плясать до упаду, а работать без устали. О разграничении наречия и существительного с предлогом*, «Русская речь» 2008, № 3, с. 53–58.
58. Камалова А.А., *Когнитивная лингвистика в России (краткий обзор)*, [в:] *Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*, ред. А. Киклевич, А. Камалова, Ольштын 2010, с. 23–41.
59. Карасик В.И., *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград 2002.
60. Карасик В.И., *Языковые ключи*, Москва 2009.
61. Карасик В.И., Слышкин Г.Г., *Базовые характеристики лингвокультурных концептов*, [в:] *Антология концептов*, ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин, Москва 2007, с. 12–13.
62. Караулов Ю.Н., *Общая и русская идеография*, Москва 1976.
63. Караулов Ю.Н., *Русский язык и языковая личность*, Москва 1987.
64. Караулов Ю.Н., *Языковая личность и задачи ее изучения*, [в:] *Idem, Язык и личность*, Москва 1989, http://destructionen.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm (дата обращения: 14.11.2011).
65. Ковалева Л.В., *Фразеология как когнитивный процесс*, Воронеж 2004.

66. Козьякова А.Б., *Фразеология молодежного жаргона*, «Русская речь» 2003, № 6, с. 116–119.
67. Корнилов О.А., *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, Москва 2003.
68. Красных В. В., *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций*, Москва 2002.
69. Красных В.В., *Лингво-когнитивные основы воспроизводимости*, «Вестник ЦМО МГУ» 2009, № 3, с. 54–62, <http://botanikliferu.504.com1.ru:8025/WWW/cie/vestnik/pdf/2009/n3/KRASNYKH3.pdf> (дата обращения: 14.11.2011).
70. Кун Т., *Структура научных революций*, Москва 1977.
71. Лакофф Дж., Джонсон М., *Метафоры, которыми мы живем*, пер. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой, Москва 2008.
72. Ларин Б.А., *История русского языка и общее языкознание*, Москва 1977.
73. Левицкая А., *Фразеологизмы со значением «бездельничать»: активные модели в языке*, [в:] *Международная конференция молодых филологов-славистов: Тезисы докладов лингвистической секции, Тарту, 27-29 апреля 2007 г.*, Тарту 2007, с. 36.
74. Левонтина И.Б., *Ното piger*, [в:] А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, *Ключевые идеи русской языковой картины мира*, Москва 2005, с. 336–344.
75. Лысакова И.П., *К вопросу о понятийном аппарате дисциплин «лингвокультурология» и «межкультурная коммуникация»*, <http://uapryal.com.ua/training/lyisakova-i-p-k-voprosu-o-ponyatiynom-apparate-distiplin-lingvokulturologiya-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/3/> (дата обращения: 07.01.2012).
76. Малиновский Е., *О фразеологии молодежного сленга сегодняшнего дня*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas VII: nowe środki nominacji językowej w nowej Europie: materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 21-23 listopada 2003 r.)*, red. M. Aleksiejenko, M. Kuczyńska, Szczecin 2004, s. 261–267.
77. Маркелова Е.В., *Концепты «труд» и «лень» в русских пословицах*, [в:] *Российская дидактическая школа и преподавание второго языка (памяти П.Я. Гальперина): материалы научно-методической конференции, Новосибирск, 5-7 июня 2001 г.*, ред. С.П. Маккуойд, Новосибирск 2001, с. 129–131.
78. Маслова В.А., *Лингвокультурология*, Москва 2001.

79. Маслова В.А., *Культурно-национальная специфика русской фразеологии*, [в:] *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках*, ред. В.Н. Телия, Москва 2004.
80. Маслова В.А., *Когнитивная лингвистика*, Минск 2005.
81. Маслова В.А., *Современные направления в лингвистике*, Москва 2008.
82. Мечковская Н., *Две картины мира: язык и обыденное сознание (информационная фактура, делиминация границ и стереотипов)*, [w:] *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 5: Opis, konfrontacja, przekład*, red. M. Sarnowski, W. Wysoczański, Wrocław 2005, s. 227–238.
83. Мечковская Н.Б., *Концепты НАРОД, РАБОТА и ЛЮБОВЬ в игровой коммуникации русскоязычных компьютерщиков*, „Etnolingwistyka” Т. 24 (2012), s. 71–94.
84. Мокиенко В.М., *Славянская фразеология*, Москва 1980.
85. Мокиенко В.М., *Во всю ивановскую: площадь или мощь?* «Русская речь» 1986, № 1, с. 125–132.
86. Мокиенко В.М., *К украинско-польско-русским лексическим и фразеологическим взаимодействиям (укр. халява – пол. cholewa – рус. халява; на халяву)*, [w:] *Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor Teresie Zofii Orłoś*, red. H. Wróbel, Kraków 2000, s. 171–181.
87. Мокиенко В., *Источники фразеологической неологии в русском языке*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas VII: nowe środki nominacji językowej w nowej Europie: materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 21-23 listopada 2003 r.)*, red. M. Aleksiejenko, M. Kuczyńska, Szczecin 2004, s. 27–38.
88. Мокиенко В.М., *Языковая картина мира в зеркале фразеологии*, [w:] *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*, red. W. Chlebda, Opole 2007, s. 51–66.
89. Мокиенко В.М., *Почему тетеря ленива?* «Севернорусские говоры» 2008, № 9, с. 132–140.
90. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии)*, [в:] *Фразеология в контексте культуры*, ред. В.Н. Телия, Москва 1999, с. 80–85.
91. Молдован А.М., *«...Вот рыскают по свету, бьют баклуши...»*, «Русская речь» 2007, № 2, с. 113–116.

92. Невзорова Е.А., *Фразеология польского молодежного жаргона (семантический аспект)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Санкт-Петербург 2002.
93. Невзорова-Кмеч Е.А., *Языковой портрет человека в польском и русском молодежном сленге* [w:] *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 5: Opis, konfrontacja, przekład*, red. M. Sarnowski, W. Wysoczański, Wrocław 2005, s. 247–253.
94. Невзорова-Кмеч Е.А., *Проблема перевода сленговых фразеологических единиц (на материале польского и русского языков)*, [w:] *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*, red. W. Chlebda, Opole 2007, s. 463–469.
95. Огольцев В.М., *Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии*, Ленинград 1978.
96. Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В., *Введение*, [в:] Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский, *Очерки по истории лингвистики*, Москва 2005, с. 6–19.
97. Окольская Л.А., *Российская формула труда: исторический экскурс*, «Человек» 2006, № 4, с. 16–30.
98. Пименова М.В., *Душа и дух: способы концептуализации*, Кемерово 2004.
99. Попов Г., *Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева*, Санкт-Петербург 1903.
100. Попова Е.А., Скрыльникова А.Ю., *Лень в жизни и в русской речи*, «Русская речь» 2007, № 4, с. 41–45.
101. Попова З.Д., *Из истории когнитивного анализа в лингвистике*, [в:] *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*, ред. И.А. Стернин, Воронеж 2001, с. 7–17.
102. Попова З.Д., Стернин И.А., *Когнитивная лингвистика и лингвокультурология* «Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания» 2001, вып. 16, с. 112–120.
103. Попова З.Д., Стернин И.А., *Очерки по когнитивной лингвистике*, Воронеж 2003.
104. Попова З.Д., Стернин И.А., *Семантико-когнитивное направление в российской лингвистике*, „Respectus Philologicus” 2006, iss. 10 (15), p. 43–51.
105. Попова З.Д., Стернин И.А., *Когнитивная лингвистика*, Москва 2010.

106. Постовалова В.И., *Картина мира в жизнедеятельности человека*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира*, ред. Б.А. Серебренников, Москва 1988, с. 8–69.
107. Радбиль Т.Б., *Основы изучения языкового менталитета*, Москва 2010.
108. Радзиевская Т.В., *Представления о труде по данным украинского языка, или о концептах «праця» и «робота»*, [в:] *Сокровенные смыслы: слово, текст, культура: сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*, ред. Ю.Д. Апресян, Москва 2004, с. 632–639.
109. Радченко О.А., *Лингвофилософский неоромантизм Й.Л. Вайсгербера*, «Вопросы языкознания» 1993, № 2, с. 107–114.
110. Рамишвили Г.В., *Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания*, [в:] В. Гумбольдт, *Избранные труды по языкознанию*, Москва 1984, с. 5–33.
111. Сепир Э., *Статус лингвистики как науки*, [в:] *Idem, Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва 1993, <http://www.philology.ru/linguistics1/sapir-93c.htm> (дата обращения: 07.11.2011).
112. Сепир Э., *Язык, раса и культура*, [в:] *Idem, Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва 1993, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sepir/10.php (дата обращения: 07.11.2011).
113. Слышкин Г.Г., *Лингвокультурный концепт как системное образование*, «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» 2004, № 1, с. 29–34.
114. Ставицька Л., *Арго, жаргон, сленг*, Київ 2005.
115. Степанов Ю.С., *Константы: словарь русской культуры*, Москва 2001.
116. Стернин И.А., *Проблема сквернословия*, Туапсе 2000.
117. Стернин И.А., *Методика исследования структуры концепта*, [в:] *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*, ред. И.А. Стернин, Воронеж 2001, с. 58–65.
118. Стернин И.А., *Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования*, Москва 2007.
119. Сулова И.П., *Халява, халявщик*, «Русская речь» 2002, № 6, с. 112.
120. Телия В.Н., *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва 1996.

121. Телия В.Н., *Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка*, [в:] *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках*, ред. В.Н. Телия, Москва 2004, с. 19–30.
122. Токарев Г.В., *Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта труд в русском языке)*, Волгоград 2003.
123. Токарев Г.В., *Особенности лексической репрезентации концепта «труд»*, [в:] *Лингвистические парадигмы: традиции и новации: материалы международного симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков»*, Волгоград, 23-25 мая 2000 г., Волгоград 2000, с. 192–201.
124. Токарев Г.В., *О базовых образах выражения трудовой деятельности*, «Русский язык в школе» 2002, № 6, с. 76–78.
125. Токарев Г.В., *Лексические средства выражения особенностей миропонимания*, «Русский язык в школе» 2003, № 4, с. 73–75.
126. Токарев Г.В., *Теоретические проблемы вербализации концепта «Труд» в русском языке*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Волгоград 2003.
127. Толстая С.М., *Этнолингвистика: современное состояние и перспективы*, <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (дата обращения: 12.02.2013).
128. Толстой Н.И., *Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва 1995.
129. Уфимцева Н.В., *Образ мира русских: системность и содержание*, <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/08/image/08-098.pdf> (дата обращения: 05.04.2012).
130. Уфимцева Н.В., *Сопоставительное исследование языкового сознания славян*, [в:] *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*, ред. И.А. Стернин, Воронеж 2001, с. 65–71.
131. Ушакова Т.Н., *Языковое сознание и принципы его исследования*, [в:] *Языковое сознание и текст: теоретические и прикладные аспекты*, ред. Н.В. Уфимцева, 2003, http://www.ipras.ru/boiko-school/texts/2003/ushakova03_yazyk_sozn.pdf (дата обращения: 05.04.2012).
132. Фрумкина Р.М., *Когнитивная лингвистика, или «психоллингвистика наоборот»?* <http://psixling.ru/pril/65-65.html> (дата обращения: 14.11.2011).

133. Халикова Н.В., *Что делают «во все лопатки» и «во всю ивановскую»?* «Русская речь» 2004, № 5, с. 52–56.
134. Химик В.В., *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*, Санкт-Петербург 2000.
135. Химик В., *Русские субъективно-оценочные дериваты и их семантический потенциал*, [w:] *Język. Człowiek. Dyskurs*, red. M. Hordy, W. Mokijenko, H. Walter, Szczecin 2007, s. 325–332.
136. Цыбова И., *Отражение концепта праздность, лень, бездействие во французской и русской фразеологии*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas VI: nowa frazeologia w nowej Europie: materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6-7 września 2001 r., Greifswald, 8-9 września 2001 r.)*, red. M. Aleksiejenko, W. Mokijenko, H. Walter, Szczecin 2002, s. 105–110.
137. Червинский П., *Жаргоны и сленг в аспекте оформления лексического значения слова*, [в:] *Лексика подстандарта. Т. 2: Современные жаргоны и их описание*, ред. А. Зых, М. Надель-Червиньска, Катовице 2009, с. 21–45.
138. Червинский П., *Язык советской действительности. Семантика позитива в обозначении лиц*, Тернополь 2012.
139. Чернова О.Е., *Концепт «труд» как объект идеологизации*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург 2004.
140. Чернова О.Е., *Труд-2*, [в:] *Антология концептов*, ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин, Москва 2007, с. 484–497.
141. Чубур Т.А., *Объективация концепта отдых в русском и английском языках*, <http://www.rusist.od.ua/members.php> (дата обращения: 14.01.2012).
142. Шанский Н.М., *Фразеология современного русского языка*, Москва 1963.
143. Шабалина Е.В., *Двузначный*, «Русская речь» 2009, № 6, с. 106–109.
144. Юдин А.В., *Понятие картины / модели мира в польском и русском языкознании*, [in:] *For East is East. Liber Amicorum Wojciech Skalmowski*, red. T. Soldatjenkova, E. Waegemans, Leuven [etc.] 2003, p. 267–275.
145. Abramowicz M., Bartmiński J., Chlebda W., *Językowo-kulturowy obraz świata Słowian na tle porównawczym*, http://www.ethnolinguistica-slavica.org/index.php?option=com_content&view=article&id=74:jzykowo-kulturowy-obraz-wiata-sowian-na-tle-porownawczym&catid=4:2008-12-13-17-04-25&Itemid=3 (дата обращения: 14.11.2011).

146. Anusiewicz J., *Koń – jaki jest – w języku polskim?* „Prace Filologiczne” T. 37 (1992), s. 201–212.
147. Anusiewicz J., *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*, Wrocław 1994.
148. Anusiewicz J., *Problematyka językowego obrazu świata w poglądach niektórych językoznawców i filozofów niemieckich XX wieku*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin 2004, s. 261–289.
149. Anusiewicz J., Dąbrowska A., Fleischer M., *Językowy obraz świata i kultura. Projekt koncepcji badawczej*, [w:] *Język a Kultura*. T. 13: *Językowy obraz świata i kultura*, red. A. Dąbrowska, J. Anusiewicz, Wrocław 2000, s. 11–44.
150. Bańko M., *Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa: studia o słowniku jednojęzycznym*, Warszawa 2001.
151. Bartmiński J., *Językowy obraz świata Polaków w okresie przemian*, [w:] *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. 1, red. S. Gajda, Opole 2000, s. 179–195.
152. Bartmiński J., *O językowym obrazie świata Polaków końca XX wieku*, [w:] *Polszczyzna XX wieku: Ewolucja i perspektywy rozwoju*, red. S. Dubisz, S. Gajda, Warszawa 2001, s. 27–53.
153. Bartmiński, *Etnolingwistyka słowiańska – próba bilansu*, „Etnolingwistyka” T. 16 (2004), s. 9–27.
154. Bartmiński J., *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, Lublin 2004, s. 105–120.
155. Bartmiński J., *Pytania o przedmiot językoznawstwa: pojęcia językowego obrazu świata i tekstu w perspektywie polonistyki integralnej*, [w:] *Polonistyka w przebudowie: literaturoznawstwo – wiedza o języku – wiedza o kulturze – edukacja: Zjazd Polonistów, Kraków, 22-25 września 2004. T. 1*, zespół redakcyjny M. Czermińska [et al.], Kraków 2005, s. 39–49.
156. Bartmiński J., *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin 2006.
157. Bartmiński J., *Stereotypy mieszkają w języku: studia etnolingwistyczne*, Lublin 2009.
158. Bartmiński J., *Styl potoczny*, [w:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2010, s. 115–134.
159. Bartmiński J., *Czy istnieje europejski kanon wartości?* „Etnolingwistyka” T. 23 (2011), s. 15–18.
160. Bartmiński J., *Linguistic worldview as a problem of cognitive ethnolinguistics*, http://www.ethnolinguistica-slavica.org/index.php?option=com_content&view=articl

[e&id=82:linguistic-worldview-as-a-problem-of-cognitive-ethnolinguistics&catid=4:2008-12-13-17-04-25&Itemid=3](http://www.ilingwa.pl/e&id=82:linguistic-worldview-as-a-problem-of-cognitive-ethnolinguistics&catid=4:2008-12-13-17-04-25&Itemid=3) (data обращения: 27.07.2012).

161. Bartmiński J., Chlebda W., *Jak badać językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów?* „Etnolingwistyka” T. 20 (2008), s. 11–27.
162. Bartmiński J., Panasiuk J., *Stereotypy językowe*, [w:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2010, s. 371–395.
163. Bartwicka H., „*Metafory zwierzęce*” w języku polskim i rosyjskim, [w:] *Lexicographica Slavica*, red. J. Wawrzyńczyk, Toruń 1992, s. 7–14.
164. Bartwicka H., *Rosyjski język potoczny: słownictwo*, Bydgoszcz 2000.
165. Basaj M., *Nazwy zwierząt jako komponenty porównań frazeologicznych*, [w:] *Systemy zoonimiczne w językach słowiańskich*, red. S. Warchoń, Lublin 1996, s. 281–287.
166. Bąba S., *Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny*, Poznań 1989.
167. Brzozowska M., *Zmiany semantyczne nazw związanych z pracą w nowych warunkach ustrojowych*, [w:] *Przemiany języka na tle przemian współczesnej kultury*, red. K. Ożóg, E. Oronowicz-Kida, Rzeszów 2006, s. 212–227.
168. Brzozowska M., *Etymologia a konotacja słowa: studia semantyczne*, Lublin 2009.
169. Buttler D., *Rozwój semantyczny wyrazów polskich*, Warszawa 1978.
170. Bytniewski P., *Język i kultura w koncepcji E. Sapira i B.L. Whorfa*, [w:] *Język a kultura. T. 2: Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne*, red. J. Puzynina, J. Bartmiński, Wrocław 1991, s. 11–23.
171. Chlebda W., *Płaszczyzny oglądu językowego obrazu świata*, [w:] *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1*, red. S. Gajda, Opole 2000, s. 164–178.
172. Chlebda W., *W poszukiwaniu językowo-kulturowego obrazu świata Słowian*, [w:] *Etnolingwistyka a leksykografia. Tom poświęcony Profesorowi Jerzemu Bartmińskiemu*, red. W. Chlebda, Opole 2010, s. 7–20.
173. Chomko J., *Młodzieżowe argot a kultura (na podstawie nazw osób w języku rosyjskim)*, „Studia Wschodniosłowiańskie” T. 5 (2005), s. 185–193.
174. Christou A., *Male and female work in Czech linguistic picture of the world*, [w:] *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*, red. M. Abramowicz, J. Bartmiński, I. Bielińska-Gardziel, Lublin 2012, s. 159–170.
175. Czapiga A., *Analiza wybranych elementów pola semantycznego koń (na materiale języka polskiego, rosyjskiego i angielskiego)*, [w:] *Literatury i języki wschodniosłowiańskie z perspektywy XXI wieku*, Zielona Góra 2007, s. 265–270.

176. Czapiga A., *Antroponimiczne metafory odzwierzęce w języku polskim, rosyjskim i angielskim*, Rzeszów 2008.
177. Dąbrowska A., *Tę zębę trzeba zjeść. Językowo-kulturowy obraz żaby w polszczyźnie*, [w:] *Język a Kultura*. T. 13: *Językowy obraz świata i kultura*, red. A. Dąbrowska, J. Anusiewicz, Wrocław 2000, s. 181–203.
178. Dąbrowska A., *Współczesne problemy lingwistyki kulturowej*, [w:] *Polonistyka w przebudowie: literaturoznawstwo – wiedza o języku – wiedza o kulturze – edukacja: Zjazd Polonistów, Kraków, 22-25 września 2004*. T. 1, zespół redakcyjny M. Czermińska [et al.], Kraków 2005, s. 99–110.
179. Długosz K., Kołodziejek E., *Szczecińska etnolingwistyka*, „Etnolingwistyka” T. 8 (1996), s. 319–324.
180. Drózdź-Łuszczak K., *Pracoholik w polszczyźnie. Charakterystyka semantyczna*, „Prace Filologiczne” T. 60 (2011), s. 87–98.
181. Engelking A., „Zpracowany naród”. *PRACA jako rdzeń tożsamości białoruskich kołchoźników*, [w:] *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*, red. M. Abramowicz, J. Bartmiński, I. Bielińska-Gardziel, Lublin 2012, s. 137–157.
182. Filar D., Głaz A., *Obraz ręki w języku polskim i angielskim*, [w:] *Językowa kategoryzacja świata*, red. R. Grzegorzczak, A. Pajdzińska, Lublin 1996, s. 199–220.
183. Fleischer M., *Stabilność polskiej symboliki kolektywnej*, [w:] *Język w kręgu wartości: studia semantyczne*, red. J. Bartmiński, Lublin 2003, s. 107–143.
184. Gałkowski J.W., *Praca i człowiek. Próba filozoficznej analizy pracy*, Warszawa 1980.
185. Gałkowski J.W., *Polskie tradycje pracy*, [w:] *Wartości w kulturze polskiej*, red. L. Dyczewski, Lublin 1993, s. 245–259.
186. Gałkowski J.W., *Ziemski los człowieka. Jana Pawła II myśl o pracy*, Lublin 2004.
187. Gajda S., *Językoznawstwo na rozdrożu?* [w:] *Nowe czasy, nowe języki, nowe (i stare) problemy*, red. E. Jędrzejko, Katowice 1998, s. 11–19.
188. Giedz-Topolewska T., *Językowy obraz pracy we współczesnych rosyjskich tekstach reklamowych*, [w:] *Antynomie wartości: problematyka aksjologiczna w językoznawstwie*, red. A. Oskiera, Łódź 2007, s. 233–249.
189. Grabias S., *Język w zachowaniach społecznych*, Lublin 2003.

190. Grabias S., *Środowiskowe i zawodowe odmiany języka – socjolekty*, [w:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2010, s. 235–253.
191. Grzegorzczkova R., *Rozwój koncepcji języka w lingwistyce XX wieku*, [w:] *Polszczyzna XX wieku: ewolucja i perspektywy rozwoju*, red. S. Dubisz, S. Gajda, Warszawa 2001, s. 55–63.
192. Grzegorzczkova R., *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*, Warszawa 2001.
193. Grzegorzczkova R., *Pojęcie językowego obrazu świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin 2004, s. 39–46.
194. Grzegorzczkova R., *O rozumieniu prototypu i stereotypu we współczesnych teoriach semantycznych*, [w:] Eadem, *Świat widziany poprzez słowa: szkice z semantyki leksykalnej*, Warszawa 2012, s. 11–16.
195. Grzesiuk A., *Składnia wypowiedzi emocjonalnych*, Lublin 1995.
196. Guriewicz A., *Kategorie kultury średniowiecznej*, przeł. J. Dancygier, Warszawa, 1976.
197. Habrajska G., *Potoczność w rozumieniu potocznym*, [w:] *Język a Kultura*. T. 5: *Potoczność w języku i kulturze*, red. J. Anusiewicz i F. Nieckula, Wrocław 1992, s. 29–35.
198. Herder J.G., *Rozprawa o pochodzeniu języka*, przeł. B. Płaczowska, [w:] Idem, *Wybór pism*, Wrocław 1987, 59–175.
199. Hołówka T., *Myślenie potoczne*, Warszawa 1986.
200. Ignatowicz-Skowrońska J., *Tendencje nominacyjne w kreowaniu nowych frazeologizmów slangowych*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas VII: nowe środki nominacji językowej w nowej Europie: materiały VII Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 21-23 listopada 2003 r.)*, red. M. Aleksiejenko, M. Kuczyńska, Szczecin 2004, s. 226–233.
201. Jan Paweł II, *Laborem Exercens. O pracy ludzkiej*, Wrocław 1995.
202. Jedliński R., *Językowy obraz świata wartości w wypowiedziach uczniów kończących szkołę podstawową*, Kraków 2000.
203. Jędrzejko E., *Człowiek miarą wszech rzeczy. Antropocentryzm i historycznokulturowe aspekty staropolskiej frazeologii somatycznej*, „Prace Filologiczne” T. 46 (2001), s. 233–246.
204. *Język, wartości, polityka: zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce: raport z badań empirycznych*, red. J. Bartmiński, Lublin 2006.

205. Jordanskaja L., Melczuk I., *Konotacja w semantyce lingwistycznej i leksykografii*, [w:] *Konotacja*, red. J. Bartmiński, Lublin 1988, s. 9–34.
206. Judin A.W., *Rozumienie terminu obraz świata i model świata w semiotyce i lingwistyce rosyjskiej*, przeł. I. Lappo, „Etnolingwistyka” T. 16 (2004), s. 315–323.
207. Kołakowski L., *Mini-wyklady o maxi-sprawach*. Ser. 2, Kraków 1999.
208. Kołodziejek E., *Człowiek i świat w języku subkultur*, Szczecin 2007.
209. *Komparacja współczesnych języków słowiańskich*. 3: *Frazeologia*, red. W. Mokijenko, H. Walter, Opole 2008.
210. Korcz W., *Problem pracy a miejsce człowieka w społeczeństwie: poglądy na pracę w polskim Oświeceniu*, Warszawa [etc.] 1983.
211. Kotarbiński T., *Traktat o dobrej robocie*, Wrocław 1965.
212. Kowalska E.M., *Wilhelm von Humboldt: życie, dzieło, mit*, Rzeszów 2006.
213. Krawczyk A., *Cechy części ciała jako tworzywo semantycznej struktury związków frazeologicznych (na materiale gwarowym)*, [w:] *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej*. 1, red. M. Basaj, D. Rytel, Wrocław [etc.] 1982, s. 135–143.
214. Krawczyk A., *Język źródłem wiedzy o człowieku*, „Etnolingwistyka” T. 2 (1989), s. 29–38.
215. Krawczyk-Tyrpa A., *Frazeologia somatyczna w gwarach polskich: związki frazeologiczne o znaczeniach motywowanych cechami części ciała*, Wrocław [etc.] 1987.
216. Lapis B., *Poglądy na pracę we wczesnośredniowiecznym piśmiennictwie łacińskim (od połowy V do połowy VIII wieku)*, Poznań 1977.
217. Lapis B., *U źródeł polskich refleksji nad pracą*, Warszawa 1984.
218. Lewicki A.M., *Jak się wylęgły w Biblii i wyfrunęły z niej niebieskie ptaki?* [w:] *Studia nad polszczyzną współczesną i historyczną. Prace dedykowane Profesorowi Stanisławowi Bąbie w 65-lecie urodzin*, red. J. Liberek, Poznań 2004, s. 183–188.
219. Lewicki A.M., *Językoznawstwo polskie w XX wieku*, [w:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2010, s. 619–656.
220. Liberek J., *Zmiany w zasobie frazeologicznym współczesnej polszczyzny*, [w:] *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Teoria. Zagadnienia ogólne*, red. S. Bąba, K. Skibski, M. Szczyszek, Poznań 2010, s. 33–56.
221. Lubaś W., *Rola słownictwa potocznego w polszczyźnie ostatniego dziesięciolecia*, [w:] *Słownictwo współczesnej polszczyzny w okresie przemian*, red. J. Mazur, Lublin 2000, s. 59–68.

222. Lubaś W., *Polskie gadanie: podstawowe cechy i funkcje potocznej odmiany polszczyzny*, Opole 2003.
223. Maćkiewicz J., *Co to jest „językowy obraz świata”*, „Etnolingwistyka” T. 11 (1999), s. 7–24.
224. Maćkiewicz J., *Kategoryzacja a językowy obraz świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin 2004, s. 47–55.
225. Maćkiewicz J., *Metafora jako narzędzie rozumienia i porozumienia*, [w:] *Kognitywizm i komunikatywizm – dwa bieguny współczesnego językoznawstwa: dyskusja przy okrągłym stole*, red. W. Chłopicki, Kraków 2006, s. 69–76.
226. Majer-Baranowska U., *Dwie koncepcje profilowania pojęć w lingwistyce*, „Etnolingwistyka” T. 16 (2004), s. 85–109.
227. Mańczyk A., *Wspólnota językowa i jej obraz świata. Krytyczne uwagi do teorii językowej Leo Weisgerbera*, Zielona Góra 1982.
228. Marczevska M., *Drzewa w języku i w kulturze*, Kielce 2002.
229. Markowski A., *Kategoria potoczności w języku i opisie języka*, [w:] *Język a Kultura. T. 5: Potoczność w języku i kulturze*, red. J. Anusiewicz, F. Nieckuła, Wrocław 1992, s. 55–59.
230. Markuns A., *Пособие по русскому молодежному сленгу*, Poznań 2002.
231. Mazurkiewicz M., *Praca i sacrum w polszczyźnie ludowej*, „Etnolingwistyka” T. 2 (1989), s. 7–28.
232. Mazurkiewicz-Brzozowska M., *Dwa spojrzenia na pracę. Perspektywa interpretacyjna a znaczenie słowa*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin 1990, s. 121–136.
233. Mazurkiewicz-Brzozowska M., *PRACA. Wybrane warianty znaczenia słowa we współczesnej polszczyźnie i ich struktura kognitywna*, [w:] *Nazwy wartości: studia leksykalno-semantyczne. T. 1*, red. J. Bartmiński, M. Mazurkiewicz-Brzozowska, Lublin 1993, s. 133–145.
234. Miroszniczenko I., *Семантичне поле „праця / неробство” засобами польських періодфразеологізмів*, [w:] *Linguodidactica. T. 13*, red. R. Hajczuk, Białystok 2009, s. 137–152.
235. Morita K., *PRACA i WOLNOŚĆ w językach japońskim i polskim*, „Etnolingwistyka” T. 24 (2012), s. 47–55.
236. Mosiołek-Kłosińska K., *Dzieje koncepcji języka jako formy ujmowania świata*, „Poradnik Językowy” 1994, z. 4, s. 15–22.

237. Mosiołek-Kłosińska K., *Antropocentryzm leksyki „zwierzęcej”*, [w:] *Semantyczna struktura słownictwa i wypowiedzi*, red. R. Grzegorzczkova, Z. Zaron, Warszawa 1997, s. 71–78.
238. Nagórko A., *Z problemów etnolingwistyki – jak porównywać języki i kultury?* „Poradnik Językowy” 1994, z. 4, s. 4–14.
239. Naruszewicz A., *Oda. O powinności człowieka w towarzystwie*, [w:] *Zabawy przyjemne i pożyteczne (1770-1777)*. T. 2, wstęp i oprac. J. Platt, Wrocław 2004.
240. Nepop-Ajdaczyć L., *Polska etnolingwistyka kognitywna: pomoc dydaktyczna*, Kijów 2007.
241. Nowakowska A., *Człowiek jak zwierzę. Sfrazeologizowane porównania odczasownikowe na podstawie Słownika frazeologicznego języka polskiego*, [w:] *Język a Kultura*. T. 15: *Opozycja homo – animal w języku i kulturze*, red. A. Dąbrowska, Wrocław 2003, s. 97–102.
242. Nowakowska A., *Porównania frazeologiczne (zarys problematyki)*, [w:] *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Teoria. Zagadnienia ogólne*, red. S. Bąba, K. Skibski, M. Szczyszek, Poznań 2010, s. 77–86.
243. Ostrowska E., *Z zagubionych wyrazów. 2. Robota*, „Język Polski” R. 35 (1955), z. 4, s. 271–289.
244. Pado A., *Leksemy o znaczeniu „zwierzę” w składzie rosyjskich i polskich związków frazeologicznych*, [w:] *Słownictwo języków słowiańskich w aspekcie porównawczym*, red. M. Lesiów, Lublin 1987, s.137–144.
245. Pajdzińska A., *Udział konotacji leksykalnej w motywacji frazeologizmów*, [w:] *Konotacja*, red. J. Bartmiński, Lublin 1988, s. 67–82.
246. Pajdzińska A., *Antropocentryzm frazeologii potocznej*, „Etnolingwistyka” T. 3 (1990), s. 59–68.
247. Pajdzińska A., *Głową muru nie przebijesz, czyli „filozofia życia” utrwalona w polskiej frazeologii*, „Przegląd Humanistyczny” 1994, nr 2 (323), s. 85–92.
248. Pajdzińska A., *Przydatność frazeologizmów w badaniach językowego obrazu świata*, [w:] *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Teoria. Zagadnienia ogólne*, red. S. Bąba, K. Skibski, M. Szczyszek, Poznań 2010, s. 87–97.
249. Pazio D., *Problematyka językowego obrazu świata w wybranych pracach lingwistów polskich i rosyjskich*, „Acta Polono-Ruthenica” 2003 (T. 8), s. 199–205.
250. Pisarek W., *Polskie słowa sztandarowe i ich publiczność*, Kraków 2002.

251. Pisarek W., *Wybory słów sztandarowych jako kryterium stratyfikacji społeczeństwa*, [w:] *Język w kręgu wartości: studia semantyczne*, red. J. Bartmiński, Lublin 2003, s. 87–92.
252. Popowska-Taborska H., *Czy formę **proca** ‘labor’ uznać należy za wyłącznie lużycką?* [w:] *Eadem, Z językowych dziejów słowiańszczyzny*, Warszawa 2004, s. 331–334.
253. Puzynina J., *Jakie wartości współtworzą „duszę” Europy u progu XXI wieku*, „PAUza Akademicka” 2010, nr 102, s. 3–4, http://pauza.krakow.pl/102_34_2010.pdf (дата обращения: 04.03.2012).
254. Rak M., *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrza (na tle porównawczym)*, Kraków 2007.
255. Rejter A., *Leksyka ekspresywna w historii języka polskiego: kulturowo-komunikacyjne konteksty potoczności*, Katowice 2006.
256. Rejter A., *Kognitywne i kulturowe podstawy nominacji ekspresywnej w polszczyźnie – perspektywa historyczna*, „Białostockie Archiwum Językowe” 2008, nr 8, s. 79–93.
257. Rodziewicz B., *Frazemy komparatywne z komponentem zoonimicznym w języku polskim, rosyjskim i niemieckim*, Szczecin 2007.
258. Sapir E., *Kultura, język, osobowość: wybrane eseje*, przeł. B. Stanosz, R. Zimand, słowem wstępnym opatrzyła A. Wierzbicka, Warszawa 1978.
259. Sękowska E., *Nurt antropologiczno-kulturowy we współczesnym polskim językoznawstwie*, „Poradnik Językowy” 2000, z. 6, s. 11–20.
260. Siatkowski J., *Czesko-polskie kontakty językowe*, Warszawa 1996.
261. Siemieński T., *Problematyka relacji między językiem a kulturą w pracach językoznawców amerykańskich*, [w:] *Język a Kultura. T. 1: Podstawowe pojęcia i problemy*, red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński, Wrocław 1991, s. 73–82.
262. Spagińska-Pruszek A., *Intelekt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwackiej (z problemów językowego obrazu świata)*, Gdańsk 2003.
263. Straś E., *Koncept BLISKOŚĆ we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego*, [w:] *Русский язык в польской аудитории. T. 3*, red. A. Зых, Katowice 2011, s. 71–83.
264. Szerszunowicz J., *Funkcje pragmatyczne faunizmów w mowie potocznej*, [w:] *Funkcja emocjonalna jednostek językowych i tekstowych*, red. K. Wojtczuk, A. Wierzbicka, Siedlce 2004, s. 243–248.
265. Tabakowska E., *Gramatyka i obrazowanie. Wprowadzenie do językoznawstwa kognitywnego*, Kraków 1995.
266. Tischner J., *Polska jest Ojczyzną. W kręgu filozofii pracy*, Paris 1985.

267. Tokarski R., *Językowy obraz świata a niektóre założenia kognitywizmu*, „Etnolingwistyka” T. 9/10 (1998), s. 7–24.
268. Tokarski R., *Słownictwo jako interpretacja świata*, [w:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2010, s. 343–370.
269. Tołstoj N.I., *Język a kultura (niektóre zagadnienia słowiańskiej etnolingwistyki)*, „Etnolingwistyka” T. 5 (1992), s. 15–25.
270. Warchala J., *Kategoria potoczności w języku*, Katowice 2003.
271. Wierzbicka A., *Kocha, lubi, szanuje... medytacje semantyczne*, Warszawa 1971.
272. Wierzbicka A., *Sapir a współczesne językoznawstwo*, [w:] E. Sapir, *Kultura, język, osobowość: wybrane eseje*, przeł. B. Stanosz, R. Zimand, Warszawa 1978.
273. Wierzbicka A., *Nazwy zwierząt*, [w:] *O definicjach i definiowaniu*, red. J. Bartmiński, R. Tokarski, Lublin 1993, s. 251–267.
274. Wierzbicka A., *Słowa klucze: różne języki – różne kultury*, przeł. I. Duraj-Nowasielska, Warszawa 2007.
275. Wilk G., *Концепт труда в сленговой фразеологии современного русского языка*, [w:] *Świat Słowian w języku i kulturze IX. Językoznawstwo. Wybrane zagadnienia z gramatyki języków słowiańskich i innych języków europejskich*, red. D. Dziadosz, E. Komorowska, Szczecin 2008, s. 233–238.
276. Wilk G., *Фразеологизмы с компонентом-соматизмом в польском и русском языках (на основании семантического поля «трудовая деятельность»)*, [w:] *Świat Słowian w języku i literaturze XI. Językoznawstwo*, red. D. Dziadosz, E. Komorowska, Szczecin 2010, 250–256.
277. Wilk G., *Названия животных в семантическом поле «трудовая деятельность» в русско-польском сопоставлении*, [w:] *Świat Słowian w języku i literaturze XII. Wybrane zagadnienia z języków słowiańskich i germańskich*, red. D. Dziadosz, A. Krzanowska, Szczecin 2011, s. 337–343.
278. Wilk G., *Мера труда в ее языковом отражении (на материале русской и польской фразеологии)*, [w:] *Komunikacja międzyludzka. Leksyka. Semantyka. Pragmatyka. 3*, red. E. Komorowska, K. Kondziola-Pich, A. Ochrymowicz, Szczecin 2012, s. 367–376.
279. Wilkoń A., *Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny*, Katowice 2000.
280. Whorf B.L., *Język myśl i rzeczywistość*, Warszawa 1981.

281. Wysoczański W., *Opozycja homo – animal z perspektywy reguł postępowania (na materiale frazemów wybranych języków)*, [w:] *Język a Kultura*. T. 15: *Opozycja homo – animal w języku i kulturze*, red. A. Dąbrowska, Wrocław 2003, s. 82–95.
282. Wysoczański W., *Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych: na materiale wybranych języków*, Wrocław 2006.
283. Zadrożyńska A., *Homo faber i homo ludens: etnologiczny szkic o pracy w kulturach tradycyjnej i współczesnej*, Warszawa 1983.
284. Zajda A., *Ręka – znaczenie wyrazu i jego użycie w związkach*, [w:] Idem, *Studia z historii polskiego słownictwa potocznego i frazeologii*, Kraków 2001, s. 107–126.
285. Zieniukowa J., *Z problemów etnolingwistyki*, [w:] *Nowe czasy, nowe języki, nowe (i stare) problemy*, red. E. Jędrzejko, Katowice 1998.
286. Żurek M., *Analiza porównawcza zoomorfizmów w języku rosyjskim i polskim*, [w:] „Kieleckie Studia Rusycystyczne” T. 1 (1983), s. 107–117.
287. Żurek M., *Оценочные слова в общем русском жаргоне*, [w:] *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 3: Opis, konfrontacja, przekład*, red. I. Łuczaków, J. Sokołowski, Wrocław 2003, s. 341–346.

Словари и справочники

1. Ахманова О.С., *Словарь лингвистических терминов*, Москва 2004.
2. Даль В.И., *Словарь живого великорусского языка*, <http://dal.sci-lib.com/> (дата обращения: 15.01.2013).
3. *Краткий словарь когнитивных терминов*, ред. Е.С. Кубрякова, Москва 1996.
4. Крысин Л.П., *Толковый словарь иноязычных слов*, Москва 2002.
5. *Лингвистический энциклопедический словарь*, ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990, <http://tapemark.narod.ru/les/index.html#19> (дата обращения: 20.08.2012).
6. Ляшевская О.Н., Шаров С.А., *Новый частотный словарь русской лексики*, <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 15.01.2013).
7. *Национальный корпус русского языка*, <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.08.2012).
8. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, ред. Ю.Д. Апресян, Москва 2003.
9. *Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»*, <http://nevmenandr.net/slovo/zvenja.html#qu> (дата обращения: 29.09.2009).

10. *Пословицы русского народа: сборник В. Даля в 2 томах*. Т. 2, Москва 1989.
11. *Русская грамматика*, <http://rusgram.narod.ru/850-884.html> (дата обращения: 06.02.2013).
12. *Славянские древности*. Т. 2: Д–К, ред. Н.И. Толстой, Москва 1999.
13. Срезневский И.И., *Словарь древнерусского языка*. Т. 3. Ч. 1: Р–С, Москва 1989.
14. Срезневский И.И., *Словарь древнерусского языка*. Т. 3. Ч. 2: Т–Я, Москва 1989.
15. Уфимцева Н.В. [et al.], *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский*, Москва 2004.
16. Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка: в 4 томах*, пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева, Москва 1987.
17. *Частотный словарь русского языка*, ред. Л.Н. Засорина, Москва 1997.
18. Черных П.Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 томах*, Москва 1999.
19. Шанский Н.М., Боброва Т.А., *Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов*, Москва 2004, <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 01.02.2013).
20. *Языкознание: большой энциклопедический словарь*, ред. В.Н. Ярцева, Москва 1998.
21. Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2005.
22. *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, red. K. Polański, Wrocław 2003.
23. *Encyklopedia wiedzy o języku polskim*, red. S. Urbańczyk, Wrocław 1978.
24. Evans V., *Leksykon językoznawstwa kognitywnego*, przeł. M. Buchta [et al.], Kraków 2009.
25. Gawarkiewicz R., Pietrzyk I., Rodziewicz B., *Polski słownik asocjacyjny z suplementem*, Szczecin 2008.
26. Kopaliński W., *Słownik symboli*, Warszawa 1990.
27. Krzyżanowski J., *Mądrej głowie dość dwie słowie. Pięć centuryj przysłów polskich i diabelski tuzin*. Т. 1: od Abrahama do kłeryka, Warszawa 1975.
28. Kurcz I. [et al.], *Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej*, Kraków 1990.
29. Markunas A., Uczitiel T., *Leksykon chrześcijaństwa rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*, Poznań 1999.
30. *Mentalność rosyjska. Słownik*, red. A. Lazari, Katowice 1995.
31. *Narodowy Korpus Języka Polskiego*, <http://www.nkjp.uni.lodz.pl> (дата обращения: 18.08.2012).

32. *Nowe słownictwo polskie: Materiały z prasy lat 1985-1992. Część II: P–Ż*, red. T. Smółkowa, Kraków 1999.
33. *Polsko-rosyjski tezaurus konstant kulturowych*, red. W. Zmarzer, J. Lukszyn, Warszawa 2007.
34. *Słownik staropolski. T. 7: Póć – Rozposzyć*, red. S. Urbańczyk, Warszawa 1976.
35. *Słownik staropolski. T. 9: Ściadły – Używowanie*, red. S. Urbańczyk, Warszawa 1984.
36. *Słownik wyrazów obcych PWN*, red. E. Sobol, Warszawa 2002.
37. Warchoń S., *Słownik etymologiczno-motywacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej. Słowiańskie nazwy własne zwierząt domowych i udomowionych zwierząt dzikich w środowiskach wiejskich. T. 3: Koty. Psy*, Lublin 2011.

Источники языкового материала

1. Александрова З.Е., *Словарь синонимов русского языка*, Москва 2001.
2. Алекторова Л.П., Введенская Л.А., Зимин В.И., *Словарь синонимов русского языка*, Москва 2005.
3. Алефиренко Н.Ф., *Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики*, Москва 2008.
4. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, Санкт-Петербург 1999.
5. Бирих Л.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., *Словарь фразеологических синонимов русского языка*, Москва 2001.
6. *Большой толковый словарь синонимов русской речи*, ред. Л.Г. Бабенко, Москва 2008.
7. *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2008.
8. *Большой фразеологический словарь русского языка*, ред. В.Н. Телия, Москва 2009.
9. Вальтер Х., Мокиенко В.М., *Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий*, Москва 2007.
10. Вальтер Х., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона*, Москва 2005.
11. Гюлумянц К.М., *Польско-русский фразеологический словарь: в 2 томах*, Минск 2004.

12. Горбачевич К.С., *Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке*, Москва 2004.
13. Грачев М.А., Мокиенко В.М., *Русский жаргон. Историко-этимологический словарь*, Москва 2009.
14. Елистратов В.С., *Толковый словарь русского сленга*, Москва 2005.
15. Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И., *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*, Москва 1999.
16. Жуков А.В., *Лексико-фразеологический словарь русского языка*, Москва 2003.
17. Квеселевич Д.И., *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*, Москва 2005.
18. Козлова Т.В., *Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных (в помощь политикам, менеджерам, лингвистам)*, Москва 2001.
19. Лебедева Л.А., *Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь*, Краснодар 2003.
20. Левикова С.И., *Большой словарь молодежного сленга*, Москва 2003.
21. Мелерович А.М., Мокиенко В.М., *Фразеологизмы русской речи: словарь*, Москва 1997.
22. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2001.
23. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Большой словарь русских народных сравнений*, Москва 2008.
24. Мокиенко В.М., *Новая русская фразеология*, Орле 2003.
25. Мокиенко В.М., *Словарь сравнений русского языка*, Санкт-Петербург 2003.
26. Никитина Т.Г., *Словарь молодежного сленга 1980-2000 гг.*, Санкт-Петербург 2003.
27. Огольцев В.М., *Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический)*, Москва 2001.
28. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 2000.
29. *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам. Т. 1: слова указывающие (местоимения), слова именующие: имена существительные (все живое. Земля. Космос)*, ред. Н.Ю. Шведова, Москва 1998.
30. *Словарь молодежного сленга*, <http://teenslang.su/> (дата обращения: 10.09.2012).
31. *Словарь современного русского города*, ред. Б.И. Осипов, Москва 2003.

32. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*, ред. А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, Москва 2007.
33. Солганик Г.Я., *Толковый словарь: язык газеты, радио, телевидения*, Москва 2002.
34. Фельцына В.П., Мокиенко В.М., *Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь*, ред. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Москва 1990.
35. Химик В.В., *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, Санкт-Петербург 2004.
36. Червинский П., *Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц*, Томск 2011.
37. Anusiewicz J., Skawiński J., *Słownik polszczyzny potocznej*, Warszawa–Wrocław 2000.
38. Bańko M., *Słownik porównań*, Warszawa 2004.
39. Bąba S., Liberek J., *Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny*, Warszawa 2002.
40. Czeszewski M., *Słownik polszczyzny potocznej*, Warszawa 2006.
41. Czeszewski M., *Słownik slangu młodzieżowego*, Piła 2001.
42. Drabik L., Sobol E., Stankiewicz A., *Słownik idiomów polskich PWN*, Warszawa 2006.
43. Grabias S., Kaczmarek L., Skubalanka T., *Słownik gwary studenckiej*, Lublin 2004.
44. Grochowski M., *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów*, Warszawa 2008.
45. *Inny słownik języka polskiego*, red. M. Bańko, Warszawa 2000.
46. Karolak S., *Słownik frazeologiczny rosyjsko-polski*, Warszawa 1998.
47. Kita M., Polański E., *Słownik tematyczny języka polskiego*, Łódź 2002.
48. Lebda R., *Wielki słownik frazeologiczny*, Kraków 2008.
49. Markunas A., *Толковый словарь молодежно-студенческого жаргона*, Poznań 2003.
50. *Miejski słownik slangu i towy potocznej*, <http://www.miejski.pl/> (дата обращения: 15.03.2013).
51. Müldner-Nieckowski P., *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa 2003.
52. Nagórko A., Łaziński M., Burkhardt H., *Dystynktywny słownik synonimów*, Kraków 2004.
53. *Nowy słownik gwary uczniowskiej*, red. H. Zgólkowa, Wrocław 2004.
54. Skorupka S., *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa 1985.
55. *Slang UG. Słownik slangu studentów Uniwersytetu Gdańskiego*, red. M. Widawski, Gdańsk 2010.

56. *Słownik frazeologiczny*, red. A. Nowakowska, Wrocław 2003.
57. *Słownik języka polskiego PWN*. T. 1-T.3, red. M. Szymczak, Warszawa 1995.
58. *Słownik polskich leksemów potocznych*. T. 1: A-Ć – T.6: Ne-Od, red. W. Lubaś, Kraków 2001–2011.
59. *Słownik polskich synonimów*, red. Z. Kurzowa, Warszawa 2002.
60. Spirydowicz O., *Rosyjsko-polski słownik idiomów*, Warszawa 1988.
61. *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski, rosyjsko-polski*, red. J. Lukszyn, Warszawa 1998.

Список сокращений

Словари

БРС – Химик В.В., *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, Санкт-Петербург 2004.

БСМС – Левикова С.И., *Большой словарь молодежного сленга*, Москва 2003.

БСРНС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Большой словарь русских народных сравнений*, Москва 2008.

БТС – *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2008.

БТССРР – *Большой толковый словарь синонимов русской речи*, ред. Л.Г. Бабенко, Москва 2008.

НРФ – Мокиенко В.М., *Новая русская фразеология*, Орле 2003.

ССРГ – *Словарь современного русского города*, ред. Б.И. Осипов, Москва 2003.

ССРЯ – Мокиенко В.М., *Словарь сравнений русского языка*, Санкт-Петербург 2003.

СУСРЯ – Огольцев В.М., *Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический)*, Москва 2001.

СФСРЯ – Бирих Л.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., *Словарь фразеологических синонимов русского языка*, Москва 2001.

ТСМСЖ – Markunas A., *Толковый словарь молодежно-студенческого жаргона*, Poznań 2003.

ТСНЛРЯ – Квеселевич Д.И., *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*, Москва 2005.

ТСРС – Елистратов В.С., *Толковый словарь русского сленга*, Москва 2005.

ТСРШиСЖ – Вальтер Х., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона*, Москва 2005.

ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 2000.

УСРЯ – Лебедева Л.А., *Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь*, Краснодар 2003.

ФС – Алефиренко Н.Ф., *Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики*, Москва 2008.

ЯГРТ – Солганик Г.Я., *Толковый словарь: язык газеты, радио, телевидения*, Москва 2002.

ISJP – *Inny słownik języka polskiego*, red. M. Bańko, Warszawa 2000.

MSSiMP – *Miejski słownik slangu i mowy potocznej*, <http://www.miejski.pl/>.

NSGU – *Nowy słownik gwary uczniowskiej*, red. H. Zgólkowa, Wrocław 2004.

PWN – *Słownik języka polskiego PWN*. T. 1–T.3, red. M. Szymczak, Warszawa 1995.

SP – Bańko M., *Słownik porównań*, Warszawa 2004.

SPLP 1 – *Słownik polskich leksemów potocznych*. T. 1: A-Ć, red. W. Lubaś, Kraków 2001.

SPLP 2 – *Słownik polskich leksemów potocznych*. T. 2: D-F, red. W. Lubaś, Kraków 2003.

SPLP 4 – *Słownik polskich leksemów potocznych*. T. 4: K-L, red. W. Lubaś, Kraków 2006.

SPLP 5 – *Słownik polskich leksemów potocznych*. T. V: Ł-Na, red. W. Lubaś, Kraków 2009.

SPLP 6 – *Słownik polskich leksemów potocznych*. T. 6: Ne-Od, red. W. Lubaś, Kraków 2011.

SWJP – *Słownik współczesnego języka polskiego*, red. B. Dunaj, Warszawa 1996.

WSFJP – Müldner-Nieckowski P., *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa 2003.

Языковые единицы

ЛЕ	–	лексическая единица
УС	–	устойчивое сравнение
ФЕ	–	фразеологическая единица
ЯКМ	–	языковая картина мира
JOS	–	językowy obraz świata

Приложения

Приложения отражают результат работы с лексикографическими источниками. Они включают все языковые единицы (как общеупотребительные, так и находящиеся за пределами литературного языка), объективирующие концепт «труд» в русском и польском языках и встретившиеся в словарях (673 единицы русского языка и 467 единиц польского). Ненормативные слова и фразеологизмы даются с соответствующими пометами. В каждом из приложений языковые единицы располагаются в алфавитном порядке (ФЕ по своему первому компоненту).

Приложение 1

Приложение 1 включает список синонимов и антонимов ключевых лексем концепта «труд»: 62 названия в русском языке и 68 названий в польском. Языковые единицы, употребляемые для номинации и оценки трудовой деятельности, упорядочены по разнообразным признакам (с сохранением порядка их рассмотрения во второй и четвертой главах работы).

Наименование трудовой деятельности	Русский язык	Польский язык
тяжелая работа, большой ее объем	<i>арбайт (арбат)</i> (сленг.) <i>каторга</i> <i>кровавый пот</i> <i>кровавый труд</i> <i>пахалово</i> (сленг.) <i>пахота</i> (сленг.) <i>работа на рудниках</i> <i>тяжкий хлеб</i> <i>тяжкий кусок хлеба (с плевелами и овсюгами)</i> <i>черная работа (черный труд)</i>	<i>arbajt</i> (сленг.) <i>chujzoza</i> (вульг.) <i>ciężki (trudny) chleb</i> <i>ciężki (trudny) kawałek chleba</i> <i>czarna robota</i> <i>grubsza robota</i> <i>harówka (harówa)</i> <i>katorga</i> <i>kierat</i> <i>kocowanie się</i> <i>krwawa praca</i> <i>krwawica</i> <i>krwawy pot</i> <i>krwawy trud</i> <i>krwawy żnój</i> <i>mordega</i> <i>mozół</i> <i>orka [na ogorze]</i> <i>tyrka (tyra)</i> (сленг.) <i>zachrzan</i> (вульг.) <i>zajeb</i> (вульг.) <i>zajob</i> (вульг.) <i>zapieprz.</i> (вульг.)

		<i>zapierdol (zapierdal) (вульг.)</i> <i>zapierdziel (вульг.)</i> <i>zapiżdziej (вульг.)</i> <i>znój</i>
напряженная	<i>жара (сленг.)</i> <i>запара (сленг.)</i> <i>запарка</i> <i>страда (страдаха)</i>	—
напряженная и малооплачиваемая (подневольная)	<i>барицина</i> <i>крепостничество</i> <i>рабство</i>	<i>pańszczyzna</i>
интенсивная	<i>карусель</i> <i>коловорот</i> <i>мельтешение</i> <i>мельтешня</i> <i>суетня</i> <i>хлопотня</i>	<i>kołowrotek</i> <i>krzątania</i>
медленная и скучная	<i>возня</i> <i>волынка</i> <i>гробокопательство</i> <i>долбеж (долбежка) (сленг.)</i> <i>долбобизм (вульг.)</i> <i>канитель</i> <i>копошение</i> <i>муднянка (вульг.)</i> <i>тянучка</i>	<i>dłubanina</i> <i>grzebanie się</i> <i>grzebanina</i> <i>guzdranie (się)</i>
быстрая	<i>аврал</i> <i>авральщина</i> <i>штурмовщина</i>	<i>zryw</i>
небрежная, никуда не годная, плохо выполненная	<i>кустарщина</i> <i>мудовые рыдания (вульг.)</i> <i>пачкотня</i> <i>топорная работа</i> <i>халтура (халтурка)</i> <i>халява</i>	<i>brudna robota</i> <i>chaltura (chalturka)</i> <i>chalturnictwo</i> <i>chalturzenie</i> <i>fucha</i> <i>fuszerka</i> <i>fuszerowanie</i> <i>łatanina</i> <i>partactwo</i> <i>partanina</i>
неприятная	<i>геморрой (сленг.)</i>	—
грязная и неприятная	<i>черная работа (черный труд)</i>	<i>babranina</i> <i>papranina</i>

легкая	–	<i>latwy (lekki) chleb</i> <i>latwy (lekki) kawałek chleba</i>
отсутствие деятельности, неохота	<i>бездействие</i> <i>безделье</i> <i>бездельничанье</i> <i>бездеятельность</i> <i>завис (сленг.)</i> <i>леность</i> <i>лентяйничанье</i> <i>ленца</i> <i>лень</i> <i>лодырничанье</i> <i>нешевелизм (сленг.)</i> <i>ничегонеделание</i> <i>обломовщина</i> <i>праздность</i> <i>сибаритство</i> <i>система «хго» (сленг.)</i> <i>сладостное безделье</i> <i>(ничегонеделанье)</i> <i>шалопутничанье</i>	<i>A.B.C.D.C. (ABCDC) (сленг.)</i> <i>bezczynność</i> <i>bomblowanie</i> <i>bumelanctwo</i> <i>bumelowanie</i> <i>dolce far niente (słodkie lenistwo)</i> <i>laba</i> <i>LB (el-be, lb) (сленг.)</i> <i>lenistwo</i> <i>leniuchowanie</i> <i>leserka (сленг.)</i> <i>leserstwo (сленг.)</i> <i>nic nieróbstwo</i> <i>nicnierobienie</i> <i>niebieskoptactwo</i> <i>nieróbstwo</i> <i>nygusowsto</i> <i>próżniactwo</i> <i>próżnowanie</i>

Приложение 2

В приложении 2, согласно предложенной в основной части исследования классификации, приводится полный список наименований лиц по отношению к труду: 244 обозначения в русском языке и 144 в польском.

Наименование группы	Русский язык	Польский язык
Наименования лиц, работающих много и тяжело	<p><i>батрак</i> <i>богатырь труда</i> <i>быдло</i> <i>ишак</i> <i>кобыла</i> <i>крепостной (крепостная)</i> <i>ломовая лошадь (ломовая скотина, ломовой скот)</i> <i>наемный</i> <i>невольник (невольница)</i> <i>негр (белый негр)</i> <i>паровоз</i> <i>пахарь (сленг.)</i> <i>передовик</i> <i>раб (рабыня, белый раб)</i> <i>рабочая скотина (рабочий скот)</i> <i>робот</i> <i>стахановец</i> <i>трактор</i> <i>трудоголик</i> <i>тягач (с прицепом)</i> <i>тяжеловоз</i> <i>ударник (ударница)</i></p>	<p><i>bydlę robocze</i> <i>koń dyszlowy (pociągowy)</i> <i>Murzyn (murzyn, biały murzyn)</i> <i>pracoholik (pracoholiczka)</i> <i>przodownik (przodowniczka)</i> <i>pracy</i> <i>stachanowiec</i> <i>wół (wół roboczy)</i></p>
Наименования лиц, работающих много и усердно	<p><i>пчела</i> <i>работяга</i> <i>трудолюб</i> <i>трудолюбец</i> <i>тудяга</i> <i>труженик</i></p>	<p><i>mrówka (mróweczka)</i> <i>pracuś</i></p>
Наименования прилежных учеников, студентов	<p><i>ботаник (ботан, ботанка, ботанчик, ботанюга)</i> <i>букварь</i> <i>задрот (задрота)</i> <i>зубр</i> <i>зубрила (зубрильник)</i> <i>лось</i> <i>лосяра</i> <i>лох</i> <i>лоханец</i> <i>лохарик</i> <i>патриот</i></p>	<p><i>benedyktyn</i> <i>bolsze ryło</i> <i>cichacz pospolity</i> <i>cujonus anemicus</i> <i>dzięciół (dzięciołek)</i> <i>dziobak (dziobacz, dziobas)</i> <i>dziobak pospolity</i> <i>harpagan</i> <i>hefajstos</i> <i>kagan</i> <i>kasztan</i> <i>kollqaj</i></p>

	<i>пахарь рюхач стилл умнявка умняк шуришала</i>	<i>korba kował kramol kret krystus ksiądz kujon (kujocik, kujonek, kujonica, kujonka, kujot, kujus) kujor pospolity kuty młot (młotek) mól książkowy mrówka (mrówa) pilnik (pilniczek) ryjec (ryjec pospolity) ryjowiec pospolity ryjownik ryjówka pospolita ryjus tragiczny stukacz tęgowiec pospolity tłuczek</i>
Наименования лиц, стремящихся любыми способами продвинуться по службе	<i>карьерист (карьеристка)</i>	<i>karierowicz (karierowiczka)</i>
Наименования лиц, работающих медленно	<i>волокиччик (волокичица) вольничик (вольничка) гробокopatель (гробокopatельница) дохляга дохляк канительщик (канительщица) копун (копунья, копуша) отстающий резинчик хвостист</i>	<i>dlubacz (dlubaga, dlubak, dlubek) grzebała (grzebuła, grzebielucha) guzdralska (guzdralski) guzdrała maruda zdechłak</i>
Наименования лиц, заменяющих работу бюрократической деятельностью	<i>буквалист (буквалистка) буквоед (буквоедка) бюрократ (бюрократка) волокиччик (волокичица) законник крючоктвор формалист (формалистка) чинуша</i>	<i>biurokrata formalista (formalistka) rygorysta (rygorystka) urzędas</i>
Наименования лиц, работающих быстро	<i>авральщик автоматчик (сленг.) пулемет (пулеметчик) (сленг.) итурмовицик</i>	—
Наименования лиц, работающих быстро и поверхностно	—	<i>ślizgacz (сленг.)</i>

Наименования лиц, выполняющих нудную и однообразную работу	долбежник (сленг.)	<i>gibacz</i> (сленг.)
Наименования лиц, выполняющих работу доброкачественно	<i>(мастер) золотые руки</i> <i>аккуратист (аккуратистка)</i> <i>ас</i> <i>виртуоз</i> <i>дока</i> <i>и швец и жнец и на дуде (в дуду)</i> <i>игрец</i> <i>искусник (искусница)</i> <i>маг</i> <i>мастак</i> <i>мастер</i> <i>мастер большой руки</i> <i>мастер на все руки</i> <i>мастер первой руки</i> <i>мастер своего дела</i> <i>педант (педантка)</i> <i>профессионал (профессионалка)</i> <i>службист (службистка)</i> <i>спец</i> <i>специалист</i> <i>титан</i> <i>умелец</i> <i>художник</i>	<i>artysta [w swoim zawodzie]</i> <i>as</i> <i>czarodziej</i> <i>fachman</i> <i>fachowiec</i> <i>fachura</i> <i>majster-klepka (majsterklepka)</i> <i>mistrz</i> <i>pedant (pedantka)</i> <i>profesjonalista</i> <i>slużbista (slużbistka)</i> <i>spec</i> <i>specjalista</i> <i>tytan</i> <i>wirtuoz</i> <i>złota rączka</i>
Наименования лиц, выполняющих работу небрежно	<i>аварийщик</i> <i>авосьник (авосьница) (сленг.)</i> <i>бездарность</i> <i>бездарь</i> <i>борзописец</i> <i>бракодел</i> <i>бумагомаратель</i> <i>бумагомарка</i> <i>головотяп</i> <i>зевака</i> <i>кое-какер (сленг.)</i> <i>мастер кислых щей</i> <i>мастер-ломастер</i> <i>неумеха</i> <i>неумёха (неумеха)</i> <i>пачкун</i> <i>писака</i> <i>порнушник¹(сленг.)</i> <i>портач</i> <i>разгильдяй (разгильдяйка)</i> <i>раззява</i> <i>разиня</i> <i>рифмоплет</i> <i>ротозей (ротозейка)</i> <i>сапожник</i> <i>семиделкин</i> <i>слесарь-унитазник (сленг.)</i> <i>стихоплет</i> <i>туфтарь¹ (сленг.)</i>	<i>beztalencie</i> <i>brakorób</i> <i>chalturник</i> <i>chalturowiec</i> <i>chalturszczyk</i> <i>chalturzysta (chalturzystka)</i> <i>fuszer</i> <i>fuszerant</i> <i>gapa</i> <i>lewus¹</i> <i>niedbalec</i> <i>niedbaluch</i> <i>niedorób</i> <i>partacz</i> <i>patałach</i> <i>pismak</i> <i>tandeciarz</i> <i>wierszokleta</i>

	<p><i>туфтогон</i>¹ (сленг.) <i>халтурущик</i> <i>халявицик</i> (сленг.) <i>херомаз</i> (сленг.) <i>хренодел</i> (сленг.) <i>хреномаз</i> (сленг.) <i>штурмовицик</i></p>	
Наименования лиц, постоянно меняющих место работы	<p><i>гастролер</i> (<i>гастролершиа</i>) <i>летун</i> (<i>летунья</i>) <i>прыгун</i> (<i>прыгунья</i>)</p>	<i>przelotny ptak</i>
Наименования лиц, выполняющих работу небрежно и медленно	<p><i>тормоз</i> (сленг.) <i>тормозной</i> (сленг.) <i>тормознутый</i> (сленг.)</p>	—
Наименования лиц, живущих за чужой счет	<p><i>аскатель</i> (сленг.) <i>аскер</i> (сленг.) <i>господчик</i> <i>дармоглот</i> <i>дармоеб</i> (вульг.) <i>дармоед</i> (<i>дармоедка</i>) <i>захребетник</i> (<i>захребетница</i>) <i>иждивенец</i> (<i>иждивенка</i>) <i>кровопийца</i> <i>кровосос</i> <i>кулак</i> (<i>кулачка</i>) <i>мешочник</i> (<i>мешочница</i>) <i>мироед</i> (<i>мироедка</i>) <i>нахлебник</i> (<i>нахлебница</i>) <i>объедала</i> <i>паразит</i> (<i>паразитка</i>) <i>паук</i> <i>пенкосниматель</i> <i>(пенкоснимательница)</i> <i>пират</i> <i>пиявка</i> <i>плагиатор</i> <i>подкулачник</i> <i>подпанок</i> <i>поработитель</i> <i>(поработительница)</i> <i>потребитель</i> (<i>потребительница</i>) <i>приживал</i> (<i>приживалка</i>) <i>приживальщик</i> (<i>приживальщица</i>) <i>прихлебала</i> <i>прихлебатель</i> (<i>прихлебательница</i>) <i>рвач</i> <i>сорняк</i> <i>спекулянт</i> (<i>спекулянтка</i>) <i>стяжатель</i> <i>трутень</i> <i>тунеядец</i> (<i>тунеядка</i>) <i>туник</i> <i>угнетатель</i> (<i>угнетатель</i>) <i>угнетатель</i> (<i>угнетательница</i>) <i>уклонист</i></p>	<p><i>ciemieżca</i> <i>ciemieżyciel</i> <i>darmozjad</i> <i>eksploatator</i> <i>jeleń do roboty</i> <i>krwiopijca</i> <i>niebieski ptak</i> (<i>ptaszek</i>) <i>pasozyt</i> <i>pijawka</i> <i>pirat</i> <i>plagiator</i> <i>salonowy truteń</i> <i>truteń</i> <i>utrzymanek</i> (<i>utrzymanka</i>) <i>wyzyskiwacz</i></p>

	<p><i>фарцовщик</i> <i>халява</i> <i>халявщик (халявист, халявник)</i> (сленг.) <i>хапуга</i> <i>хищник</i> <i>эксплуататор (эксплуататорша)</i></p>	
<p>Наименования лиц ленивых, бездельничающих, отлынивающих от работы</p>	<p><i>байбак</i> <i>балбес (балбеска)</i> <i>балдежник (сленг.)</i> <i>барин (барыня)</i> <i>бариш</i> <i>барчонок</i> <i>барчук</i> <i>бездельник (бездельница)</i> <i>белоручка</i> <i>буржуй (буржуйка)</i> <i>волобуй (сленг.)</i> <i>гулена</i> <i>гуляка</i> <i>деловой бездельник</i> <i>ерундист (сленг.)</i> <i>зевака</i> <i>лежсебока</i> <i>лежень</i> <i>ленивая (сонная) тетеря</i> <i>ленивец (ленивица)</i> <i>лентяй (лентяйка)</i> <i>лоботряс (лоботряска)</i> <i>лодырь</i> <i>мастер по илангистике (сленг.)</i> <i>небокопнитель</i> <i>неработь (сленг.)</i> <i>несознательный</i> <i>Обломов</i> <i>оболтус</i> <i>обормот (обормотка)</i> <i>охламон</i> <i>пан</i> <i>повеса</i> <i>порнушник² (сленг.)</i> <i>прогульщик (прогульщица)</i> <i>прожигатель жизни</i> <i>пузоглад (сленг.)</i> <i>пузочес (сленг.)</i> <i>пьяница</i> <i>раздолбай (раздолба) (сленг.)</i> <i>расфигай (сленг.)</i> <i>ротозей (ротозейка)</i> <i>сачок (сленг.)</i> <i>сибарит (сибаритка)</i> <i>сикидэишник (сленг.)</i> <i>симулянт (симулянтка)</i> <i>турист (сленг.)</i> <i>туфтагон² (сленг.)</i> <i>туфтарь² (сленг.)</i> <i>филон</i> <i>фланер</i></p>	<p><i>bęcwał</i> <i>bumelant (bumelantka)</i> <i>byk (byczysko)</i> <i>dekownik</i> <i>gnój (сленг.)</i> <i>kawał lenia</i> <i>krowa</i> <i>leniuch</i> <i>leniuszek</i> <i>leniwiec</i> <i>leń</i> <i>leń patentowany</i> <i>leń śmierdzący</i> <i>leser (leserka)</i> <i>lewus²</i> <i>markierant</i> <i>migacz</i> <i>miglanc</i> <i>niebieski ptak (ptaszek)</i> <i>nierobol</i> <i>nierób</i> <i>nygus</i> <i>obibok</i> <i>paniczyk z białymi rączkami</i> <i>pasibrzuch (сленг.)</i> <i>piecuch</i> <i>próżniak (próżniaczka)</i> <i>szlifobruk</i> <i>walkoń</i></p>

	<p><i>халявщик²</i> <i>чистоплюй (чистоплюйка)</i> <i>членовредитель</i> <i>(членовредительница)</i> <i>шалопай (шалопайка)</i> <i>шалопут (шалопут)</i> <i>шалтай-болтай</i> <i>шатун (шатунья)</i> <i>шланг (шланг гофрированный)</i> <i>(сленг.)</i> <i>шленда</i> <i>шлендра</i></p>	
<p>Наименования ленивых учеников, студентов</p>	<p><i>вольный ветер</i> <i>жмур (жмурик)</i> <i>человек-невидимка</i></p>	<p><i>bimbaj</i> <i>bimbas (bimbos)</i> <i>bimbacz</i> <i>geniusz</i> <i>jednokomórkowiec</i> <i>katedra lenia hodowanego</i> <i>kratkowicz</i> <i>leber (lebera, leberus pospolitus)</i> <i>lewus (lewuska)</i> <i>wagarowicz</i> <i>latawiec</i> <i>objacz</i> <i>opylacz</i> <i>lumpiarz</i> <i>luntrus</i></p>
<p>Наименования лиц, незаконно использующих рабочее время, орудия или продукты общественного труда для личной наживы</p>	<p><i>калымщик</i> <i>комбинатор</i> <i>левак</i> <i>спекулянт</i></p>	<p><i>kombinator</i> <i>spekulant</i></p>
<p>Наименования лиц, не умеющих трудиться физически</p>	<p><i>интеллигент (интеллигентик, интеллигентшика)</i></p>	<p><i>inteligent (inteligencik)</i></p>

Приложение 3

В приложении 3 представлен фразеологический материал: 367 ФЕ русского языка и 255 польского. ФЕ, характеризующие трудовую деятельность, распределяются по группам в соответствии с актуализируемыми в них семантическими признаками. Групп в данном приложении больше, чем фразеосемантических групп в основной части работы, в связи с тем, что внутри одной фразеосемантической группы выделяются единицы, различающиеся дополнительными оттенками значения.

Семантический признак	ФЕ русского языка	ФЕ польского языка
«тяжело»	<i>(быть) в замоте</i> (сленг.)	<i>chapać wiedzę</i> (сленг.)
+	<i>(как) в жопу ебаный</i> (вульг.)	<i>czyścić/ oczyścić (wyczyścić) sprzątać (uprzątać) stajnię Augiasza (stajnię augiaszową, stajnie augiaszowe)</i>
«напряженно»	<i>[весь] в мыле</i>	
+	<i>арбайтен унд копайтен</i> (сленг.)	<i>dać komuś wycisk</i>
«много»	<i>в поте морды</i> (сленг.)	<i>dawać / dać komuś w pizdę (pizdeczkę)</i> (вульг.)
	<i>валиться (падать) с ног</i>	<i>dostawać / dostać w pizdę (pizdeczkę)</i> (вульг.)
	<i>вкалывать как сто китайцев</i> (сленг.)	<i>dostawać / dostać wycisk</i>
	<i>вкалывать как тысяча негров</i> (сленг.)	<i>głowa (łeb) komuś pęka (puchnie)</i>
	<i>вогнуть в пот кого-то</i>	<i>głowa cięży komuś</i>
	<i>воз на себе тащить (тянуть)</i>	<i>jebać jak beduini</i> (вульг.)
	<i>выбиваться/ выбиться из сил</i>	<i>kłaść w głowę</i> (сленг.)
	<i>выгонять пот</i>	<i>ktoś przygnieciony (przybity) ciężarem pracy</i>
	<i>вымотать (измотать) себе (кому-то) [все] кишки</i>	<i>ktoś sterany pracą</i>
	<i>вытягивать (выматывать, тянуть) жилы из кого-то</i>	<i>ktoś zarźnięty pracą</i>
	<i>геркулесов труд (геркулесова работа, геркулесовы подвиги, подвиги (труд) Геракла (Геркулеса))</i>	<i>ledwo powłóczyć nogami</i>
	<i>гнуть (ломать) спину (спины, горб, горбы, хребет) себе (для кого-то, на</i>	<i>mózg paruje</i>
		<i>na ostatnich nogach</i>

кого-то, у кого-то	<i>nie czuć rąk (nóg)</i>
гнуть позвонок (сленг.)	<i>nie szczczędząc trudu (wysiłku)</i>
голова трещит у кого-то	<i>nie szczczędzić potu</i>
до потери импульса (сленг.)	<i>opadać/ opaść z sił</i>
до усеру (усера) (вульг.)	<i>padać (upadać) na twarz (nos, pysk)</i>
ебать в жопу (сраку) (вульг.)	<i>pot się z kogoś leje</i>
ежиков рожать [против шерсти] (сленг.)	<i>praca herkulesowa</i>
еле (едва) волочить ноги	<i>pracować (harować, narobić się, orać, tyrać, wkuwać, zasuwać) jak dziki (bury, głupi) osioł</i>
задавать / задать (давать / дать, поддавать / поддать жару кому-то	<i>pracować (harować, narobić się, orać, tyrać, zasuwać) jak koń [za pługiem]</i>
задницу (жопу) рвать	<i>pracować (harować, narobić się, orać, tyrać, zasuwać) jak wół</i>
заниматься онанизмом головного мозга (сленг.)	<i>pracować do [usranej] śmierci</i>
как бешеный слон делать что-то (сленг.)	<i>pracować do siódmego potu (do siódmych potów)</i>
крутить увертюру (сленг.)	<i>pracować do upadłego</i>
месить дерьмо (сленг.)	<i>pracować do utraty tchu</i>
мозолить руки	<i>pracować w krwawym pocie</i>
на себе (на своих плечах) вывезти (вынести)	<i>ręce komuś odpadają</i>
надрывать пуп (пупок)	<i>ręce zgrubiałe [od pracy]</i>
наживать своим потом	<i>siódme poty biją na kogoś</i>
напряги бицепсы (трицепсы) (сленг.)	<i>spluwać potem</i>
натирать / натереть мозоли	<i>śmiertelny pot (śmiertelne poty)</i>
не разгибать спины	<i>walić się (lecieć, padać) z nóg</i>
не щадя живота [своего]	<i>wchłaniać (wchromalać, wkrochmalać) wiedzę (сленг.)</i>
ноги подкашиваются у кого-то очко рвать (сленг.)	<i>wpieprzać wiedzę (вульг.)</i>
пахать до красной (кровавой) каки (сленг.)	<i>wyciskać z siebie (z kogoś) siódme poty</i>
пот проливать	<i>wyciskać/ wycisnąć z siebie (z kogoś) ostatnie poty</i>
потеть кровавым потом потом и кровью добывать (зарабатывать) что-то	<i>wycisnąć z kogoś ostatni dech (ostatnią parę)</i>

	<p><i>пупок развязывается/ развяжется у кого-то</i></p> <p><i>работать (вкалывать, пахать) как двухжильный</i></p> <p><i>работать (вкалывать, пахать) как зверь</i></p> <p><i>работать (вкалывать, пахать, трудиться) как [ломовая] лошадь</i></p> <p><i>работать (вкалывать, пахать, трудиться) как вол</i></p> <p><i>работать (вкалывать, пахать, трудиться) как ишак</i></p> <p><i>работать (вкалывать, пахать, трудиться) как папа Карло</i></p> <p><i>работать (вкалывать, трудиться) как батрак</i></p> <p><i>работать (вкалывать, трудиться) не разгибая спины (горба)</i></p> <p><i>работать (трудиться) до седьмого пота (поту)</i></p> <p><i>работать (трудиться) как водовозная (загнанная, измученная, разбитая, старая) кляча</i></p> <p><i>работать без разгибу</i></p> <p><i>работать до (кровавых) мозолей</i></p> <p><i>работать до потери пульса</i></p> <p><i>работать до самой смерти</i></p> <p><i>работать до упаду (до упада)</i></p> <p><i>работать как лев</i></p> <p><i>работать на износ</i></p> <p><i>работать не поднимая головы</i></p> <p><i>работать не разгибаясь</i></p> <p><i>разбитый (измученный, усталый) как [старая] кляча</i></p> <p><i>рвать жилы</i></p> <p><i>рвать задницу (сленг.)</i></p> <p><i>рвать/ порвать кишки</i></p>	<p><i>wypruwać sobie (z siebie, komuś) bebechy (flaki, kichy)</i></p> <p><i>wypruwać z siebie (z kogoś) żyły zabijać się pracą</i></p> <p><i>zpracować się na śmierć</i></p>
--	---	--

	<p><i>руки (ноги) отваливаются у кого-то</i></p> <p><i>руки у кого-то как (будто) каменные</i></p> <p><i>семь потов сойдет (сошло) с кого-то</i></p> <p><i>согнать семь потов с кого-то</i></p> <p><i>стоять (сесть) дулом кверху (сленг.)</i></p> <p><i>терзать букварь (сленг.)</i></p> <p><i>умываться кровавым (соленным) потом</i></p> <p><i>хребтом (горбом) наживать что-то</i></p> <p><i>худой (тощий) как цыганская лошадь</i></p>	
<p>«тяжело»</p> <p>+</p> <p>«напряженно»</p> <p>+</p> <p>«много»</p> <p>+</p> <p>«принудительно»</p>	<p><i>египетская работа (египетский труд)</i></p> <p><i>не жизнь (жизнь), а каторга</i></p> <p><i>работа (жизнь) как каторга</i></p> <p><i>работать (вкалывать, пахать) как каторжник (каторжница, каторжный, каторжная, каторжанин, каторжанка)</i></p> <p><i>работать (вкалывать, пахать) как негр [на плантации]</i></p> <p><i>работать (вкалывать, пахать) как раб (раба, рабыня)</i></p> <p><i>работать (жить) как на каторге</i></p> <p><i>работать как крепостной</i></p> <p><i>работать как невольник (невольница)</i></p>	<p><i>pracować (harować, tyrać) jak galernik</i></p> <p><i>pracować (harować, tyrać) jak Murzyn [na plantacji kawy]</i></p> <p><i>pracować (harować, tyrać) jak niewolnik (niewolnica)</i></p>
<p>«принудительно»</p> <p>+</p> <p>«неохотно»</p> <p>+</p> <p>«тяжело»</p>	—	<i>odrabiać / odrobić pańszczyznę</i>
<p>«тяжело»</p> <p>+</p>	<p><i>впрягаться / впрячься в лямку</i></p> <p><i>тянуть лямку</i></p>	<p><i>chodzić jak [koń (bydlę, muł, osioł)] w kieracie</i></p>

«МОНОТОННО»		
«МНОГО»	<p><i>воротить / своротить (сдвинуть) горы (гору)</i></p> <p><i>гора работы (дел)</i></p> <p><i>завалить кого-то работой</i></p> <p><i>как в котле кипеть</i></p> <p><i>куча работы (дел)</i></p> <p><i>масса дел (работы)</i></p> <p><i>непочатый край работы (дел)</i></p> <p><i>погрузиться в работу по уши</i></p> <p><i>работать за двоих (за троих, за десятерых)</i></p> <p><i>работать за себя и за того парня</i></p> <p><i>работы (дел, хлопот, забот) у кого-то выше головы</i></p> <p><i>работы по горло</i></p> <p><i>руки не доходят до чего-то</i></p> <p><i>с головой погрузиться (окунуться, уйти) в работу</i></p> <p><i>уйма дел</i></p> <p><i>хлопот (забот) полон рот</i></p>	<p><i>być zawałonym pracą</i></p> <p><i>do (od) chuja i trochę (вульг.)</i></p> <p><i>dwoić się i troić</i></p> <p><i>huk pracy (roboty)</i></p> <p><i>ktoś przygnieciony (przybity) ciężarem pracy (obowiązków)</i></p> <p><i>kupa pracy (roboty)</i></p> <p><i>masa pracy (roboty)</i></p> <p><i>mieć czegoś (np. pracy, roboty) po [same] uszy (powyżej uszu)</i></p> <p><i>mieć pełne ręce roboty</i></p> <p><i>mieć roboty po pachy</i></p> <p><i>mieć roboty po same łokcie</i></p> <p><i>mieć urwanie głowy</i></p> <p><i>natłok pracy (spraw, obowiązków)</i></p> <p><i>nawał pracy (roboty)</i></p> <p><i>nie wiedzieć w co ręce wsadzić (włożyć)</i></p> <p><i>odwalać / odwalić kawał (dobrej, solidnej) roboty</i></p> <p><i>pogrążyć się w pracy po uszy</i></p> <p><i>pracować za dwóch (za trzech, za dziesięciu)</i></p> <p><i>roboty do zajebania (вульг.)</i></p> <p><i>roboty od groma</i></p> <p><i>roboty od metra</i></p> <p><i>rzucić / rzucić się w wir pracy</i></p> <p><i>sterta pracy (roboty)</i></p> <p><i>tkwić po uszy w robocie</i></p> <p><i>urabiać / urobić sobie ręce po same łokcie</i></p> <p><i>zawalić kogoś pracą</i></p>

<p>«много» + «разное»</p>	<p><i>вертеться (кружиться, крутиться) как белка в колесе</i></p> <p><i>вертеться (крутиться) как бобик</i></p> <p><i>крутиться как на карусели</i></p> <p><i>работать как бобик</i></p>	<p><i>kręcić się jak w kołowrotku</i></p>
<p>«много» + «напряженно»</p>	<p><i>работать как дьявол</i></p> <p><i>работать (трудиться, вкалывать) как проклятый</i></p>	<p>—</p>
<p>«много» + «быстро»</p>	<p>—</p>	<p><i>pracować jak szatan</i></p>
<p>«много» + «напряженно» + «увлеченно»</p>	<p><i>работать (трудиться, вкалывать) как черт (сто, тысяча, сорок тысяч чертей)</i></p>	<p><i>harować jak wściekły</i></p>
<p>«усердно»</p>	<p><i>добывать свой хлеб в поте лица</i></p> <p><i>засучивать / засучить рукава</i></p> <p><i>муравьиная работа</i></p> <p><i>работать (трудиться) засучив (засуча) рукава</i></p> <p><i>работать (трудиться) как муравей (мурашка)</i></p> <p><i>работать (трудиться) как пчела (пчелка)</i></p> <p><i>работать (трудиться) не покладая (не покладывая, не покладаячи) рук</i></p> <p><i>работать как Золушка</i></p> <p><i>трудиться (работать) в поте лица [своего]</i></p> <p><i>трудолюбивый (прилежный) как</i></p>	<p><i>mrówcza praca</i></p> <p><i>pracować (zarabiać) w pocie czoła</i></p> <p><i>pracować jak mrówka</i></p> <p><i>pracować jak pszczoła (pszczołka)</i></p> <p><i>pracować zakasawszy rękawy (z zakasanyimi rękawami)</i></p> <p><i>pracowity jak mrówka</i></p> <p><i>pracowity jak pszczoła (pszczołka)</i></p> <p><i>pracowity jak wół</i></p> <p><i>przysiąc faldów</i></p> <p><i>zakasać rękawy</i></p>

	<p>муравей (мураш, мурашка)</p> <p>трудолюбивый (прилежный) как пчела (пчелка)</p> <p>трудолюбивый как вол</p>	
<p>«интенсивно»</p> <p>+</p> <p>«быстро»</p>	<p>[работать, трудиться и т.п.] так, что кого (от чьей спины) пар идет</p> <p>в (за) один присест</p> <p>в два счета</p> <p>в мгновение ока</p> <p>в один миг</p> <p>гореть на работе</p> <p>дело (работа и т.п.) горит (кипит) в руках у кого-то</p> <p>запрячь кого-то в работу</p> <p>одним (единым) махом</p> <p>печь как блины</p> <p>работа кипит</p> <p>работает как одержимый</p> <p>работать (вкалывать) как дурак (дура)</p> <p>работать (делать что-то) как робот</p> <p>работать во всю ивановскую</p> <p>работать как (заведенная, заводная) машина</p> <p>работать как автомат</p> <p>работать как заведенный (заводной)</p> <p>работать как ненормальный</p> <p>работать на всех парах</p> <p>раз-два (раз-раз) и готово</p> <p>с одного (единого) маха (маху)</p> <p>срать, копать и пылесосить (сленг.)</p>	<p>harować jak głupi</p> <p>mieć motorek w dupie (вульг.)</p> <p>migiem coś robić</p> <p>na chybicka</p> <p>praca wre</p> <p>pracować (robić coś) jak automat</p> <p>pracować (robić coś) jak maszyna</p> <p>pracować na pełnych (wysokich, najwyższych, maksymalnych) obrotach</p> <p>pracować pełną (całą) parą</p> <p>rach-ciach (rachu-ciachu)</p> <p>raz, dwa, trzy</p> <p>raz-dwa (raz, dwa)</p> <p>robota pali się komuś w rękach</p> <p>szast-prast</p> <p>w mgnieniu oka (w okamgnieniu)</p> <p>w try miga (w trymiga)</p> <p>wziąć/ brać kogoś do galopu</p> <p>zachrzaniać (zapieprzać, zapierdalać) jak mały samochodzik (вульг.)</p> <p>zaprząć/ zaprzęgać kogoś do pracy (roboty)</p> <p>zasuwać jak mały samochodzik</p> <p>zasuwać jak mały parowozik</p> <p>zwijać się (ruszać się, kręcić się, uwijać się) jak mucha w ukropie (w rosole)</p>

«медленно»	<p><i>двигаться (работать) как сонная муха</i></p> <p><i>копаться (возиться, копошиться) как воробей в навозной куче</i></p> <p><i>копаться (возиться, копошиться) как жук в навозе (навозный жук)</i></p> <p><i>ни тпру ни ну</i></p> <p><i>работать с прохладцей</i></p> <p><i>тянуть резинку</i></p> <p><i>ковырять(ся) (колупать(ся)) в заднице (в заднем проходе, жопе, пизде) (вульг.)</i></p>	<p><i>praca idzie komuś jak krew z nosa</i></p> <p><i>praca idzie komuś jak po grudzie (z kamienia)</i></p> <p><i>pracować jak żółw</i></p> <p><i>pracować na małych (niskich, wolnych) obrotach</i></p> <p><i>robić coś w żółwym tempie</i></p> <p><i>robić coś wolno jak żółw</i></p> <p><i>ruszać się (poruszać się) jak mucha w smole (mazi, miodzie)</i></p>
«медленно» + «однообразно»	<p><i>тянуть волынку</i></p> <p><i>тянуть (разводить) канитель</i></p>	—
«активно» + «сразу»	<p><i>брать / взять (схватить) быка за рога</i></p>	<p><i>wziąć (chwycić, złapać) byka za rogi</i></p>
«успешно» + «завершение»	<p><i>выходить / выйти на финишную прямую</i></p>	<p><i>wychodzić / wyjść na ostatnią prostą</i></p>
«беспрерывно»	<p><i>без вынимачки (вульг.)</i></p> <p><i>денно и ночью</i></p> <p><i>день деньской</i></p> <p><i>от зари до зари</i></p> <p><i>от петухов до петухов</i></p> <p><i>от темна до темна</i></p> <p><i>работа Пенелопы</i></p> <p><i>работать без прорыва (прорыву)</i></p> <p><i>работать от гимна до гимна</i></p>	<p><i>cały boży dzień</i></p> <p><i>dniem i nocą (dniami i nocami)</i></p> <p><i>kamieniem siedzieć (przesiadywać) nad czymś</i></p> <p><i>nie śpiąc, nie jedząc</i></p> <p><i>od rana (świtu) do nocy</i></p> <p><i>piątek – (czy) świętek (świętek czy (i) piątek)</i></p> <p><i>praca Penelopy</i></p> <p><i>pracować bez wytchnienia</i></p>

	<p><i>с утра до ночи</i></p> <p><i>свету [белого] не видать</i></p>	
«легко»	<p><i>делать что-то словно (как бы, точно) играючи (играя)</i></p> <p><i>идти (пойти) по линии (пути) наименьшего сопротивления</i></p> <p><i>как два байта переслать (вульг.)</i></p> <p><i>как два пальца об асфальт (вульг.)</i></p> <p><i>как два пальца обоссать (обписать) (вульг.)</i></p> <p><i>легкая рука у кого-то</i></p> <p><i>на пук (на два пука, на три пука) сделать что-то (сленг.)</i></p> <p><i>пара пустяков кому-то что-то</i></p> <p><i>плевое дело</i></p> <p><i>проще пареной репы</i></p> <p><i>проще простого что-то</i></p> <p><i>работа не бей лежачего</i></p> <p><i>работать не бей лежачего</i></p> <p><i>работник не бей лежачего</i></p> <p><i>раз плюнуть (чихнуть) кому-то</i></p> <p><i>щелкать как орехи (семечки)</i></p>	<p><i>bulka z masłem</i></p> <p><i>iść pójść po linii najmniejszego oporu</i></p> <p><i>jak dla kogo bułkę z masłem zjeść</i></p> <p><i>lekkim chujem (вульг.)</i></p> <p><i>mieć lekką rękę</i></p> <p><i>robić coś lekką ręką</i></p> <p><i>z palcem w dupie (вульг.)</i></p> <p><i>z palcem w nosie (сленг.)</i></p>
«старательно»	<p><i>блоху подковать</i></p> <p><i>делать / сделать что-то на большой палец</i></p> <p><i>из кожи (вон) лезть</i></p> <p><i>комар носу (носа) не подточит</i></p> <p><i>поймать (словить) микрон (или микроны) (сленг.)</i></p> <p><i>приложить руку к чему-то</i></p> <p><i>рвать [себе] пупок</i></p> <p><i>сделать на ять</i></p>	<p><i>ani mucha nie porucha (сленг.)</i></p> <p><i>coś zrobione na tip-top</i></p> <p><i>flaki sobie wypruć</i></p> <p><i>kuć na perlowo (сленг.)</i></p> <p><i>mieć złote ręce</i></p> <p><i>mucha nie siada</i></p> <p><i>przykladać się/ przyłożyć się do pracy (roboty, nauki i in.)</i></p> <p><i>wykuć na blachę (сленг.)</i></p>

	<i>у кого-то золотые руки</i>	
«небрежно»	<p><i>делать что-то как сапожник</i></p> <p><i>делать что-то левой ногой (пяткой)</i></p> <p><i>делов наделать</i></p> <p><i>закладывать / заложить (лепить / залепить, химичить / захимичить) туфту</i></p> <p><i>заряжать / зарядить (заправлять / заправить) туфту</i></p> <p><i>и вкривь и вкось</i></p> <p><i>из кого-то работник как из говна пуля (вульг.)</i></p> <p><i>из кого-то работник как из чего-то пуля</i></p> <p><i>на живую нитку</i></p> <p><i>на живую руку</i></p> <p><i>на фуфу</i></p> <p><i>работать спустя рукава</i></p> <p><i>руки из задницы (жопы, попы) растут у кого-то</i></p> <p><i>руки к заду (заднице, не к тому месту) пришиты (приделаны) у кого-то</i></p> <p><i>с пятого на десятое, через пятое на десятое</i></p> <p><i>сделать что-то на коленке</i></p> <p><i>скользить по поверхности</i></p> <p><i>тяп-ляп (тяп да ляп)</i></p> <p><i>через жопу</i></p> <p><i>через пень колоду</i></p> <p><i>гнать лажу (сленг.)</i></p> <p><i>гнать левак(а) (сленг.)</i></p> <p><i>лечь не в масть (сленг.)</i></p> <p><i>лепить (гнать, садить) чернуху (сленг.)</i></p>	<p><i>aby dalej</i></p> <p><i>aby zbyć</i></p> <p><i>aby-aby</i></p> <p><i>byle Polska nie zginęła</i></p> <p><i>mieć dwie lewe ręce</i></p> <p><i>na hura</i></p> <p><i>na łapu-capu (na łapu, capu, na łapuscapu, na łap-cap)</i></p> <p><i>na odtrąbiono</i></p> <p><i>na patataj</i></p> <p><i>odstawiać (odwalić, robić) chaturę</i></p> <p><i>odstawiać / odstawić (odwalać / odwalić) fuszerkę (fuchę)</i></p> <p><i>odstawiać / odstawić (odwalać / odwalić) kit (сленг.)</i></p> <p><i>odstawiać / odstawić (odwalać / odwalić) lipę (сленг.)</i></p> <p><i>po lebkach</i></p> <p><i>pracować na pół gwizdka</i></p> <p><i>robić coś na kolanie</i></p> <p><i>robić coś na odpięprz (się) (сленг.)</i></p> <p><i>robić coś na odpierdol (się) (сленг.)</i></p> <p><i>robić coś na odwal (się) (сленг.)</i></p> <p><i>robić coś od dupy strony (сленг.)</i></p> <p><i>robić coś od niechcenia</i></p> <p><i>ślizgać się po powierzchni czegoś</i></p> <p><i>z kogoś [jest] (ktoś) jak z koziej dupy trąba (вульг.)</i></p>

«отсутствие заработка»	<p><i>за (одно) спасибо сделать что-то</i></p> <p><i>за так</i></p> <p><i>за палочки работать</i></p>	<p><i>robić coś za [jedyne] Bóg zapłać</i></p> <p><i>za damski chuj (вульг.)</i></p>
зарабатывать	<p><i>гнать (грести, зашибать) деньгу (сленг.)</i></p> <p><i>заколачивать бабки (сленг.)</i></p> <p><i>заколачивать деньгу (сленг.)</i></p> <p><i>ковать монету (сленг.)</i></p> <p><i>лепить бабки (бабок) (сленг.)</i></p> <p><i>наловить воробушков (сленг.)</i></p> <p><i>намывать бабок (сленг.)</i></p> <p><i>намывать капусты (сленг.)</i></p> <p><i>окучивать капусту (сленг.)</i></p> <p><i>поднимать бабки (сленг.)</i></p> <p><i>рубить (косить, копать, стричь) капусту (сленг.)</i></p> <p><i>сколачивать фанеру (сленг.)</i></p> <p><i>срубить / нарубить бабки (бабок) (сленг.)</i></p> <p><i>срубить денег (сленг.)</i></p> <p><i>стругать бабульки (сленг.)</i></p> <p><i>стругать башельки (сленг.)</i></p>	<p><i>naładować kieszeń</i></p> <p><i>nazbijać kokosów</i></p>
«чужим трудом»	<p><i>(и) мы пахали</i></p> <p><i>[даром] есть чужой хлеб</i></p> <p><i>[заставить] таскать (доставать) воду возить на ком-то</i></p> <p><i>впиваться в кого-то (присасываться к кому-то, сосать (пить) кровь из кого-то) как клещ (клоп, пиявка)</i></p> <p><i>выжатый лимон</i></p> <p><i>выжать / выжимать кого-то как лимон</i></p>	<p><i>[darmo] jeść czyjś chleb</i></p> <p><i>być (żyć) u kogoś na laskawym chlebie</i></p> <p><i>cudzymi rękami żar grzebać</i></p> <p><i>doić kogoś jak mleczną krowę</i></p> <p><i>jechać/ jeździć na kimś jak na łysej kobyłe</i></p> <p><i>jeść u kogoś (gdzieś) laskawy chleb</i></p> <p><i>na cudzych plecach</i></p> <p><i>na krzywy rój (сленг.)</i></p>

	<p><i>выжимать (жать, тянуть, сосать и т.п.) сок ([все, последние] соки) из кого-то</i></p> <p><i>выжимать / выжать кого-то как губку</i></p> <p><i>высасывать / высосать (всю, последнюю) кровь из кого-то</i></p> <p><i>для дяди делать что-то</i></p> <p><i>доить кого-то как корову</i></p> <p><i>ездить на ком-то как на лошади</i></p> <p><i>жить (сидеть) на аске (сленг.)</i></p> <p><i>жить за чужой спиной</i></p> <p><i>жнет, где не сеял</i></p> <p><i>каштаны из огня для кого-то</i></p> <p><i>на [чужого] дядю (для дяди) работать</i></p> <p><i>на дармовщину (дармовщину)</i></p> <p><i>на дурика (сленг.)</i></p> <p><i>на халяву (халявку, халявинку) (сленг.)</i></p> <p><i>на халяву и уксус сладкий (сленг.)</i></p> <p><i>на чужом горбу (хребте, на чужих горбах) в рай въезжать (въехать, ехать)</i></p> <p><i>на чужом горбу прокатиться (прокататься)</i></p> <p><i>на чужом хую в рай въезжать / въехать (вульг.)</i></p> <p><i>на шарика (сленг.)</i></p> <p><i>на шару (сленг.)</i></p> <p><i>намутить лошину (сленг.)</i></p> <p><i>оседлать кого-то как лошадь</i></p> <p><i>перекладывать / переложить (сваливать / свалить, взваливать / взвалить) что-то на плечи кого-то (чьи-то, кому-то)</i></p>	<p><i>na sępa (сленг.)</i></p> <p><i>orać w kogoś jak w łysego konia</i></p> <p><i>przerzucac/ przerzucić (składać/ złożyć, zwalać/ zwalić) coś na czyjeś barki</i></p> <p><i>spijać śmietankę</i></p> <p><i>ssać kogoś jak pijawka</i></p> <p><i>wszystkie (ostatnie) soki</i></p> <p><i>wyciągać (wybierać, wyjmować) kasztany z ognia cudzymi rękami</i></p> <p><i>wyciskać/ wycisnąć kogoś jak cytrynę</i></p> <p><i>wycisnąć kogoś jak gąbkę</i></p> <p><i>wysysać krew z kogoś, wyciskać z kogoś za friko (сленг.)</i></p>
--	--	--

	<p><i>пить (сосать) кровь чью</i></p> <p><i>получить на халтон (сленг.)</i></p> <p><i>сидеть (жить, быть) на чужой шее</i></p> <p><i>снимать / снять пенки (пенку) с чего-то</i></p> <p><i>чужими руками делать что-то</i></p> <p><i>чужими руками жар загребать</i></p>	
<p>«бессмысленно»</p> <p>+</p> <p>«отсутствие результата»</p>	<p><i>бег на месте</i></p> <p><i>бочка (работа) Данаид</i></p> <p><i>в низду воду лить (вульг.)</i></p> <p><i>возить воду в колодец</i></p> <p><i>возить дрова в лес</i></p> <p><i>выдумывать перпетуум-мобиле</i></p> <p><i>ездить в Тулу со своим самоваром (в Тулу со своим самоваром не ездят)</i></p> <p><i>искать кобылку у татарина (сленг.)</i></p> <p><i>искать кобылу у цыган (сленг.)</i></p> <p><i>копить на паровоз (сленг.)</i></p> <p><i>ломиться в открытую дыерь</i></p> <p><i>лясы (балясы) точить</i></p> <p><i>мартышкин труд</i></p> <p><i>парить мозги (сленг.)</i></p> <p><i>переливать (пересыпать) из пустого в порожнее</i></p> <p><i>пылесосить пустыню (тайгу) (сленг.)</i></p> <p><i>разгонять облака руками</i></p> <p><i>решетом воду носить (таскать, черпать)</i></p> <p><i>сизифов труд, сизифова работа</i></p> <p><i>страдать геморроем (сленг.)</i></p> <p><i>толочь воду [в ступе]</i></p>	<p><i>beczka (praca) Danaid, Danaidowy trud (wysiłek)</i></p> <p><i>czepać (nosić) wodę sitem (rzeszotem, przetakiem)</i></p> <p><i>kręcić bicz (bicz) z piasku</i></p> <p><i>łać wodę do dziurawego naczynia (do naczynia bez dna)</i></p> <p><i>mlócić sieczkę</i></p> <p><i>mówić (pleść) koszałki-opalki</i></p> <p><i>nie jeździ się z samowarem do Tuły</i></p> <p><i>pleść androny</i></p> <p><i>przelewać z pustego w próżne</i></p> <p><i>robota głupiego</i></p> <p><i>rzeźbić w gównie (сленг.)</i></p> <p><i>wiosłować po piasku (сленг.)</i></p> <p><i>wozić drewno (drzewo, szyszki) do lasu</i></p> <p><i>wozić wodę do studni (do morza)</i></p> <p><i>wymyślać perpetuum mobile</i></p> <p><i>wyważać otwarte drzwi</i></p> <p><i>zawracać kijem Wisłę</i></p>

	<p><i>тянуть (тащить) нищего (нищих) за хер</i> (сленг.)</p> <p><i>фигней страдать</i> (сленг.)</p>	
«ПСЕВДОАКТИВНОСТЬ»	<p><i>балду гонять (пинать)</i> (сленг.)</p> <p><i>бить баклуши</i></p> <p><i>болтаться как дерьмо (говно) в проруби</i> (вульг.)</p> <p><i>быкам хвосты крутить</i> (сленг.)</p> <p><i>валять (ломать) дурака (дурочку, ваньку)</i></p> <p><i>вафли сушить</i> (сленг.)</p> <p><i>голубей гонять</i></p> <p><i>гранить мостовую</i></p> <p><i>груши [с дерева] околачивать</i></p> <p><i>дрочить хуй</i> (вульг.)</p> <p><i>дурью маяться</i></p> <p><i>ежиков пасти</i> (сленг.)</p> <p><i>заниматься онанизмом</i> (вульг.)</p> <p><i>играть в [карманный] бильярд</i> (сленг.)</p> <p><i>играть в бирюльки</i></p> <p><i>как дело делать</i></p> <p><i>катать бананы</i> (сленг.)</p> <p><i>клопа давить</i> (сленг.)</p> <p><i>клопа ебать</i> (вульг.)</p> <p><i>ковырять в носу</i> (сленг.)</p> <p><i>ковыряться в жопе</i> (вульг.)</p> <p><i>косить изюм</i> (сленг.)</p> <p><i>курить бамбук</i> (сленг.)</p> <p><i>ласты парить</i> (сленг.)</p> <p><i>лодыря гонять</i></p> <p><i>Муму пасти</i> (сленг.)</p>	<p><i>kręcić się jak gówno w przeręblu</i></p> <p><i>liczyć muchy na suficie</i></p> <p><i>łapać muchy</i></p> <p><i>łazić (chodzić, wałęsać się) z kąta w kąt</i></p> <p><i>objąć się po bruku</i></p> <p><i>pluć i łapać</i></p> <p><i>szlifować (zbijać, objąć) bruki</i></p> <p><i>zbijać bąki</i></p>

	<p><i>мух ловить</i></p> <p><i>пиздой мух ловить</i> (вульг.)</p> <p><i>пинать воздух</i> (сленг.)</p> <p><i>плевать (поплевывать) в потолок протирать [зря] штаны</i></p> <p><i>разводить тары-бары</i></p> <p><i>сачка давить</i> (сленг.)</p> <p><i>слонов гонять</i></p> <p><i>слону яйца качать</i> (вульг.)</p> <p><i>слоны (слонов) слонять</i></p> <p><i>собак гонять</i></p> <p><i>собакам сено косить</i></p> <p><i>считать ворон (галок, мух)</i></p> <p><i>считать звезды</i></p> <p><i>трудовая мозоль</i></p> <p><i>хер в стакане болтать</i> (вульг.)</p> <p><i>хуем (членом, хером, хреном) груши околачивать</i> (вульг.)</p> <p><i>чесать нагрудный плюш</i> (сленг.)</p> <p><i>чесать яйца</i> (вульг.)</p> <p><i>шнуровать валенки</i> (сленг.)</p>	
«нежелание»	<p><i>[и] палец (пальца, пальцем) о палец не ударить</i></p> <p><i>[и] пальцем не двинуть (не шевелить, не пошевелить, не шевельнуть, не пошевелить)</i></p> <p><i>быть (сидеть, стоять) как в гостях</i></p> <p><i>жить (сидеть, стоять) барчук (как барчук)</i></p> <p><i>лежать (развалиться) как корова (коровой)</i></p> <p><i>лежать (развалиться, разлечься, рассестся, сидеть) как барин (барыня, барином, барыней)</i></p>	<p><i>bimbać konserowo</i> (сленг.)</p> <p><i>być chorym na lenia</i></p> <p><i>chce się komiś robić jak psu orać</i></p> <p><i>chce się komiś robić jak psu tańczyć</i></p> <p><i>chorować na lenia</i></p> <p><i>gnić w wyrze</i> (сленг.)</p> <p><i>kłaść chuja na coś</i> (вульг.)</p> <p><i>kłaść łagę</i> (вульг.)</p> <p><i>kręcić się jak gówno w przeręblu</i> (сленг.)</p>

<p><i>лежать как байбак</i></p> <p><i>лежать сверху брюхом (пузом, животом)</i></p> <p><i>лежать сверху задницей (жопой, воронкой) (вульг.)</i></p> <p><i>лежнем лежать</i></p> <p><i>ленив (ленивый) как тюлень</i></p> <p><i>ленив(ый) как боров</i></p> <p><i>ленив(ый) как осел</i></p> <p><i>ленив(ый) как сивый мерин</i></p> <p><i>ленивая как корова</i></p> <p><i>лишнего шагу не делать / не сделать</i></p> <p><i>лопаться / лопнуть от (с) жиру</i></p> <p><i>небо коптить</i></p> <p><i>просиживать [зря] штаны</i></p> <p><i>работать на холостом ходу</i></p> <p><i>руки в брюки (в карманах, в карманы)</i></p> <p><i>с жиру беситься</i></p> <p><i>сесть (рассесться) как господин (господином, госпожа, госпожой)</i></p> <p><i>сидеть (ждать) сложа руки</i></p> <p><i>сидеть как именинник (именинником, именинница, именинницей) / сидеть как (у тети) на именинах</i></p>	<p><i>leżeć [martwym (obojętnym)] bykiem</i></p> <p><i>leżeć betką (сленг.)</i></p> <p><i>leżeć do góry brzuchem</i></p> <p><i>leżeć do góry chujem (вульг.)</i></p> <p><i>leżeć do góry dupą (tyłkiem) (вульг.)</i></p> <p><i>leżeć do góry pępkim</i></p> <p><i>leżeć jak krowa na wyciągu (сленг.)</i></p> <p><i>leżeć kołami do góry (сленг.)</i></p> <p><i>leżeć palnikiem do góry (сленг.)</i></p> <p><i>mieć (nosić) piasek (piach) w rękawach</i></p> <p><i>mieć ręce palcami zajęte</i></p> <p><i>nawet nie ruszyć ruszyć dupą (вульг.)</i></p> <p><i>nie hańbić/ zhańbić się [nigdy] pracą</i></p> <p><i>nie kiwnąć (ruszyć) palcem [w bucie]</i></p> <p><i>nie splamić się [nigdy] pracą</i></p> <p><i>palcem niczego nie tknąć</i></p> <p><i>palcem o palec nie stuknąć (nie ruszyć)</i></p> <p><i>pierdzieć w stołek (вульг.)</i></p> <p><i>robić / zrobić el-be (сленг.)</i></p> <p><i>siedzieć (czekać, przyglądać się) z założonymi rękami (rękoma)</i></p> <p><i>siedzieć na dupie (вульг.)</i></p> <p><i>uprawiać el-be (сленг.)</i></p> <p><i>urodzić się w niedzielę</i></p> <p><i>uskutecznić el-be (сленг.)</i></p> <p><i>wrzucić jałowy bieg</i></p> <p><i>wyciągnąć kopyta (сленг.)</i></p> <p><i>zaliczać el-be (сленг.)</i></p>
---	---

Streszczenie

W rozprawie doktorskiej pt. „Semantyka pracy w aspekcie konfrontatywnym rosyjsko-polskim” została podjęta próba rekonstrukcji językowego obrazu pracy w dwóch pokrewnych językach słowiańskich – rosyjskim i polskim. Głównym założeniem dysertacji jest przeniknięcie poprzez analizę semantyczną leksemów i frazeologizmów do sfery konceptów. Analiza wykazała, w jaki sposób praca jest postrzegana i interpretowana przez Polaków i Rosjan, użytkowników zarówno języka ogólnego, jak i slangu młodzieżowego. Rozprawa ma charakter interdyscyplinarny, czerpie z dorobku etnolingwistyki, lingwistyki kulturowej, lingwistyki kognitywnej i socjolingwistyki.

Wybór przedmiotu badań był podyktowany tym, że praca odgrywa szczególną rolę w świadomości językowej każdego człowieka, bez względu na to, jakim językiem się posługuje. Praca jest zaliczana do kluczowych i uniwersalnych pojęć kultury, a stosunek do niej umożliwia formułowanie sądów wartościujących postawy życiowe człowieka. Pojęcie pracy znajdowało się i nadal znajduje się w kręgu zainteresowań przedstawicieli wielu nauk humanistycznych i społecznych (filozofów, historyków, antropologów, socjologów, psychologów, ekonomistów). Również na gruncie językoznawstwa powstawały prace naukowe poświęcone analizie tego pojęcia (Jelena Ganapolskaja, Tatiana Gonnova, Oksana Czernowa, Grigorij Tokariew, Małgorzata Brzozowska, Teresa Giedz-Topolewska i in.). Należy jednak podkreślić, że szczególnie polskie opracowania lingwistyczne ujmowały fenomen pracy wybiórczo, często w sposób szkicowy.

Rekonstrukcja językowego obrazu pracy, według posiadanych przez nas danych, nie była jak dotychczas przedmiotem badań naukowych w ujęciu konfrontatywnym rosyjsko-polskim. Niewiele jest także prac naukowych zarówno polskich, jak i rosyjskich poświęconych rekonstrukcji określonego fragmentu rzeczywistości utrwalonego w podstandardzie językowym, a następnie zestawieniu go z obrazem zawartym w języku ogólnym. Pod tym kątem praca do tej pory w ogóle nie była przedmiotem badań naukowych.

Rozprawa doktorska wpisuje się w nurt studiów językoznawczych nad semantyką nazw wartości i wnosi wkład w rozwój antropocentrycznych dyscyplin naukowych. Wyniki uzyskanych badań mogą znaleźć zastosowanie w praktyce akademickiej, przy opracowywaniu pomocy naukowych dla osób uczących się języka polskiego i rosyjskiego (rodzimych użytkowników języka, jak również tych, dla których dany język jest językiem

obcym), przy tworzeniu słowników (jednojęzycznych, dwujęzycznych) oraz w procesie tłumaczenia.

Materiał badawczy został wyekscerpowany ze słowników objaśniających, frazeologicznych, słowników synonimów, antonimów, mowy potocznej oraz slangu młodzieżowego (ogółem z 61 pozycji). Zebrano 467 polskich leksemów i frazeologizmów i 673 leksemy i frazeologizmy rosyjskie, z czego przeanalizowano odpowiednio 420 i 600 jednostek.

Dysertacja składa się ze wstępu, czterech rozdziałów, zakończenia, bibliografii, spisu skrótów oraz trzech załączników.

We wstępie został uzasadniony wybór tematu badawczego, aktualność podejmowanych badań, wkład w rozwój poszczególnych dziedzin językoznawstwa, w szczególności etnolingwistyki, lingwistyki kulturowej, lingwistyki kognitywnej i socjolingwistyki, a także praktyczne znaczenie dysertacji. Sformułowano cele i zadania rozprawy doktorskiej, przedstawiono hipotezę badawczą oraz określono przedmiot badawczy i metodologię badań.

Rozdział pierwszy został poświęcony teoretycznym założeniom pracy. Zaprezentowano stan badań nad językiem jako formą konceptualizacji świata, nad złożonymi relacjami pomiędzy językiem a kulturą. Przybliżono koncepcje niemieckich filozofów i językoznawców Johanna G. Herdera, Wilhelma von Humboldta, Leo Weisgerbera, przedstawicieli amerykańskiej lingwistyki antropologicznej Edwarda Sapira, Benjamina Lee Whorfa, a także współczesnych językoznawców Janusza Anusiewicza, Jerzego Bartmińskiego, Ryszarda Tokarskiego, Anny Wierzbickiej, Władimira Karasika, Walentyny Masłowej, Weroniki Teliji i in. Następnie zostało omówione pojęcie językowego obrazu świata w pracach językoznawców polskich i rosyjskich, jak również pojęcie konceptu, czyli kluczowego terminu lingwistyki kulturowej i kognitywnej w Rosji (ujęcie Jeleny Kubriakowej, Jurija Stiepanowa, Zinaidy Popowej, Iosifa Stiernina i in.). W związku z tym, iż interpretacja rzeczywistości jest zawarta nie tylko w języku ogólnym, precyzyjnie zdefiniowano pojęcie mowy potocznej, slangu, żargonu i argotu (definicje m.in. Olgi Achmanowej, Jeleny Ziemskiej, Wasilija Chimika, Władysława Lubasia).

W rozdziale drugim przedstawiono etymologię rosyjskich wyrazów *мпыд* i *пабона* oraz polskich *praca*, *trud* i *roboty*. Następnie na podstawie łączliwości podanych jednostek leksykalnych wskazano różnice semantyczne pomiędzy rosyjskimi leksemami a ich

polskimi ekwiwalentami z uwzględnieniem ich potencjału słowotwórczego. Opis synonimów umożliwił wskazanie najbardziej aktualnych parametrów konceptu „praca”, natomiast analiza antonimów pozwoliła na wyciągnięcie wniosków dotyczących związku danego konceptu z innymi konceptami. Przeanalizowano także nazwy osób ze względu na ich stosunek do pracy (nazwy osób pracujących dużo i ciężko, wolno, starannie i niestarannie, korzystających z owoców czyjejs pracy, leniwych itd.)

W rozdziale trzecim omówiono polskie i rosyjskie frazeologizmy, które charakteryzują człowieka jako wykonawcę czynności, sam proces pracy oraz jego rezultaty. Frazeologizmy podzielono na 13 grup w zależności od cechy semantycznej pracy aktualizowanej w ich znaczeniu. Wśród analizowanych frazeologizmów znalazły się jednostki zawierające komponenty somatyczne, zoonimiczne, nazwy realiów (antroponimy, toponimy, nazwy przedmiotów codziennego użytku itd.) oraz frazeologizmy, które wprawdzie nie zawierają komponentu nacechowanego kulturowo, jednak aby dotrzeć do ich znaczenia niezbędna jest znajomość wielowiekowej historii i kultury Polski i Rosji.

Rozprawę zamyka rozdział czwarty poświęcony konceptualizacji pracy w podstandardzie językowym, w szczególności w slangu młodzieżowym. Analizie zostały poddane slangowe synonimy wyrazów *praca* i *lenistwo*, nazwy osób ze względu na ich stosunek do pracy oraz związki frazeologiczne. Dzięki temu, iż praca zaliczana jest do uniwersalnych konceptów kultury, możliwe było wyróżnienie podobnych (jednak mniej różnorodnych) grup semantycznych niż w języku ogólnym. Porównano obrazy, jakie wyłoniły się z analizy materiału slangowego z danymi uzyskanymi z analizy jednostek języka ogólnego.

W zakończeniu podsumowano przeprowadzone badania, ujęto najważniejsze wnioski wpływające z analiz szczegółowych oraz wskazano możliwe perspektywy badawcze.

Analiza zebranego materiału empirycznego pozwoliła na wysunięcie następujących wniosków:

Podobieństwa w postrzeganiu pracy przez Polaków i Rosjan są zakorzenione w tej samej, wspólnej wszystkim ludziom bazie doświadczeniowej. Analiza materiału językowego pozwoliła na wyróżnienie uniwersalnych cech semantycznych (parametrów) pracy. Dominującą pozycję pośród nich zajmują takie parametry, jak „ciężko”, „intensywnie” (ros. „напряженно”), „dużo”, „brak chęci”. Uniwersalne są również

parametry odnoszące się do tempa wykonywanej pracy („szybko” – „wolno”) oraz jej jakości („dobrze”, „starannie” – „źle”, „niestarannie”).

Różnice w konceptualizacji pracy przejawiają się w różnej realizacji poszczególnych grup semantycznych, czyli w ich werbalizacji. Na przykład, lenistwo w ruszczyźnie uosabiają inni przedstawiciele świata zwierzęcego niż w polszczyźnie.

W świadomości językowej Polaków i Rosjan szczególny nacisk kładziony jest na związek pracy i lenistwa. Możliwe stało się zrekonstruowanie obrazu człowieka pracującego. W znaczeniu leksemów i frazeologizmów zostało utrwalone, np. to, że praca negatywnie odbija się na zdrowiu człowieka, prowadzi do zaburzenia funkcjonowania wielu organów, często nawet do śmierci, a wysiłkowi towarzyszy obfite wydzielenie potu. Człowiek pracujący dużo i ciężko porównywany jest do zwierząt wykorzystywanych w gospodarstwie domowym. Wykonuje on również pracę tak, jak gdyby znajdował się w niewoli. Stereotypowy leń to natomiast człowiek prowadzący mało aktywny tryb życia, przyjmujący pozę leżącą lub siedzącą, ręce jego są nieruchome, jeśli już przejawia jakąś aktywność, to albo włóczy się gdzieś bez celu, albo spędza czas na rozrywkach, albo też podejmuje się z przesadną gorliwością bezsensowych działań, tracąc tylko swój czas. Oprócz tego, żyje, żywi się cudzym kosztem.

Pozytywne strony pracy zarówno w polszczyźnie, jak i ruszczyźnie są pokazane w sposób znikomy. Nie można jednak sądzić, że w świadomości językowej Polaków i Rosjan został utrwalony tylko negatywny stosunek do pracy. Użytkownicy obu języków cenią czyjąś pracowitość, skuteczne, staranne wykonanie jakiejś pracy. Pozytywna ocena pracy zawarta jest wyłącznie w leksemach i frazeologizmach języka ogólnego. Z kolei w slangu młodzieżowym jest wyśmiewana pracowitość, o czym świadczy obecność wielu wyraźnie nacechowanych negatywnie nazw pilnych i pracowitych uczniów oraz studentów pilnych.

Jak wykazała analiza, koncept „pracy” w slangu młodzieżowym w sposób bezpośredni jest związany z konceptem „nauki”.

Na uwagę zasługuje również to, iż w świadomości językowej użytkowników slangu celem pracy staje się zarabianie pieniędzy. Mamy więc w tym wypadku do czynienia ze zwrotem w kierunku utylitarności.

Materiał slangowy języka rosyjskiego jest zdecydowanie bogatszy niż materiał polski, toteż zrekonstruowany fragment rosyjskiego obrazu świata jest bardziej szczegółowy.

Rozprawa doktorska otwiera perspektywy badawcze dla dalszej analizy semantyki pracy w ujęciu konfrontatywnym rosyjsko-polskim. Zakłada się rekonstrukcję danego fragmentu językowego obrazu świata na podstawie danych tekstowych oraz przeprowadzenie ankiet w celu uaktualnienia znaczenia wybranych leksemów i frazeologizmów. Dotyczy to przede wszystkim bardzo dynamicznego materiału slangowego.